ЮРИДИЧЕСКАЯ НАУКА
.НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
№1
2020

Журнал входит в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертации на соискание ученой степени доктора и кандидата наук

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА. ИСТОРИЯ УЧЕНИЙ О ПРАВЕ И ГОСУДАРСТВЕ

Кожокарь И.П. К вопросу о понятии дефектов нормативно-правовых связей 4

Овчинникова Ю.В., Гаврилов Д.Ю. Критерии классификации национальных пенсионных систем 9

Овчинников С.Н., Яковленко И.А. Параметры качества законодательства о публичных торгах 14

КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО. КОНСТИТУЦИОННЫЙ СУДЕБНЫЙ ПРОЦЕСС. МУНИЦИПАЛЬНОЕ ПРАВО

Ильин И.М. Федеративное измерение конституционного суверенитета 19

Кочиева О.А. Избирательное законодательство как основа парламентаризма в Республике Южная Осетия 24

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО. ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ ПРАВО. СЕМЕЙНОЕ ПРАВО. МЕЖДУНАРОДНОЕ ЧАСТНОЕ ПРАВО

Новикова О.В. К вопросу об оказании необходимого содействия стороне договора подряда 27

Парин Д.В., Чекулаев С.С. Брачный договор. Сравнительно-правовой анализ законодательства России и законодательства США и Австралии 30

Федякова Н.А., Косынкин А.А., Ефремов Е.Н. Вопросы ответственности наследников по долгам наследодателя при заключении последним договора страхования жизни и здоровья 34

ФИНАНСОВОЕ ПРАВО. НАЛОГОВОЕ ПРАВО. БЮДЖЕТНОЕ ПРАВО

Ключникова Я.А., Венгеровский Е.Л. К вопросу о государственной поддержке предпринимательской деятельности в природоохранных зонах на примере туристской отрасли 37

ТРУДОВОЕ ПРАВО. ПРАВО СОЦИАЛЬНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ

Сайганова Л.Н., Волостнова Т.И. Правовая модель трудоустройства выпускников учебных заведений 40

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ. УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО

Гомонов Н.Д., Труш В.М., Пирогов П.П., Тимохов В.П. Детерминанты преступного поведения 44

Новиков А.В. Организация и методика оперативно-розыскного производства по делам оперативной разработки несовершеннолетних: теоретический аспект 48

Куликова О.Н., Федоскин Н.Н. Межотраслевые принципы уголовно-исполнительного права в уголовном судопроизводстве 52

Черехович М.М. Применение метода анкетирования в криминологии на примере изучения мнения осужденных об эффективности воспитательной работы с ними 55

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО. ЕВРОПЕЙСКОЕ ПРАВО

Агамиров К.В. Прогнозирование правовых рисков для национальной безопасности государств – членов ЕАЭС в условиях ограничений формирования и развития «зон знаний» 62

Киченина В.С., Фесенко Э.А. Реализация принципа pacta sunt servanda в современных международно-правовых отношениях 71

Учредитель: **ООО «Издательство КНОРУС»**

Свидетельство о регистрации СМИ
ПИ № ФС 77–74313 выдано 23.11.2018
ISSN2220–5500

Адрес редакции: 117218, Москва, ул. Кедрова, д. 14, корп. 2
E-mail: jur-science@mail.ru *Сайт:* www.jurnauka.ru

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Ашмарина Елена Михайловна, д-р юрид. наук, проф., Российский государственный университет правосудия; **Багреева Елена Геннадиевна,** д-р юрид. наук, проф., Финансовый университет при Правительстве РФ; **Барабанова Светлана Васильевна,** д-р юрид. наук, доц., Казанский национальный исследовательский технологический университет; **Бирюков Павел Николаевич,** д-р юрид. наук, проф., Воронежский государственный университет; **Галушкин Александр Александрович,** кандидат юридических наук, доц., Академик РАЕН, Российская академия естественных наук; **Казачкова Земфира Мухарбиевна,** д-р юрид. наук, проф., Всероссийский государственный университет юстиции; **Калиниченко Пауль Алексеевич,** д-р юрид. наук, проф., Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА); **Кожанков Антон Юрьевич,** кандидат юридических наук, Московский государственный институт международных отношений (университет); **Липатов Эдуард Георгиевич,** д-р юрид. наук, проф., Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ; **Малько Александр Васильевич,** д-р юрид. наук, проф., Институт государства и права РАН; **Мамитова Наталия Викторовна,** д-р юрид. наук, проф., Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ; **Махтаев Махтай Шапиевич,** д-р юрид. наук, проф., Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова; **Мещерякова Ольга Михайловна,** д-р юрид. наук, доц., Российский университет дружбы народов; **Мордовец Александр Сергеевич,** д-р юрид. наук, проф., Всероссийский государственный университет юстиции; **Пашенцев Дмитрий Алексеевич,** д-р юрид. наук, проф., Московский городской педагогический университет; **Рузакова Ольга Александровна,** д-р юрид. наук, проф., Московский государственный институт международных отношений (университет); **Сангаджиев Бадма Владимирович,** д-р юрид. наук, доц., Российский университет дружбы народов; **Степанян Армен Жоресович,** кандидат юридических наук, доц., Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА); **Цареградская Юлия Константиновна,** д-р юрид. наук, доц., Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА); **Чаннов Сергей Евгеньевич,** д-р юрид. наук, проф., Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ; **Четвериков Артем Олегович,** д-р юрид. наук, проф., Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА); **Чихладзе Леван Теймуразович,** д-р юрид. наук, проф., Российский университет дружбы народов; **Шохин Сергей Олегович,** д-р юрид. наук, проф., Московский государственный институт международных отношений (университет); **Щукина Татьяна Владимировна,** д-р юрид. наук, доц., Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ; **Павликов Сергей Герасимович,** д-р юрид. наук, проф. Департамента правового регулирования экономической деятельности, Финансовый университет при Правительстве РФ; **Скитович Виктор Викторович,** доктор юридических наук, проф., проф. кафедры государственно-правовых и уголовно-правовых дисциплин, ФГБОУ ВО «РЭУ им. Г.В. Плеханова»; **Шагиева Розалина Васильевна,** д-р юрид. наук, проф., Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ; **Джинджолия Рауль Сергеевич,** д-р юрид. наук, проф., Российский новый университет; **Стойко Николай Геннадьевич,** д-р юрид. наук, проф., проф. кафедры уголовного процесса и криминалистики, Санкт-Петербургский государственный университет;

Главный редактор:
Кашкин Сергей Юрьевич, доктор юридических наук, профессор
Заместитель главного редактора:
Коровяковский Денис Геннадьевич, канд. юрид. наук, доц.

Отпечатано в типографии ООО «Русайнс»,
117218, Москва, ул. Кедрова, д. 14, корп. 2
Тираж 300 экз. *Подписано в печать:* 31.01.2020
Цена свободная

Все материалы, публикуемые в журнале, подлежат внутреннему и внешнему рецензированию

СУДЕБНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ. ПРОКУРОРСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ. ПРАВОЗАЩИТНАЯ И ПРАВООХРАНИТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Коршунов Ю.А. Полномочия апелляционных судов в судебной системе Российской Федерации 76

Смирнов А.И. Деятельность правоохранительных органов по устранению угроз экономической безопасности хозяйствующих субъектов в Российской Федерации 81

КРИМИНАЛИСТИКА. СУДЕБНО-ЭКСПЕРТНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ. ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Аллаберганов А.А. Метод получения потерянной текстовой информации из цифровой формы (изображений), восстановления и ее анализ 86

Волгин Ю.Г., Черненко Т.Г. Использование многомерной модели представления оперативно-розыскной информации при разработке информационных систем, используемых в процессе раскрытия преступления 92

Завьялов В.А. Классификация тактических операций 96

ГРАЖДАНСКИЙ ПРОЦЕСС. АРБИТРАЖНЫЙ ПРОЦЕСС

Андреева А.А. Законодательное регулирование и судебная практика взыскания медицинскими организациями неустойки со страховых медицинских организаций в связи с неоплатой медицинской помощи по обязательному медицинскому страхованию, оказанной с превышением установленных объемов 103

TABLE OF CONTENTS

THEORY AND HISTORY OF THE RIGHT AND STATE. STORY OF EXERCISES ABOUT THE RIGHT AND STATE

Kozhokar I.P. On the concept of defects in legal relations 8
Ovchinnikova J.V., Gavrilov D.Yu. Criteria for the classification of national pension systems 13
Ovchinnikov S.N., Yakovlenko I.A. The quality parameters of the legislation on public tenders 18

CONSTITUTIONAL RIGHT. CONSTITUTIONAL TRIAL. MUNICIPAL RIGHT

Iliin I.M. The Federal dimension of the constitutional sovereignty 22
Kochieva O.A. Election legislation as the basis of parliamentarism in the Republic of South Ossetia 26

CIVIL LAW. ENTERPRISE RIGHT. FAMILY LAW. INTERNATIONAL PRIVATE LAW

Novikova O.V. About the co-operation of the parties under the Work Agreement 29
Parin D.V., Chekulaev S.S. Marriage contract. Comparative legal analysis of the legislation of Russia and the legislation of the USA and Australia 33
Fedyakova N.A., Kosynkin A.A., Efremov E.N. Questions of responsibility of heirs on debts of testators at the conclusion of the last contract of life and health insurance 36

FINANCIAL RIGHT. TAX LAW. BUDGETARY RIGHT

Klyuchnikova Y.A., Vengerovsky E.L. On the issue of state support for entrepreneurial activity in environmental zones by the example of the tourism industry 39

LABOR LAW. SOCIAL SECURITY LAW

Sajganova L.N., Volostnova T.I. Legal model of employment of graduates of educational institutions 42

CRIMINAL LAW AND CRIMINOLOGY. CRIMINAL AND EXECUTIVE RIGHT

Gomonov N.D., Trush V.M., Pirogov P.P., Timokhov V.P. Determinants of criminal behavior 47
Novikov A.V. Organization and methodology of operational-search proceedings for the operational development of adolescents: theoretical aspect 51
Kulikova O.N., Fedoskin N.N. Intersectoral principles of criminal executive law in criminal proceedings 54
Cherekhovich M.M. Application of the questionnaire method in criminology by the example of studying the opinions of convicts about the effectiveness of educational work with them 60

INTERNATIONAL LAW. EUROPEAN LAW

Agamirov K.V. Predicting Legal Risks to National Security member states of the eeu in the context of restrictions on the formation and development of «zones of knowledge» 69
Kichenina V.S., Fesenko E.A. Implementation of the pacta sunt servanda principle in modern international legal relations 75

JUDICIAL ACTIVITY. PUBLIC PROSECUTOR'S ACTIVITY. HUMAN RIGHTS AND LAW-ENFORCEMENT ACTIVITY

Korshunov Y.A. The powers of the courts of appeal in the judicial system of the Russian Federation 79
Smirnov A.I. Activities of law enforcement agencies to eliminate threats to the economic security of economic entities in Russian Federation 85

CRIMINALISTICS. JUDICIAL AND EXPERT ACTIVITY. OPERATIONAL SEARCH ACTIVITY

Allaberganov A.A. Method of obtaining lost text information from digital form (images), recovery and its analysis 91
Volgin Y.G., Chernenko T.G. Using a multy-dimensional model for presenting operative search information in the development of information systems used in the process of solving crimes 94
Zavyalov V.A. Classification of tactical operations 101

ADMINISTRATIVE LAW. ADMINISTRATIVE PROCESS

Andreeva A.A. Legislative regulation and arbitrage practice of recovering damages from medical insurance organizations to medical organizations due to non-payment of medical assistance for compulsory medical insurance provided in excess of established volumes 110

К вопросу о понятии дефектов нормативно-правовых связей

Кожокарь Игорь Петрович,
кандидат юридических наук, доцент, старший научный сотрудник, Институт государства и права РАН
E-mail: 89272234877@mail.ru

В статье дана характеристика дефектов нормативно-правовых связей. Отмечается, что автор различает структуру как часть содержания, как набора определенных элементов, и структуру как связи, взаимодействия между элементами. Именно поэтому недостатки в конструировании элементов правовых норм он относит к содержательным дефектам, а недостатки взаимодействия к дефектам внутриотраслевых и межотраслевых связей правовых норм.

Ключевые слова: нормативно-правовые связи, технико-юридические дефекты, правовое регулирование, внутриотраслевые и межотраслевые связи, недостатки содержания правовых норм.

Помимо социальной значимости, содержания и внешней формы, дефекты могут поражать и структурные связи нормативно-правовых предписаний.

Для характеристики правовых явлений применимы основополагающие категории диалектики и философии в целом: содержание, форма, структура, связи. Как отмечалось ранее, содержание нормативно-правового регулирования представляет собой всю совокупность составных элементов, а форма имеет внешнюю и внутреннюю стороны. Внутренняя сторона формы – это структура нормы права и нормативно-правового акта. Внешняя форма отвечает за внешнее оформление содержания вещи. Например, такой нормативный дефект, как излишнее дублирование приводит к увеличению объема (часть внешней формы) акта. Необоснованное увеличение объемов нормативно-правового массива в целом, не позволяющих не только разобраться, но даже прочитать тексты официально публикуемых актов, свидетельствует о дефектах нормативной формы.

Однако с философских позиций содержание и форма являются абстракциями, которые существуют только в единстве и взаимодействии. Набор разрозненных элементов – ещё не содержание, элементы должны определенным образом организоваться и вступить в необходимые взаимосвязи, за что ответственна такая философская категория, как структура. Структура, как внутренняя форма явления, позволяет элементам содержания связываться между собой и в определенном порядке взаимодействовать. Недостатки могут поражать как содержание и внешнюю форму, так и структуру (связи) нормативно-правовых явлений.

Структура представляет собой совокупность устойчивых связей объекта, которые обеспечивают его целостность и тождественность самому себе. Внутриотраслевые и межотраслевые связи норм права позволяют праву сохранять свои свойства как нормативного регулятора при внутренних и внешних изменениях, быть устойчивым и стабильным. Существование устойчивой структуры обусловливает существование права как системы, а системность – условие существования права.

Связи между элементами системы права представляют собой результат совместного влияния

различных правовых образований на участников конкретного правоотношения. В связи с этим справедливо замечено, что «элементы системы, поставленные в необходимость взаимодействия, определенным образом приспосабливаются друг к другу и, соответственно, находятся между собой в отношениях подчинения (субординации) и соподчинения (координации). Отсюда следует, что нормативные предписания одной или различной отраслевой принадлежности не могут противоречить друг другу. Непротиворечивость – основное качество любой, в том числе правовой системы» [1, с. 76–92]. Однако непротиворечивость системы права – это идеальная правовая модель, характеристика бездефектного, *качественного* нормативно-правового регулирования. Именно в процессе взаимодействия отдельных элементов системы права, на уровне их взаимосвязей, обнаруживается реальное положение дел: противоречивость, несогласованность, коллизионность правовых предписаний. Если законодатель не учитывает существующие связи между элементами системы права или не создает необходимые связи между ними, то это приводит к возникновению дефектов нормативно-правовых связей. Необходимый российскому праву процесс гармонизации действующего и постоянно принимаемого нового законодательства – это в первую очередь процесс устранения дефектов нормативно-правовых связей.

Следует подчеркнуть, что мы различаем структуру как часть содержания, как набора определенных элементов, и структуру как связи, взаимодействия между элементами. Именно поэтому недостатки в конструировании элементов правовых норм мы относим к содержательным дефектам, а недостатки взаимодействия мы будем условно, называть дефектами внутриотраслевых и межотраслевых связей правовых норм.

Общенаучное и философское понимание связи предполагает характеристику связи как отношения взаимной зависимости и взаимообусловленности между статичными элементами. Связь определят, что все существующие явления взаимообусловлены и что при изменении одного явления неизбежно меняется и другое. Любая система в упрощенном виде – это совокупность элементов и закономерных связей между ними. Право является одной из сложных открытых систем, все элементы которой находятся в той или иной зависимости друг от друга. Связи в правовой системе показывают её динамику, движение, развитие и её реальную «видимую» работу на уровне правоприменения. Статичные правовые предписания – это лишь определенные тексты на бумаге, их реализация, реальная «жизнь» происходит в результате взаимодействия друг с другом. Только находясь в многочисленных и объективных внутриотраслевых и межотраслевых связях, правовые нормы способны регламентировать реальные общественные отношения. В научной литературе справедливо замечено, что «…в зависимости от динамики регулируемых отношений в работу включаются и взаимодействуют между собой, образуя переменные системы, разные по содержанию, характеру и структуре нормы. Поймать их в статике можно лишь условно, вырвав из реальной жизни. Так, например, даже самый стабильный уголовно-правовой запрет «не убий» имеет множество учтенных законодателем альтернативных проявлений. Однако, никогда заранее нельзя предсказать, с какими нормами он образует единую систему в случае нарушения запрета. Убийство может быть совершено в совокупности с другими общественно опасными деяниями, в соучастии или индивидуально, при смягчающих или отягчающих обстоятельствах и т.д. Естественно, законодатель обязан учитывать все мыслимые сочетания признаков запрета, однако закреплены они могут быть лишь с предоставлением условий для последующего саморегулирования в зависимости от складывающейся ситуации» [8, с. 9–24].

Однако законодателю крайне сложно учитывать «все мыслимые» связи правовых норм, особенно в ситуации интенсивно и постоянное меняющегося законодательства. Поэтому при формировании таких связей законодатели нередко допускают ошибки, приводящие к появлению дефектов нормативно-правовых связей. С учетом вышеуказанного различия между структурой как частью содержания (как статичного набора определенных элементов) и структурой как связью (взаимодействием элементов), дефекты нормативно-правовых связей могут также называться структурными.

Следует также отметить, что нормы права не только взаимосвязаны, но и взаимозависимы, т.е. находятся в такой связи, при которой при применении одна норма не может обойтись без другой. Именно поэтому недостатки связей между нормами представляют собой один из опасных дефектов, при котором бездефектные в статике правовые нормы не могут «работать в динамике» и остаются фактически фиктивными, декларативными.

Нормативные дефекты в праве не должны быть ограничены недостатками статичных норм и актов. Их дефектность проявляется в динамике, во взаимосвязях и взаимодействиях, что с необходимостью влечет постановку вопроса о дефектах в системно-правовом контексте.

Большой вклад в понимание дефектов связей внес Н.А. Власенко, который одним из первых начал разработку понятия правового дефекта в теории права. Под дефектами *системы права* он понимал нарушения, деформации логико-структурного построения и развития системы права, включая и ее форму в виде нормативных актов. Н.А. Власенко обосновал выделение следующих их видов: антиномии (противоречия) в праве; излишнее дублирование нормативно-правовых предписаний; пробелы в праве; нерациональная расположенность норм; дефекты юридических конструкций и др. [5, с. 21–26].

Подчеркнем, что конкретные правовые нормы могут быть качественными по содержанию и внешней форме, однако их дефектность, например, коллизионность, дублирование и другие недостатки, проявляются только в процессе взаимодействия.

Так, в законопроекте «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ» в ст. 1 было установлено, что «закон регулирует отношения по привлечению инвестиций *юридическими* лицами или индивидуальными предпринимателями посредством инвестиционных платформ, а также определены правовые основы деятельности операторов инвестиционных платформ по организации привлечения инвестиций от участников инвестиционных платформ», а в ст. 2 проекта содержалось определение организатора инвестиционных платформ как «*коммерческих* юридических лиц и индивидуальных предпринимателей». Оба эти проектные правоположения в статике безупречны, однако при их системном взаимодействии обнаруживается очевидное несоответствие содержания: коммерческие юридические лица и юридические лица – это не одно и то же. Многие нормативные правовые дефекты могут иметь место только на уровне внутриотраслевых и межотраслевых связей правовых норм и нормативных актов.

Наибольшее количество дефектов связей мы обнаруживаем на межотраслевом уровне, поскольку на этом уровне сталкиваются различные категориальные аппараты, законотворческая стилистика, принципиально не совпадающие методы и средства правового регулирования. Интересно заметить, что даже «близкородственные» отрасли права, использующие схожий понятийный инструментарий и методы правового регулирования, страдают от дефектов межотраслевых связей. Так, наукой постоянно фиксируются многочисленные проблемы формирования межотраслевых связей между уголовным, уголовно-процессуальным и уголовно-исполнительным правом, между гражданским и семейным правом, между гражданским и трудовым правом [6, с. 72–75]. При обращении к межотраслевым связям «дальнородственных» (или вообще не «родственных») отраслей, например, частного и публичного права, проблематика недостатков таких связей, как правило, усиливается.

Следует также отметить, что вопросы дефектов межотраслевых связей наиболее остро стоят в комплексных отраслях законодательства. Это обусловлено тем, что основные отрасли права преимущественно направлены на регламентацию собственного узкого предмета, тогда как комплексные отрасли законодательства охватывают комплексные правоотношения и представляют собой результат совместного разноотраслевого регулирования [7, с. 132–136].

В исследованиях, специально посвященных межотраслевому правовому регулированию, выделены две группы межотраслевого взаимодействия: во-первых, процедурное взаимодействие, которое заключается в закреплении в правовых нормах юридических процедур с разноотраслевыми элементами; во-вторых, восполнительное взаимодействие, при котором правовые средства одной отрасли права используются в субсидиарном порядке другой отраслью права [11, с. 116]. При этом дефекты могут поражать оба вида указанных межотраслевых связей.

С учетом наблюдаемого сегодня роста нормативно-правового массива интенсивность межотраслевого взаимодействия будет усиливаться как на уровне отдельных правовых институтов и правовых норм, так и на уровне отраслей права, и напрямую влиять на уровень дефектолизации системы права в целом.

С одной стороны, появление новых общественных отношений или качественное преобразование (изменение) старых, уже подвергнутых правовой регламентации отношений ведет к появлению новых отраслевых и институциональных образований, к дифференциации правового регулирования, к увеличению разноотраслевого нормативно-правового массива, и как следствие к формированию новых связей между его элементами.

С другой стороны, многочисленные дефекты межотраслевых связей могут свидетельствовать о необходимости унификации, синтеза правового регулирования. Так, обнаружение факта регламентации однородных по сути общественных отношений разноотраслевыми противоречивыми правовыми предписаниями, может сигнализировать о необходимости гармонизации такого регулирования и замены межотраслевых связей на внутриотраслевые. Например, регламентация предоставления отпуска по уходу за ребенком исключительно матери ребенка (а не отцу-военнослужащему) в административном, служебном законодательстве (отличном в этой части от трудового права) привела к необходимости обращаться за защитой в Европейский суд по правам человека [9].

Сложность обнаружения и устранения дефектов межотраслевых связей во многом обусловлена и проблемой узкой специализации как юристов в целом, так и законодателей. Как верно отмечает В.А. Болдырев, «сегодня специализация в юридической науке привела к тому, что мало кто объективно представляет, что происходит в смежной отрасли знания или смежной сфере правового регулирования» [2, с. 18]. Такая ситуация оказывается «благодатной» средой для возникновения и увеличения дефектов межотраслевых связей.

Следует отметить, что дефекты внутриотраслевых связей [3, с. 9–17] не менее опасны, чем межотраслевые, но обнаруживаются и устраняются они, как правило, быстрее из-за локализации внутри одной отрасли. В научной литературе выделяют следующие внутриотраслевые связи, способные стать объектом поражения дефектом: субординационные (например, между институтами и подотраслью, в которую они входят) и координационные (координационно-восполняющими,

координационно-целевые – связи между одноуровневыми институтами, не имеющими общей иерархической природы) [10, с. 132–142].

Наиболее известным и изученным является такой дефект нормативно-правовых связей, как коллизии. Подчеркнем, что именно динамичность позволяет разграничить коллизии и правовые антиномии (противоречивости): коллизии обнаруживаются в процессе взаимодействия правовых норм на уровне правоприменения.

Другим распространенным дефектом связей правовых норм является их несогласованность. Чаще всего этот дефект появляется при коллективной подготовке законопроектов и при несвоевременном принятии логически взаимосвязанных правовых норм, регулирующих одно общественное отношение.

На уровне нормативно-правовых связей можно обнаружить и ещё один недостаток – это дефект построения нормативных правовых понятийных (терминологических) рядов.

«Понятийный ряд представляет собой такое подразделение в системе правовых категорий, с помощью которого фиксируются логические связи между включенными в него юридическими понятиями, отражающие моменты единства и разнообразия правопроявлений в установленном отношении» [4, с. 134].

В результате этого законодательство и право представляют собой сетку понятийных (терминологических) рядов. Нарушение требований к формулированию понятий или к выбору слов (терминов), их обозначаемых относятся соответственно к понятийно-логическим и языковым дефектам. Однако взаимодействие понятий и терминов происходит именно в понятийных рядах. В них следует всегда видеть основную категорию и субординированные к ней категории, при этом последние должны быть охвачены единым смыслом с основной категорией.

Более узкие правовые понятия находятся во взаимосвязи с более широким понятием, они подчиняются ему и охватываются его механизмом правового регулирования, и в то же время транслируют собственную специфику правовой регламентации. В связи с этим дефекты построения понятийных (терминологических) рядов указывают на необходимость глубокой и научно обоснованной инвентаризации законодательства: недостаток определения более широкого правового понятия автоматически отражается в субординированных к нему понятиях, стоящих в одном с ним понятийном ряду.

Понятийные ряды правовых понятий, пронизывающие несколько отраслей права, требуют повышенного внимания, как со стороны законодателей, так и представителей юридической науки, поскольку при их недостатках поражается комплексный правовой массив [12, с. 264]. Привязка правового понятия к «чужому» понятийному ряду также свидетельствует о рассматриваемом виде дефектов. Например, понятие свобода труда, закрепленное в ч. 1 ст. 37 Конституции РФ, является базовым, рядообразующим для соответствующих понятий и терминов трудового, служебного (для государственных служащих), гражданского и предпринимательского права (в части регламентации выполнения работ и услуг, осуществления не запрещенной экономической деятельности). Нарушения во взаимосвязи указанных понятий приводит к нарушению прав, связанных с трудовой (в широком смысле) деятельностью граждан.

Право и отдельные правовые образования обладают стабильностью и устойчивостью только при наличии качественных внутриотраслевых и межотраслевых связей между их элементами. Механизм динамического взаимодействия этих элементов является одним из важных правовых инструментов обеспечения эффективного правового регулирования. Как и любая часть нормативно-правового пространства, структурные связи права подвержены правотворческим недостаткам.

К дефектам межотраслевых и внутриотраслевых нормативно-правовых связей мы можем отнести: коллизии, несогласованность правовых норм, а также нарушение построения нормативных понятийных (терминологических) рядов.

Литература

1. Безверхов А.Г. О действии уголовного закона в условиях межотраслевых связей // Lex russica (Русский закон).– 2015. – Т. 107.– № 10. – С. 78, 76–92.
2. Болдырев В.А. Регулирование отношений наемного труда: межотраслевые связи правовых норм. – Хабаровск: РИО ДВЮИ МВД России, 2016. – С. 18.
3. Васильев В.В. Внутриотраслевые связи гражданско-правовых норм в институтах гражданского права // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Право.– 2018.– № 1. – С. 9–17.
4. Васильев А.М. Правовые категории: методологические аспекты разработки системы категорий права. – М.: Юрид. лит., 1976. – С. 134.
5. Власенко Н.А. Логико-структурные дефекты системы советского права // Правоведение.– 1991.– № 3. – С. 21–26, 22.
6. Звенигородская Н.Ф. Проблема правовой природы договоров в семейном праве в свете межотраслевых связей гражданского и семейного права // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Юридические науки.– 2010.– № 2. – С. 72–75.
7. Лунева Е.В. Межотраслевые связи гражданского и природоресурсного права в области имущественных отношений // Вестник Саратовской государственной юридической академии.– 2014.– № 6 (101). – С. 132–136.
8. Пикуров Н.И. Уголовно-правовая норма как элемент межотраслевых связей // Уголовный кодекс Российской Федерации: современное состояние и перспективы развития: сбор-

ник статей (к 20-летию принятия). – Орехово-Зуево: Изд-во Государственного гуманитарно-технологического университета, 2016. – С. 15, 9–24.
9. Постановлении Европейского Суда по правам человека (ЕСПЧ) от 22 марта 2012 г. по делу «Константин Маркин (Konstantin Markin) против Российской Федерации» // Бюллетень Европейского Суда по правам человека.– 2012.– № 6.
10. Пупышева Л.А. Проблемы унификации понятий (терминов) в законодательстве об уголовном судопроизводстве и исполнении уголовных наказаний // Вестник Восточно-Сибирского института Министерства внутренних дел России.– 2019. – № 2 (89). – С. 132–142.
11. Челышев М.Ю. Гражданско-правовые системные связи: внутриотраслевые и межотраслевые характеристики // Вестник экономики, права и социологии.– 2007. – № 1. – С. 114–120, 116.
12. Челышев М.Ю. Система межотраслевых связей уголовного судопроизводства (процессуальный аспект): дисс. … д-ра юрид. наук. – Казань, 2008. – С. 264.

ON THE CONCEPT OF DEFECTS IN LEGAL RELATIONS

Kozhokar I.P.
Institute of state and law of the Russian Academy of Sciences

The article describes the defects of legal relations. It is noted that the author distinguishes the structure as part of the content, as a set of certain elements, and the structure as a connection, interaction between elements. That is why he considers the shortcomings in the construction of elements of legal norms to be content defects, and the shortcomings of interaction to be defects in intra-and inter-industry relations of legal norms.

Keywords: normative and legal relations, technical and legal defects, legal regulation, intra-and inter-industry relations, shortcomings of the content of legal norms.

References

1. Bezverkhov A.G. On the effect of the criminal law in the context of inter-industry relations // Lex russica (Russian law).– 2015. – V. 107. – No. 10. – P. 78, 76–92.
2. Boldyrev V.A. Regulation of the relations of wage labor: intersectoral relations of legal norms. – Khabarovsk: RIO TWEE of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2016. – P. 18.
3. Vasiliev V.V. Intra-industry relations of civil law norms in civil law institutes // Bulletin of Tver State University. Series: Law.– 2018. – No. 1. – P. 9–17.
4. Vasiliev A.M. Legal categories: methodological aspects of developing a system of categories of law. – M.: Yurid. lit., 1976. – P. 134.
5. Vlasenko N.A. Logical and structural defects of the system of Soviet law // Jurisprudence.– 1991. – No. 3. – P. 21–26, 22.
6. Zvenigorod N.F. The problem of the legal nature of contracts in family law in the light of intersectoral relations of civil and family law // Vector of Science of Togliatti State University. Series: Jurisprudence.– 2010. – No. 2. – P. 72–75.
7. Luneva E.V. Intersectoral relations of civil and environmental law in the field of property relations // Bulletin of the Saratov State Law Academy.– 2014. – No. 6 (101). – P. 132–136.
8. Pikurov N.I. The criminal law norm as an element of intersectoral relations // The Criminal Code of the Russian Federation: current status and development prospects: collection of articles (on the 20th anniversary of adoption). – Orekhovo-Zuevo: Publishing House of the State University for the Humanities and Technology, 2016. – P. 15, 9–24.
9. The judgment of the European Court of Human Rights (ECHR) of March 22, 2012 in the case of Konstantin Markin v. Russia // Bulletin of the European Court of Human Rights.– 2012. – No. 6.
10. Pupysheva L.A. Problems of unification of concepts (terms) in the legislation on criminal proceedings and the execution of criminal sentences // Bulletin of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.– 2019. – No. 2 (89). – P. 132–142.
11. Chelyshev M.Yu. Civil-law systemic ties: intra-industry and inter-industry characteristics // Bulletin of Economics, Law and Sociology.– 2007. – No. 1. – P. 114–120, 116.
12. Chelyshev M.Yu. The system of intersectoral relations of criminal proceedings (procedural aspect): Diss. … Dr. jur. sciences. – Kazan, 2008.– 264 p.

Критерии классификации национальных пенсионных систем

Овчинникова Юлия Владимировна,
старший преподаватель кафедры «Государственное право и управление таможенной деятельностью», Юридический институт, ФГБОУ ВО Владимирский государственный университет имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых
E-mail: y.v.ovchinnikova@mail.ru

Гаврилов Дмитрий Юрьевич,
магистрант, Юридический институт, ФГБОУ ВО Владимирский государственный университет имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых

В статье проводится анализ научной литературы на предмет выявления критериев для классификации и дальнейшей систематизации национальных пенсионных систем. Устанавливается, что к критериям классификации национальных пенсионных систем следует относить: роль государства в формировании и функционировании пенсионной системы, принципы финансирования, классификацию социально-направленных государств и др. С применением сравнительно-правового метода делается вывод о том, что существует большое количество сценариев построения национальных пенсионных систем, при этом международная практика показывает, что большинство национальных пенсионных систем являются комбинированными. Для установления идеальной модели пенсионного обеспечения в отдельном государстве требуется на основе анализа конкретных исторических, демографических, экономических, политических особенностей страны нахождение идеального соотношения между тремя элементами пенсионной системы: государственным пенсионным обеспечением, государственным пенсионным страхованием и добровольным пенсионным страхованием.

Ключевые слова: национальная пенсионная система, пенсионное обеспечение, критерии классификации пенсионных систем.

Проблему социальной поддержки лиц пожилого возраста можно назвать вечной. В ходе исторического развития менялись моральные ценности и, соответственно, подходы общества к обеспечению старшего поколения и иных лиц, не имеющих возможности обеспечивать себя самостоятельно. В современном развитом демократическом обществе устойчиво закрепилась идея социального государства, реализация которой не может обойтись без формирования системы пенсионного обеспечения. Каждое государство справляется с этой своей функцией с большим или меньшим успехом, в связи с чем проведение сравнительного анализа национальных пенсионных систем в целях выявления прогрессивных и регрессивных факторов и возможностей реципирования положительных элементов.

Значение реципирования положительного опыта других государств в развитии пенсионной системы отдельного государства, на наш взгляд, сложно переоценить. Полагаем, что иностранный опыт также может расцениваться, как один из важнейших факторов организации и стимулирования развития государственных пенсионных систем.

Пенсионная система каждого отдельного государства имеет свои индивидуальные особенности, которые зависят от большого количества факторов: социальных, исторических, демографических, экономических, политических и др. Вместе с тем существуют научные классификации (типологизации) пенсионных систем мира по отдельным критериям, позволяющим объединить их в схожие группы.

Факторы, определяющие особенности пенсионных систем конкретных государств, можно разделить на три основные группы: социальные, экономические и демографические.

К социальным факторам можно отнести культурные, этнические и исторические особенности того или иного государства; отношение к религии, национальный менталитет, общие направления внутренней и внешней политики страны, уровень заработных плат, положение на рынке труда и др. От социальных факторов зависит степень развития пенсионной системы и ее возможности в плане обеспечения достойного уровня жизни пенсионеров.

К экономическим факторам относят возможности государственного бюджета, благосотояние общества в целом, роль государства в экономике, уровень развития производства и др.

Среди демографических факторов следует назвать возрастную характеристику населения, соотношение населения трудоспособного и пенсионного возраста, уровень рождаемости и смертности

и другие. Демографические факторы указывают на необходимый объем пенсионного обеспечения, определяют количественные показатели пенсионной системы.

На существование множества факторов, влияющих на генезис и развитие национальных пенсионных систем, указывает и Мосейко В.В. Исследователь выделяет политическую, экономическую и психологическую группы таких факторов. К политическим Мосейко В.В. относит такие аспекты как степень и формы влияния государства на экономические отношения, лоббизм в политике и др.; к экономическим – уровень благосостояния населения, стратификацию общества по экономическому фактору и т.д.; к психологическим – присущий населению страны менталитет, обычаи и традиции, особенности исторического генезиса государства[1].

Пудовкин А.В. предлагает «следующую классификацию факторов:

– внутренние (социальные, экономические и демографические особенности государства);
– внешние (элементы зарубежного опыта в национальных пенсионных системах)»[2].

Сочетание отдельных факторов в целом определяет особенности каждой конкретной национальной пенсионной системы. Таким образом факторы, характеризующие пенсионные системы с различных сторон можно использовать в качестве критериев систематизации пенсионных систем отдельных государств.

В настоящее время в научной литературе существует множество различных критериев для систематизации и дальнейшей классификации национальных пенсионных систем. К ним относятся: роль государства в формировании и функционировании пенсионной системы, принципы финансирования, классификация социально-направленных государств и др. Разберем более подробно классификации по каждому из этих критериев.

В зависимости от доли участия государства в пенсионном обеспечении граждан выделяют «преимущественно государственные системы (преобладание государственного пенсионного обеспечения), смешанные системы (комбинация государственного и частного пенсионного обеспечения) и преимущественно частные системы (преобладание частного пенсионного обеспечения)»[3].

В практике, сложившейся в мире, можно выделить три основных принципа организации финансирования пенсионного обеспечения:

– первый из них – социальная помощь, являвшийся основным и единственным в период СССР. Финансирование пенсий при такой системе производится централизованно из государственного бюджета, в котором за счет процентных отчислений от заработной платы работающих граждан формируется специальный фонд. Размер пенсии, соответственно, тоже устанавливается централизованно. Опыт реализации данной системы показывает, что государству не под силу стабильно осуществлять пенсионное обеспечение исключительно за счет бюджета. В современном обществе в условиях рыночной экономики, однако, считается, что государственное пенсионное обеспечение следует осуществлять лишь в отношении самых социально-незащищенных слоев населения, трудоспособное население вполне способно обеспечить себе благосостояние самостоятельно.
– Второй принцип – принцип солидарности, носит название «pay-as-you-go» или «финансирование на ходу». Следуя данному принципу государство собирает в пенсионные фонды денежные отчисления с работающих в настоящее время граждан, в тоже время средства из указанных фондов расходуются на выплату пенсий нынешних пенсионеров. В этом заключается реализация межпоколенного социального договора. Подобная система также имеет государственный характер и имеет существенные недостатки: перекос соотношения взносов и выплат; отсутствие мотивации для сбережений и инвестирования в будущее; социальное иждивенчество; зависимость размера пенсии от решения правительства, особенно в кризисных экономических ситуациях; подвержена воздействию со стороны различных политических сил, приносящим ущерб пенсионной системе.

Третья система пенсионного обеспечения – институт пенсионного страхования считается самой перспективной на сегодняшний день. Суть данной системы заключается в следующем: весь период своей трудовой деятельности граждане страны производят отчисления страховых взносов, которые накапливаются на их индивидуальных пенсионных счетах. При наступлении страхового случая (достижения пенсионного возраста и т.п.) застрахованное лицо получает пенсию непосредственно из созданных им личных пенсионных накоплений. При этом размер пенсии зависит от количества пенсионных отчислений, пенсия тем больше – чем больше сумма средств на личном счете.

Функция государства при такой системе заключается в том, что оно осуществляет правовое регулирование деятельности пенсионных фондов, гарантирует сохранность пенсионных накоплений граждан, обеспечивает минимальную социальную пенсию тем, кто не смог сгенерировать достаточно денежных средств на своем пенсионном счёте. Минимальные пенсии финансируются из отчислений организаций-работодателей, а также средств государственного бюджета.

[1] Мосейко В.В. Генезис пенсионных систем как проявление социальной функции государства / В.В. Мосейко [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://docplayer.ru/37827090-Genezis-pensionnyh-sistem-kak-proyavlenie-socialnoy-funkcii-gosudarstva.html. С. 3.

[2] Пудовкин А.В. Мировой опыт формирования пенсионных систем и возможности его использования в России: дис. … канд. экон. наук / А.В. Пудовкин. Москва, 2017. С. 12–13.

[3] Новиков А.А. Особенности эволюции зарубежных пенсионных систем / А.А. Новиков // Мировая экономика и международные отношения. 2006. № 5. С. 67.

Большинство мировых специалистов в области пенсионного обеспечения считают, что как раз данная пенсионная система наиболее точно соответствует сущности социального страхования, а также принципам социальной справедливости, взаимной солидарной и субсидиарной ответственности государства, личности и общества. Работающие граждане самостоятельно несут ответственность за своё финансовое благосостояние, при этом необеспеченным слоям населения гражданское общество помогает совместно с государством.

Нужно обратить внимание, что подобный принцип касается исключительно трудовых пенсий. Социальное обеспечение лиц, утративших способность/возможность к труду в силу инвалидности необходимости ухода за детьми должно осуществляться государством в качестве социальной помощи.

Достоинствами данной системы являются:

– справедливое соответствие взносов в пенсионные фонды размерам пенсионных выплат;
– максимальный уровень само ответственности людей за своё финансовое благополучие.
– увеличение экономических ресурсов государства, для осуществления долгосрочных вложений;
– реализация принципа социальной справедливости вместо пенсионной уравниловки.

В некоторых случаях управление пенсионными деньгами, их инвестирование реализуется государством, однако чаще эту функцию принимают на себя частные страховые организации, либо устанавливается система конкурирующих между собой государственных и негосударственных пенсионных фондов.

В зависимости от того, какой принцип финансирования является основным различают распределительные, накопительные и комбинированные типы пенсионных систем[1].

Если в государстве действует распределительный тип пенсионной системы, то выплаты пенсий производятся как из внебюджетных фондов, так и из государственного бюджета, таким образом финансирование расходов на пенсионное обеспечение осуществляется за счет ежегодной доходной части бюджетов, в большей степени за счёт налоговых, и иных поступлений.

«Распределительная модель системы пенсионного обеспечения (pay-as-you-go system) основана на принципе солидарности поколений, поэтому ее также называют солидарной. Суть данного принципа состоит в том, что ответственность за пенсионное обеспечение старшего поколения (пенсионеров) лежит на младшем поколении (экономически активном населении). Чаще всего распределительные системы являются государственными. В распределительной модели, как правило, устанавливается гарантированный уровень пенсии, который зависит от трудового стажа и величины заработной платы (уровень пенсий обычно невысокий, так как основной функцией является защита от бедности). Основным недостатком данной модели является ее уязвимость к демографическим изменениям. Финансирование выплат становится тем накладнее для бюджета, чем ниже доля экономически активного населения (населения, которое реально осуществляет трудовую деятельность) и чем выше доля пенсионеров в возрастной структуре общества»[2].

Накопительными называются пенсионные системы, при которых: за счёт отчислений от заработной платы на индивидуальном счёте гражданина- участника страхования в специальном фонде накапливается капитал, который вкладывается страхователем в различные инвестиционные проекты, в результате в виде пенсии выплачивается накопившаяся сумма и инвестиционный доход.

Накопительная модель (funded system) основана на страховом принципе финансирования. Согласно данному принципу на протяжении трудовой деятельности участников из их взносов формируется фонд, из которого и производится выплаты пенсий. Преимуществом данной системы является возможность влияния работников, со средними зарплатами и выше, самостоятельно влиять на размер своей будущей пенсии. Это дает возможность уменьшить разрыв между заработной платой и, соответственно, уровнем жизни в трудоспособный период и пенсией и уровнем жизни после окончания трудовой деятельности. При этом данная модель требует хорошей и стабильной обстановки на финансовом рынке государства. Как отмечает Пудовкин А.В., накопительная система «менее подвержена демографическому фактору, однако она сильно подвержена экономическому фактору, который выражается в риске неэффективности инвестиционного процесса и риске обесценения финансовых активов в результате финансово-экономических кризисов. Дело в том, что в рамках накопительной системы пенсионные фонды инвестируют привлеченные пенсионные взносы в финансовые активы, стоимость которых зависит от конъюнктуры на финансовых рынках. Тогда как накопительная пенсионная система предоставляет возможность за время трудовой деятельности сформировать определенный портфель активов с тем, чтобы впоследствии обменять его на потребление товаров и услуг в пенсионном возрасте, распределительная пенсионная система предоставляет обещание (преимущественно государственное), что пенсионер получит часть товаров и услуг, произведенных младшим поколением»[3].

[1] Мосейко В.В. Генезис пенсионных систем как проявление социальной функции государства / В.В. Мосейко [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://docplayer.ru/37827090-Genezis-pensionnyh-sistem-kak-proyavlenie-socialnoy-funkcii-gosudarstva.html. С. 4.

[2] Пудовкин А.В. Мировой опыт формирования пенсионных систем и возможности его использования в России: дис. … канд. экон. наук. / А.В. Пудовкин. Москва, 2017. С. 14.

[3] Пудовкин А.В. Мировой опыт формирования пенсионных систем и возможности его использования в России: дис. … канд. экон. наук. М., 2017. С. 15.

Различные варианты сочетания элементов распределительной и накопительной систем определяет пенсионную систему как комбинированную.

Можно сделать вывод, что обеим системам присущи свои плюсы и минусы. Можно предположить, что именно поэтому в мировой практике на сегодняшний день, почти не встречаются строго накопительные либо строго распределительные системы пенсионного обеспечения. Большинство современных государств прибегают к опыту формирования комбинированных пенсионных систем. При этом, по данным Сбербанка, «именно государственные распределительные элементы пенсионных систем играют основополагающую роль – именно через них осуществляется основной объем финансирования пенсий в большинстве стран мира»[1].

Эспингу-Андерсону Г. принадлежит еще одна типологизация пенсионных систем, которая основана на классификации социально-направленных государств. В работе «Три мира капитализма всеобщего благосостояния», Г. Эспинг-Андерсон выделяет три группы стран: либеральные, «корпоратистские» и социально-демократические. Основываясь на этой классификации государства А. Сёдэ и К. Фроман разработали типологизацию пенсионных систем, распределив их в зависимости от соотношения государственной и частной компонент в структуре пенсионной системы и уровня пенсий. По данной классификации разграничивают четыре вида пенсионных систем: – «корпоратистский», либеральный, пенсионные системы «умеренных пенсий» и пенсионные системы «обязательных частных пенсий».

В пенсионной системе страны «корпоратистского» типа, примерами которой могут служить системы Австрии, Германии, Люксембурга и Франции, негосударственное пенсионное обеспечение практически отсутствует, преобладающей является государственная распределительная подсистема, при этом за счёт высокого уровня развития экономики обеспечивается высокое соотношение пенсий и зарплат.

Для либерального вида пенсионных систем (Великобритания, Ирландия, Канада, США) характерны: обеспечиваемый за счёт государственной распределительной подсистемы относительно невысокий уровень государственных пенсий; хорошо развитое негосударственное пенсионное обеспечение; в сравнении со странами «корпоратистского» типа более высокий пенсионный возраст.

Пенсионные системы вида «умеренных пенсий» (Бельгия, Норвегия, Словакия, Чехия) характеризуются: ещё более низким уровнем государственных пенсий; высокой ролью негосударственного пенсионного обеспечения, ещё более высоким возрастом выхода на пенсию.

Пенсионные системы «обязательных частных пенсий» (Австралия, Дания, Нидерланды, Швеция) устанавливают обязательную частную накопительную подсистему. При этом значительная роль негосударственного пенсионного обеспечения сохраняется.

Подводя итог, следует сказать, что большинство существующих в мире пенсионных систем являются комбинированными и включают в себя три элемента[2]: государственное пенсионное обеспечение, государственное пенсионное страхование и добровольное пенсионное страхование. Базовым элементом современной пенсионной системы подавляющего большинства стран мира является государственное пенсионное обеспечение. Оно объективно необходимо для обеспечения прожиточного минимума гражданам в случае потери способности к труду. Вторым элементом, гарантирующим достойный уровень жизни при выходе на пенсию, пропорциональный заработку в период активной трудовой деятельности, является государственное пенсионное страхование. Исходя из принципа социальной справедливости размер пенсии должен ставиться в зависимость от величины страховых взносов, отчисленных за период работы или службы. Третьим элементом, призванным обеспечивать дополнительный уровень дохода пенсионеров, является добровольное пенсионное страхование, которое основывается на личной инициативе граждан и реализуется путем индивидуального накопления средств с использованием деятельности банков, страховых и инвестиционных компаний, негосударственных пенсионных фондов.

«Всемирный Банк, выделяя в дополнение к этим трем элементам еще и «нулевой» элемент минимальной поддержки и неформальный элемент внутрисемейной поддержки, считает именно такой способ организации пенсионной системы, основанный на многокомпонентном подходе, наиболее предпочтительным»[3].

«Первый элемент пенсионной системы обеспечивает лишь защиту от бедности, гарантируя возможность удовлетворения минимального набора потребностей, то второй элемент пенсионной системы уже должен обеспечивать пенсионерам приемлемый уровень жизни, в определенной степени соответствующий доходу пенсионера перед выходом на пенсию. Третий элемент пенсионной системы представляет собой дополнительное пенсионное страхование, основанное на личном выборе граждан, целью которого является поддержание сформировавшегося к моменту выхода на пенсию уровня жизни. Зачастую первый элемент пенсионных систем носит распределительный характер, второй элемент может быть основан как на распределительном, так и на накопи-

[1] Центр макроэкономических исследований Сбербанка: Пенсионные системы после кризиса, 2011. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.sberbank.ru/common/img/uploaded/files/pdf/press_center/pens_syst.pdf. С. 7.

[2] Федотов А.И. Анализ моделей построения пенсионных систем / А.И. Федотов // Труды ИСА РАН. 2008. № 38. С. 168.

[3] Пудовкин А.В. Мировой опыт формирования пенсионных систем и возможности его использования в России: дис. … канд. экон. наук. М., 2017. С. 19.

тельном принципе или их комбинации. Третий же элемент, в основном, строится на накопительном принципе»[1].

Вывод: В настоящее время в научной литературе существует множество различных критериев для систематизации и дальнейшей классификации национальных пенсионных систем. К ним относятся: роль государства в формировании и функционировании пенсионной системы, принципы финансирования, классификация социально-направленных государств и др. Соответственно, существует большое количество сценариев построения национальной пенсионной системы. При этом научный анализ международный практики показывает, что большинство национальных пенсионных систем являются комбинированными. Для установления идеальной модели пенсионного обеспечения в отдельном государстве требуется на основе анализа конкретных исторических, демографических, экономических, политических особенностей страны нахождение идеального соотношения между тремя элементами пенсионной системы: государственным пенсионным обеспечением, государственным пенсионным страхованием и добровольным пенсионным страхованием.

Литература

1. Мосейко В.В. Генезис пенсионных систем как проявление социальной функции государства / В.В. Мосейко [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://docplayer.ru/37827090-Genezis-pensionnyh-sistem-kak-proyavlenie-socialnoy-funkcii-gosudarstva.html
2. Новиков А.А. Особенности эволюции зарубежных пенсионных систем / А.А. Новиков // Мировая экономика и международные отношения.– 2006.– № 5. – С. 62–70.
3. Пудовкин А.В. Мировой опыт формирования пенсионных систем и возможности его использования в России: дис. … канд. экон. наук / А.В. Пудовкин. – Москва, 2017.– 201 с.
4. Федотов А.И. Анализ моделей построения пенсионных систем / А.И. Федотов // Труды ИСА РАН.– 2008.– № 38. – С. 168–173.
5. Центр макроэкономических исследований Сбербанка: Пенсионные системы после кризиса. 2011. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.sberbank.ru/common/img/uploaded/files/pdf/press_center/pens_syst.pdf

[1] Пудовкин А.В. Мировой опыт формирования пенсионных систем и возможности его использования в России: дис. … канд. экон. наук. М., 2017. С. 20.

CRITERIA FOR THE CLASSIFICATION OF NATIONAL PENSION SYSTEMS

Ovchinnikova J.V., Gavrilov D.Yu.
Institute of Law, Vladimir State University named after Alexander and Nikolay Stoletovs

The article analyses scientific literature with a view to identifying criteria for classification and further systematization of national pension systems. It is established that the criteria for the classification of national pension systems should include: the role of the State in the formation and operation of the pension system, the principles of financing, the classification of socially directed States, etc. A comparative approach concludes that there are many scenarios for building national pension systems, with international practice showing that most national pension systems are combined. In order to establish an ideal model of pension provision in a separate State, it is necessary, on the basis of an analysis of the specific historical, demographic, economic and political characteristics of the country, to find an ideal relationship between the three elements of the pension system: State pension provision, State pension insurance and voluntary pension insurance.

Keywords: national pension system, pension provision, criteria for classification of pension systems.

References

1. Moseyko V.V. The genesis of pension systems as a manifestation of the social function of the state / V.V. Moseiko [Electronic resource]. – Access mode: http://docplayer.ru/37827090-Genezis-pensionnyh-sistem-kak-proyavlenie-socialnoy-funkcii-gosudarstva.html
2. Novikov A.A. Features of the evolution of foreign pension systems / A.A. Novikov // World Economy and International Relations.– 2006. – No. 5. – P. 62–70.
3. Pudovkin A.V. World experience in the formation of pension systems and the possibility of its use in Russia: dis. … cand. econ. sciences / A.V. Pudovkin. – Moscow, 2017.– 201 p.
4. Fedotov A.I. Analysis of models for building pension systems / A.I. Fedotov // Transactions of ISA RAS.– 2008. – No. 38. – P. 168–173.
5. Center for Macroeconomic Research of Sberbank: Pension systems after the crisis. 2011. [Electronic resource]. – Access mode: http://www.sberbank.ru/common/img/uploaded/files/pdf/press_center/pens_syst.pdf

Параметры качества законодательства о публичных торгах

Овчинников Сергей Николаевич,
кандидат юридических наук, доцент Юридической школы, Дальневосточный федеральный университет
E-mail: sovchinn@yandex.ru

Яковленко Илья Александрович,
преподаватель, ФГБОУ ВО «Тихоокеанский государственный медицинский университет»
E-mail: ilya.yakovlenko@yandex.ru

Цель: определение параметров качества и анализ легальной дефиниции «публичных торгов», даваемый Гражданским кодексом РФ.
Методы: логические методы познания: анализ, дедукция, абстрагирование, обобщение, а также частно-научные методы. В работе применялись логические методы исследования для анализа и конструирования общетеоретических определений качества. Системный подход был использован для определения параметров качества как элементов системы качества в целом. Функционально-юридический метод использовался для выявления существования различия в понимании дефиниции одной и той же конструкции в праве путем сравнения и анализа правовых норм.
Результаты: были определены параметры качества применительно к легальному определению правовой конструкции публичных торгов, что в свою очередь способствовало выявлению проблем, связанных с упоминанием данного термина в действующем законодательстве.
Научная новизна: было предложено два подхода к определению качества правовых конструкций.
В статье был подробно рассмотрен формально-юридический подход к определению качества дефиниции правовой конструкции публичных торгов, даваемого Гражданским кодексом. Так же были выявлены и описаны материальный и формальный аспекты одной и той же правовой конструкции публичных торгов.
Практическая значимость: заключается в том, что основные выводы, сделанные в ходе исследования, могут быть использованы в правотворческой деятельности.

Ключевые слова: качество законодательства, параметры качества, правовая конструкция, публичные торги.

Качество законодательства – одно из важнейших характеристик правовой системы, от которого зависит нормальное функционирование права. Качество законодательства может рассматриваться на разных уровнях, в частности, применительно к отдельным отраслям и институтам права, к закреплению тех или иных юридических конструкций. С этой позиции представляет интерес анализ качества законодательства о публичных торгах.

Публичные торги – это эффективная правовая конструкция, где есть предмет, то есть то отношение, на которое она направлена, субъекты – лица, обладающие правами и обязанностями в рамках этого отношения, и ответственность, наступающая за уклонение субъекта от исполнения своих обязанностей. Под эффективностью понимается соотношение между поставленной целью и результатом, достигнутым в реализации этой цели. Такое понимание применимо к конструкции «публичные торги».

Цель, которая вытекает из определения публичных торгов, данном в ст. 449.1. ГК РФ, в принципе хорошо реализуется в практике исполнительного производства. Но на сегодняшний день определение, даваемое в Гражданском кодексе, не позволяет учесть тот факт, что закономерность существования и развития отношения как публичные торги намного шире, так как это не только реализация имущества против воли собственника, но и один из способов заключения контрактов между хозяйствующими субъектами. Отсюда в одном и том же правовом явлении обнаруживаются два аспекта: формальный – даваемое в ГК РФ определение публичных торгов и материальный – то, что сложилось в реальной правовой действительности в настоящий период времени. Исходя из этого, качество имеющегося легального определения понятия «публичные торги» требует определенного исследования.

Для того что бы подробно рассмотреть несоответствие определения, даваемого ГК РФ, реально сложившимся отношениям по поводу публичных торгов нужно определиться с понятием «качества», выявить параметры качества, а также провести соотношение критериев качества с понятием публичных торгов, данном в ГК РФ.

Качество можно объяснить как что-то обладающее чем-то отличным от чего-то, но происходящее от некого идеала, стандарта, тем не менее принадлежащее к классу однотипных с ним предметов. Об этом говорил Аристотель, определявший качество как видовое отличие сущности. Аристотель рассуждал о текучести качества как о состоянии

вещей, их способности превращаться в противоположное [13].

Е.В. Сырых отмечает, что качество закона – это «совокупность свойств, присущих закону как источнику норм права, и свойств, отражающих все многообразие связей этих норм права с другими компонентами системы права, иными правовыми и социальными явлениями» [9, с. 55]. Важно отметить, что автор в своем понимании качества закона указывает на совокупность свойств, характеризующих закон как носителя норм права, способного осуществлять эффективное регулирование общественных отношений.

Исходя из этого отправной точкой качества в правовом понимании будет некий идеал, представления людей. Идеалом в этом случае будет являться желаемое право, тогда как совершенствование качества будет являться изменение действующего законодательства в попытках достичь желаемого.

Качество нормативно-правового акта в нашей работе рассматривается через формально-юридический подход. Социальный подход в рассмотрении качества нормативно-правового акта, будет рассмотрен нами через восприятие и оценку качества нормативно-правового акта субъектом права, что в свою очередь является темой отдельного исследования

Идеалом же в определении качества с точки зрения формально юридического подхода является определенный стандарт. Стандартом качества закона будут являться закрепленные в законодательстве требования, которым и должен соответствовать нормативный акт. Например, В.В. Игнатенко считает, что в качественно-правовом отношении закон считается обоснованным, если он характеризуется свойствами-соответствиями нормативно-правовым и технико-юридическим требованиям [5, с. 28].

Нормативно-правовые требования содержатся в Основных требованиях к концепции и разработке проектов федеральных законов [6] Правилах подготовки нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти и их государственной регистрации [7], Регламенте Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации [8], актов о законодательной и правотворческой деятельности, принятых в субъектах Российской Федерации [4].

Технико-юридических требования к законодательству формируются юридической техникой, которая, по мнению М.Л. Давыдовой, представляет собой систему профессиональных юридических правил и средств, используемых при составлении правовых актов и осуществлении иной юридической деятельности в сферах правотворчества, правоинтерпретации, властной и невластной реализации права, обеспечивающих совершенство его формы и содержания [3, с. 23–25]. Использование правил и приемов юридической техники дает возможность совершенствовать действующее право, его форму и содержание.

Что касается социального подхода, то качество нормативно-правового акта будет определяться через оценку и восприятие его обществом.

Итак, законодатель имеет некую идею закона, которая отвечает его представлениям о праве с поправкой на реально существующее положения дел в стране и отвечающее интересам большинства с одной стороны и соответствие определенному уровню читаемости и формы с другой стороны. Все это объединяет качество закона. Представим себе график, где есть относительно постоянная величина в виде качества, и двух линий, сужающихся к постоянной величине, где качество с точки зрения формально юридического подхода и качество с точки зрения восприятия и оценки его субъектами права соприкасаются, но так как линия качества с точки зрения восприятия закона обществом не постоянна и зависит от соотношения интересов тех групп, на кого эти правила распространяются, и реальной политической и экономической обстановкой в стране, то данная линия будет отклоняться.

В этой точке соприкосновения мы видим переход качества закона с точки зрения его восприятий и оценки к необходимым стандартам качества, которым должен соответствовать нормативный акт. То есть цель, потребность изменения текущего регулирования общественных отношений, переход на качественно новый уровень, который отвечал бы социальным реалиям в том числе экономическим, при этом само содержание закона было понятным и непротиворечивым. Совершенствование качества состоит в его цели, то есть в динамике, создать по своей природе то же самое, но отличающее от него и отвечающее интересам большинства. Стремление, цель что-то исправить, изменить, поменять и будет являться качеством.

Следует уточнить, что качественно отрицательная или качественно положительная оценка, отличная от желаемого права как идеала, будет преобладать в обществе. Это зависит от результата изменений уже отработанной рабочей схемы действий. Но общество динамично и изменчиво с течением времени, и законодательству необходимо подстраиваться под эти изменения, в первую очередь, учитывая интересы меньшинства. То есть в первом случае качественно положительный с точки зрения меньшинства и отвечающий их интересам, а во втором случае качественно отрицательный с точки зрения большинства и наоборот.

Это идеальная конструкция, порождающая изменения, попытка достичь компромисса, баланса, между столь неравными членами общества при помощи правовых средств. Под меньшинством, как количественным показателем, в данном контексте понимается общественный слой экономически более успешных граждан, которые способны оказывать влияние на политические процессы в регионах либо, если они еще более успешны, то влияние оказывается на страну в целом.

В действительности, качество нормативно-правового акта всегда будет положительным

в большей или меньшей степени, отвечающим интересам меньшинства, то есть тех, кто его формулирует, а также тех, кто способен влиять на тех, кто его формулирует, так как стремление к исключительности вполне нормальное явление в обществе и это будет зависеть от целей, которые преследуют правящие силы, а также от уровня правовой культуры тех, на кого эти правила будут распространяться. Учет интересов большинства и чувственное восприятие правовой действительности обществом, а также обостренное чувство справедливости будет являться причиной и следствием напряженности и недовольства населения в целом, но это является отдельной темой.

Рассмотрим через формально-юридический подход качество нормы, а именно дефиницию публичных торгов, данную ГК РФ в соотношении с действующим законодательством, в котором присутствует данная конструкция. Согласно определению п. 1 ст. 499.1 ГК РФ под публичными торгами понимаются торги, проводимые в целях исполнения решения суда или исполнительных документов в порядке исполнительного производства [2]. В ГК РФ данный термин применяется ко многим отношениям связанных с прекращением права собственности в принудительном порядке, например:

п. 4 ст. 86.1 «Крестьянское (фермерское) хозяйство».

Согласно которой земельный участок, находящийся в собственности крестьянского (фермерского) хозяйства подлежит продаже с публичных торгов в пользу лица, которое в соответствии с законом вправе продолжать использование земельного участка по целевому назначению;

п. 1 ст. 239 «Отчуждение недвижимого имущества в связи с изъятием участка, на котором оно находится».

Данная статья указывает, что в случаях, когда изъятие земельного участка ввиду ненадлежащего использования земли невозможно без прекращения права собственности на здания, сооружения или другое недвижимое имущество, находящиеся на данном участке, это имущество может быть изъято у собственника путем продажи с публичных торгов;

ст. 240 «Выкуп бесхозяйственно содержимых культурных ценностей».

В случаях, когда собственник культурных ценностей, отнесенных в соответствии с законом к особо ценным и охраняемым государством, бесхозяйственно содержит эти ценности, что грозит утратой ими своего значения, такие ценности по решению суда могут быть изъяты у собственника путем выкупа государством или продажи с публичных торгов.

Кроме упоминания термина «публичные торги» в Гражданском кодексе данная дефиниция также применяется и в других законах, например в Федеральном законе № 102-ФЗ «Об ипотеке (залоге недвижимости)» в п. 1 ст. 56 «О реализации заложенного имущества», согласно которой имущество, заложенное по договору об ипотеке, на которое по решению суда обращено взыскание, реализуется путем продажи с публичных торгов, за исключением случаев, предусмотренных настоящим Федеральным законом и п. 1 ст. 57 «О порядке проведения публичных торгов в ходе исполнительного производства», где публичные торги по продаже заложенного имущества организуются и проводятся органами, на которые в соответствии с процессуальным законодательством Российской Федерации возлагается исполнение судебных решений.

Согласно п. 3 ст. 87 Федерального закона № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве», перечисляется имущество, которое реализуется путем проведения открытых торгов в форме аукциона. К данному имуществу относится: недвижимое имущество должника, в том числе заложенное имущество; предметы, которые имеют историческую или художественную ценность [10].

Обратим внимание, что в данной статье не используется понятие «публичные торги», однако в п. 1 ст. 56 и п. 1 ст. 57 Федерального закона «Об ипотеке (залоге недвижимости)» сказано, что «имущество, заложенное по договору об ипотеке, на которое по решению суда обращено взыскание в соответствии с настоящим Федеральным законом, реализуется путем продажи с публичных торгов».

Как мы видим, в статьях п. 1 ст. 56 и п. 1 ст. 57 Федерального закона «Об ипотеке (залоге недвижимости)» и п. 3 ст. 87 Федерального закона № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве» есть много общего.

И там, и там определен объект реализации – недвижимое имущество, на которое по решению суда обращено взыскание (п. 1 ст. 56 и п. 1 ст. 57 Федерального закона «Об ипотеке (залоге недвижимости)») и способ его реализации (п. 3 ст. 87 Федерального закон № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве»).

В данном примере мы видим пренебрежение терминологией со стороны законодателя, который вместо дефиниции публичных торгов, данной в ГК РФ, употребил в п. 3 ст. 87 возможность реализации имущества путем проведения торгов в форме аукциона, что является неверным с точки зрения юридической техники и противоречит сложившимся на сегодняшний день отношениям по поводу торгов, имеющим больше гражданско-правовую природу нежели административную.

Термины должны употребляться в одном значении в соответствии с общепринятой и/или установленной в законах терминологией. Для обозначения одних и тех же понятий следует использовать одни и те же термины. Классическим стало определение юридического термина, сформулированное А.С. Пиголкиным: «Юридический термин – это слово (или словосочетание), которое употреблено в законодательстве, является обобщенным наименованием юридического понятия, имеющего точный и определенный смысл, и отличается смысло-

вой однозначностью, функциональной устойчивостью» [12, с. 171].

Вышесказанное иллюстрирует проблему формально-юридического подхода к качеству законодательства.

Также в рамках данной проблемы важно отметить отставание понятия публичных торгов данное в п. 1 ст. 449.1 ГК РФ от сложившихся на сегодняшний день общественных отношений по поводу конструкции торгов как средства заключения договоров на конкурентной основе. В Федеральном законе № 102-ФЗ «Об ипотеке (залоге недвижимости)» в п. 2 ст. 68 об особенностях обращения взыскания на заложенные земельные участки и их реализацию, публичные торги противопоставляются форме проведения торгов в виде аукциона и конкурса. Понятие торгов или публичных торгов, которое дано в ГК РФ, связывает их в первую очередь с исполнительным производством, но в настоящее время понятие торгов, которые проводятся в форме конкурса и аукциона намного шире.

Публичные торги осуществляются и вне отношений, связанных с исполнительным производством. Возьмем, к примеру Федеральный закон № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд», в котором согласно п. 1 пп. 2 ст. 3 отражены правила определения поставщика (подрядчика, исполнителя) путем совокупности действий, которые осуществляются заказчиками, начиная с размещения извещения об осуществлении закупки для обеспечения государственных или муниципальных нужд либо в иных установленных законом случаях с направления приглашения принять участие в определении поставщика (подрядчика, исполнителя) и завершаются заключением контракта [11].

Заказчики при осуществлении закупок используют конкурентные способы определения поставщиков. Способы определения поставщиков указаны в ст. 24 Федерального закона № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» в виде конкурса и аукциона.

Данные правила обобщены в ГК РФ, в частности, в п. 1 ст. 447 ГК РФ, где договор может быть заключен путем проведения торгов. Договор заключается с лицом, выигравшим торги и п. 4 ст. 447 ГК РФ, где торги проводятся в форме аукциона и конкурса.

Помимо этого, в Федеральном законе № 44-ФЗ присутствует признак публичности, который в свою очередь также указывает на его связь с ГК РФ применительно к торгам. Под публичностью понимают открытость и доступность [13]. Признаки публичности зафиксированы в ст. 7 и в п. 1 ст. 8 Федерального закона № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд», а именно: свободный и безвозмездный доступ к информации о контрактной системе в сфере закупок; возможность любого лица стать поставщиком (подрядчиком, исполнителем).

Итак, в Федеральном законе № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» установлены правила, по которым государственные и муниципальные заказчики приобретают различные товары и услуги которые можно обозначить как публичные торги, хотя в самом законе термин публичные торги не упоминается.

Отсюда качество термина «публичные торги» в ГК РФ с точки зрения субъективного восприятия устарело, так как публичные торги на сегодняшний день ассоциируются не только с исполнением судебного решения, связанного с реализацией имущества, но и как один из эффективных способов заключения договоров.

Определение «публичные торги» в ГК РФ выражает императивную, узконаправленную природу отношений, так как для проведения торгов, исходя из определения и установленной процедуры, необходимо, чтобы судебный пристав – исполнитель вынес постановление о передаче имущества должника на реализацию и передал это имущество территориальному органу Росимущества или привлеченной специализированной организации с размещением информации о проведении торгов на официальном сайте Федеральной службы судебных приставов в сети Интернет. Информация о проведении торгов должна быть доступна для ознакомления всем заинтересованным лицам без взимания платы, что указывает на особый, «публичный», характер реализации имущества.

Данную природу отношений подтверждает определение, которое дано в комментарии к Гражданскому кодексу под редакцией Л.В. Санниковой, что публичные торги – это особый порядок заключения договора о продаже имущества должника в рамках исполнения исполнительных документов в порядке исполнительного производства [1, с. 280].

Это определение не совсем корректно исходя из сложившихся на сегодняшний день отношений. Так, как уже упоминалось выше, признаками публичных торгов обладают рассмотренные нормы Федерального закона № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд», где нет упоминания об «исполнительном производстве» а сам закон носит преимущественно частно-правовую природу.

Итак, на сегодняшний день определение публичных торгов связывает его в первую очередь с особой формой реализации имущества должника, хотя из рассмотренных нами примеров вытекает, что понятие публичных торгов охватывает отношения, не относящиеся только к реализации имущества должника.

В настоящее время отсутствует консолидированный нормативный акт, регламентирующий про-

цедуру проведения публичных торгов. Представляется необходимым принятие такого акта либо внесение изменений в ГК РФ, расширяющее определение публичных торгов.

Литература

1. Гражданский кодекс Российской Федерации. Постатейный комментарий к разделу III «Общая часть обязательного права» / Под ред. Л.В. Санниковой. – М., 2016.– 291 с.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 18.07.2019) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.10.2019) // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 22.11.2019).
3. Давыдова М.Л. Теоретические проблемы определения понятия юридической техники в отечественной теории права // Вестник ВолГУ.– 2007. – Выпуск 9. – С. 23–32.
4. Закон Приморского края от 22 декабря 2008 года № 373-КЗ «О законодательной деятельности в Приморском крае» // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 19.11.2019).
5. Игнатенко В.В. Правовое качество законов об административных правонарушениях: Теоретические и прикладные проблемы: дис. доктора юрид. наук.– 1999.– 343 с.
6. Постановление Правительства РФ от 02.08.2001 № 576 (ред. от 13.03.2015) «Об утверждении Основных требований к концепции и разработке проектов федеральных законов» // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 19.11.2019).
7. Постановление Правительства РФ от 13.08.1997 № 1009 (ред. от 12.10.2019) «Об утверждении Правил подготовки нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти и их государственной регистрации» // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 19.11.2019).
8. Регламент Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации: Постановление ГД ФС РФ от 22 января 1998 г. № 2134-II ГД // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 19.11.2019).
9. Сырых Е.В. Общие критерии качества закона: дис. канд. юрид. наук. – М., 2001.– 221 с.
10. Федеральный закон от 02.10.2007 № 229-ФЗ (ред. от 17.10.2019) «Об исполнительном производстве» // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 05.12.2019).
11. Федеральный закон № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 05.12.2019).
12. Юридическая техника: учебник / Под ред. Ю.К. Краснова. – М., 2001.– 258 с.
13. Большая советская энциклопедия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://gufo.me/dict/bse.

THE QUALITY PARAMETERS OF THE LEGISLATION ON PUBLIC TENDERS

Ovchinnikov S.N., Yakovlenko I.A.
Far Eastern Federal University, Pacific state medical University

Purpose: determination of quality parameters and analysis of the legal definition of “public auction” given by the Civil code of the Russian Federation.
Methods: logical methods of knowledge: analysis, deduction, abstraction, generalization, as well as private scientific methods. The paper used logical research methods to analyze and construct General theoretical definitions of quality. The system approach was used to define quality parameters as elements of the quality system as a whole. The functional-legal method was used to identify the existence of differences in the understanding of the definition of the same construction in law by comparing and analyzing legal norms.
Results: quality parameters were determined in relation to the legal definition of the legal structure of public auctions, which in turn contributed to the identification of problems associated with the mention of this term in the current legislation.
Scientific novelty: two approaches to determining the quality of legal structures were proposed.
In the article, the formal-legal approach to the definition of the quality of the legal structure of public auctions, given by the Civil code, was considered in detail. The material and formal aspects of the same legal structure of public auctions were also identified and described.
Practical significance: the main conclusions made in the course of the study can be used in law-making activities.

Keywords: quality of legislation, quality parameters, legal structure, public auction.

References

1. Civil code of the Russian Federation. Article-by-article comment to section III “General part of compulsory law” / edited by L.V. Sannikova. – M., 2016.– 291 p.
2. Civil code of the Russian Federation (part one) from 30.11.1994 № 51-FZ (as amended on 18.07.2019) (with ed. and extra, Intro. effective from 01.10.2019) / / SPS ConsultantPlus (date accessed: 22.11.2019).
3. Davydova M.L. Theoretical problems of defining the concept of legal technology in the domestic theory of law // Bulletin of the Volga state University.– 2007. – Issue 9. – P. 23–32.
4. The law of Primorsky Krai from December 22, 2008 № 373-KZ “About the Legislative activities in Primorsky region” // ATP ConsultantPlus (date accessed: 19.11.2019).
5. Ignatenko V.V. the Legal quality of the laws on administrative offenses: Theoretical and applied problems: dis. Dr. Jurid. Sciences.– 1999.– 343 p.
6. Resolution of the government of the Russian Federation of 02.08.2001 No. 576 (ed. of 13.03.2015) “On approval of the Main requirements for the concept and development of draft Federal laws” // SPS ConsultantPlus (date accessed: 19.11.2019).
7. Resolution of the Government of the Russian Federation from 13.08.1997 No. 1009 (edition of 12.10.2019) “On approval of Rules of preparation of regulatory legal acts of the Federal bodies of Executive power and their state registration” // SPS ConsultantPlus (date accessed: 19.11.2019).
8. Regulations of the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation: Resolution of the state Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation of 22 January 1998, No. 2134-II GD // SPS ConsultantPlus (date accessed: 19.11.2019).
9. Crude E.V. General criteria of quality of law: dis. Cand. the faculty of law. sciences. – M., 2001.– 221 p.
10. The Federal law from 02.10.2007 No. 229-FZ (as amended on 17.10.2019) “on enforcement proceedings” // SPS ConsultantPlus (date accessed: 05.12.2019).
11. Federal law No. 44-FZ “on the contract system in the sphere of procurement of goods, works, services for state and municipal needs” // SPS ConsultantPlus (date accessed: 05.12.2019).
12. Legal technique: textbook / ed. Yu.K. Krasnov. – M., 2001.– 258 p.
13. Great Soviet encyclopedia [Electronic resource]. – Mode of access: https://gufo.me/dict/bse.

Федеративное измерение конституционного суверенитета

Ильин Игорь Михайлович,
кандидат юридических наук, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин, Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого
E-mail: igor0401198504@mail.ru

В статье исследуется федеративное измерение конституционного суверенитета. С целью достижения заявленной темы, приведены легитимные установления Конституционного суда РФ и доктринальные воззрения относительно содержательной составляющей термина «конституционный суверенитет» и последствий его закрепления в учредительных актах субъектов РФ. Далее, раскрываются федеративные коллизии, связанные с неконституционным восприятием «суверенитета» субъектами РФ на примере республики Татарстан. Одновременно с этим, указывается о проведении в России реформ, побудивших органы конституционной юстиции других субъектов РФ проявить необходимую ответственность к восприятию правовых позиций Конституционного Суда РФ по данному вопросу. В качестве аргументации приведен пример Чеченской республики и республики Дагестан, которые исключили из своих конституций положения об их суверенитете. В заключении резюмируется, что конституционное правопонимание не предполагает для субъектов РФ, возможность использования в их конституциях и уставах термина «суверенитет». В связи с этим, одним из предложений является исключение из законодательства субъектов РФ термина «суверенитет» с предложением его замены на понятие «исключительные конституционные права субъекта РФ».

Ключевые слова: субъекты РФ, конституционный суверенитет, легитимные установления Конституционного суда РФ, конституция, федеративные коллизии.

С учетом легитимных установлений Конституционного Суда РФ [1]. следует безоговорочно признать, что субъекты РФ правом государственного суверенитета не обладают. Еще до принятия соответствующих актов органа российской конституционной юстиции, будущий Судья Конституционного Суда РФ А.Н. Кокотов подчеркивал, что наделение России признаками федерации и правового государства, исключает наделение субъектов, входящих в её состав, правом претендовать на государственный суверенитет. В противном случае произойдет переход в плоскость конфедеративных отношений, а значит государство перестает быть Федерацией [2, с. 74].

Вместе с тем отдельные российские авторы по-прежнему продолжают находить неопределенность в этом вопросе. Например, Д.М. Худолей считает, что, не обладая государственным суверенитетом, субъекты РФ тем не менее могут иметь некоторые его элементы. По его мнению, главной проблемой в сегодняшних условиях является двусмысленные толкования и неточные определения данных категорий юридического характера. Установление в мире нового порядка, а также изменения во взаимоотношениях между Российской Федерацией и ее субъектами, сделали актуальной необходимость пересмотреть содержательную составляющую понятия суверенитета [3, с. 58]. Достаточно критично, указывая на недопустимость смешения категорий «народный суверенитет» и «государственный суверенитет», Худолей Д.М. высказывается по поводу разъяснений, данным Конституционным судом РФ.

Важность обозначенной выше коллизии побуждает внимательнее посмотреть на доводы сторон (при всей их статусной неравноценности). В Постановлении Конституционного Суда РФ № 10-П от 07. 06. 2000 г., указано, что суверенитет России представляет собой самостоятельность, независимость, верховенство и полноту государственной власти на всей ей территории, а также независимость в международных отношениях. Данное Конституционным Судом определение практически идентично широко распространенному в науке взгляду на данный вопрос [4].

В Постановлении № 10-П было однозначно определено, что единственным носителем государственного суверенитета является многонациональный народ Российской Федерации, из че-

го следует, что субъекты РФ не обладают даже фрагментарным суверенитетом. Одновременно Конституционный Суд РФ указал, что понятие «республика» в составе Федерации достаточно условно, является отражением исторических особенностей и отнюдь не означает суверенитет в составе федерации. Полноценным суверенитетом обладает лишь само федеративное государство. Конституция РФ в своих статьях 15 и 79 также подтверждает отсутствие у субъектов РФ суверенитета, поскольку лишь Российская Федерация вправе передавать часть своих полномочий межгосударственным объединениям, если это отвечает условиям международных договоров с участием нашей страны.

Следовательно, Конституционным Судом РФ отрицается возможность субъектов РФ иметь суверенитет наряду и одновременно с суверенитетом России. В этой связи довод Д.М. Худолея о том, что Конституционным Судом РФ смешаны две категории: «народный суверенитет» и «государственный суверенитет» является ошибочным.

В связи с данным разъяснением Конституционного суда РФ, правовая возможность существования суверенитета субъектов РФ объективно ставится под сомнение и другими учеными. В качестве основного довода приводятся последствия закрепления термина «суверенитет» в учредительных актах субъектов РФ.

По аргументированному суждению В.И. Крусса, «отечественные ученые-конституционалисты признают, что недавние притязания отдельных субъектов РФ на суверенитет носили деструктивный характер, поощряли сепаратизм и подрывали суверенную природу российского государства» [5, с. 32]. Вспомним, что даже пагубная «чеченская война» оправдывалась ссылками на статью 56 Конституции Чеченской Республики, в которой устанавливалось право этого субъекта РФ иметь свои вооруженные силы.

Лишь Постановление Конституционного Суда РФ № 10-П от 7 июня 2000 г., утвердившее право на суверенитет исключительно за Российской Федерацией, побудило к изъятию из конституций республик положений об их суверенитете, а также к принятию новой Конституция Чеченской Республики 2003 г. [6]. Одновременно с этим, как верно отмечает Черепанов В. принятие новой Конституции Чеченской республики явилось следствием выражения воли чеченского народа на ограничение своей суверенности федеральными полномочиями [7, с.6–8].

Очевидно, что федеративные конфликты подобные чеченскому, как и более мягкие политические разночтения, обусловлены представлением о формальном конституционном признании наличия у отдельных субъектов РФ (республик) статуса «государство». Между тем, статья 5 Конституция РФ дает субъектам РФ право на самоопределение, только в составе Российской Федерации. Как установил Конституционный Суд РФ, население (народ) каждого из субъектов РФ, являясь носителем суверенитета в том или ином субъекте, а также в целом в федерации, реализует свою власть как непосредственно (через выборы или референдум), так и через органы государственной власти и местного самоуправления [8].

Не подлежит сомнению, что федеральный центр не наделен всей полнотой власти, будь то исполнительная, законодательная или судебная, поскольку пределы его самостоятельности строго очерчены в статьях 71 и 72 Конституции РФ. Федеральный центр не имеет права вмешиваться в «зоны ответственности» субъектов РФ, а также местного самоуправления (статьи 73, 130, 132 Конституции РФ).

Конституция РФ (статья 67) закрепляет территориальную неприкосновенность субъектов РФ. Среди нормативно-правовых актов регионального уровня, относящихся исключительно к ведению регионов, верховенством обладают уставы и конституции субъектов РФ. Кроме того, как указал Конституционный Суд РФ, субъекты РФ имеют учредительную власть и вправе принимать или изменять принятые ими учредительные акты. Подобно многим другим федеративным государствам, субъектам РФ не требуется одобрение федеральных органов власти для вступления этих документов в силу [9].

Международные договора в полном значении этого слова субъекты РФ заключать не вправе, между тем они вправе состоять в международных организациях, быть участниками международных соглашений, иметь для этих целей свои зарубежные представительства, а также атрибуты государственной власти (флаг, гимн, герб, для республик – право на государственный язык). Необходимо заметить, что в Конституции РФ (ст. 68) используется формулировка не «национальный язык» или «язык официального общения», а именно «государственный язык республики». По моему мнению подобное нормативное установление и привело к отождествлению понятий национального и государственного суверенитета, что, обусловило юридические коллизии в области федеративных отношений.

В качестве примера федеративных коллизий, связанных с неконституционным восприятием «суверенитета» субъектов РФ можно указать на отношения с Республикой Татарстан. Договор о разграничении полномочий и предметов ведения между Российской Федерацией и Республикой Татарстан, подписанный в июне 2007 года, закрепил права государственных органов власти Татарстана, а также определил дополнительные требования к предлагаемым Президентом России кандидатам на пост руководителя республики. Согласно ст. 2 данного договора, кандидат в президенты республики обязан владеть обоими государственными языками республики – русским и татарским [10].

По моему мнению, данный договор в стремлении обеспечить «народный суверенитет» и одновременно учесть специфику республики входит

в противоречие с Федеральным законом № 184-ФЗ от 06.10.1999 г. (далее – ФЗ № 184-ФЗ), которым закреплены общие принципы организации исполнительных и представительных государственных органов власти субъектов Российской Федерации [11]. Например, вступление в должность гражданина России на пост руководителя региона осуществляется в соответствие с конституцией (уставом) данного субъекта РФ и ФЗ № 184-ФЗ. Дополнительное требование об обязательном владении государственным языком республики не отвечает общим законодательным требованиям, а потому может расцениваться как «присвоение» Республикой Татарстан полномочий в обход Конституции РФ, аргументируя это реализацией «национального суверенитета». Схожая позиция была высказана и Конституционным судом РФ в одном из постановлений. Так, в Постановлении Конституционного суда РФ от 16 ноября 2004 г. № 16-П акцентировано внимание на том, что федеративное устройство России, основанное на её территориальной целостности не предполагает установление в законодательстве республик в качестве обязательного условия для нетитульного населения владение языком республики [12].

Как отмечает С.Г. Павликов, Конституция РФ «с ее генеральным принципом народовластия обеспечила преодоление сепаратистских тенденций девяностых годов прошлого века, предотвратила распад России (вспомним о «параде суверенитетов», об Уральской Республике, «гражданстве» Татарстана, «прямых» международных договорах Башкортостана, событиях в Чечне и т.д.)» [14 с. 73–74].

Представляется дискуссионным вопрос о «собственном» гражданстве республик – субъектов РФ. Согласно ст. 4 Федерального закона «О гражданстве Российской Федерации», гражданство на территории России является единым [13], что не предполагает установление республиками собственного гражданства.

Между тем, в статье 21 Конституции Татарстана предусмотрено республиканское гражданство, что подтверждается соответствующим постановлением Конституционного Суда Республики Татарстан, в котором содержится определение гражданства Татарстана. Установлено, что гражданином Республики Татарстан признается любой гражданин России, проживающий на территории республики [15]. И данный факт констатируется в российских образовательных юридических изданиях [16].

Вместе с тем, в других республиках – субъектах РФ органы конституционной юстиции проявили необходимую ответственность к восприятию правовых позиций Конституционного Суда РФ по данному вопросу [17].

По моему мнению, принцип конституционного суверенитета и единого гражданства означает, что двойное гражданство Федерации и ее субъекта не возникает. Следовательно, если регион является частью федерации, то и гражданство субъекта РФ будет являться частью общефедерального гражданства (условно говорят о «расщепленном» или «ограниченном» гражданстве).

Такое положение позволяет субъектам устанавливать на своей территории дополнительные гарантии свобод и прав гражданина и человека [18 с.32–33]. Возможность установления таких дополнительных «гарантирующих» региональных прав обусловлена правовой взаимосвязью между гражданами и субъектом РФ, главным образом – через уплату налогов и сборов.

Конституционное федеративное строительство неоднократно сталкивалось с трудностями, преодолеть которые не всегда удавалось убедительным образом. При этом соответствующие реформы были осуществлены преимущественно на федеральном уровне. В их числе:

– выдвижение кандидатов политическими партиями или с согласия главы государства (п. 3 ст. 18 ФЗ № 184-ФЗ);
– введение личной ответственности глав субъектов РФ перед Президентом России (ст. 29.1 ФЗ № 184-ФЗ);
– утверждение права Российской Федерации на введение в регионах временной финансовой администрации (пп. «б» п. 1 ст. 26.9 ФЗ № 184-ФЗ).

По моему мнению, введенные нормативные установления означают ограничение суверенных прав субъектов, что стало предметом рассмотрения дел Конституционным судом.

Так в Постановлении от 21 декабря 2005 № 13-П, Конституционный суд РФ в качестве неотъемлемого элемента конституционно-правового статуса России указал правомочие по корректированию государственно-правового механизма, включая урегулирования вопросов разграничения предметов ведения и полномочий между Федерацией и субъектами. Такое правомочие обусловлено прежде всего государственным суверенитетом, полнота которого принадлежит России, а не отдельным субъектам [19]. Ко всему прочему достаточно мотивировано судом указано на то, что согласно Конституции РФ, процедура назначения высшего должностного лица субъекта РФ предусматривает участие главы государства, представительных (законодательных) органов государственной власти и граждан [20].

С учетом этого констатирую, что в настоящее время субъекты РФ по своему статусу сведены до уровня европейских политических автономий.

Как известно, автономия в широком понимании этого слова означает независимость, суверенитет. В научной литературе встречаются утверждения о полном суверенитете (автономии) субъекта федеративного государства. Между тем, конституционное правопонимание предполагает, что автономия как субъектов РФ, так и федерального центра неизбежно должна быть ограничена в вопросах, относящихся к ведению другой стороны [21].

На основании сказанного резюмирую следующее.

Суверенитет России как федеративного государства не может быть абсолютным, поскольку неизбежно ограничивается полномочиями её субъектов. Так, субъекты РФ, не имея права на выход из её состава, наделены самостоятельностью в определении структуры публичной власти на своей территории. Между тем, конституционное правопонимание не предполагает для субъектов РФ возможность использования термина «суверенитет» в своих конституциях и уставах. Но на практике, как отмечалось выше, это продолжает иметь место и провоцирует напряженные федеративные коллизии. В этой связи считаю, что термин «суверенитет» нужно исключить из законодательства субъектов РФ и заменить его понятием «исключительные конституционные права субъекта РФ», как производное от доктринально-нормативных установлений и смысла правовых позиций Конституционного Суда РФ.

Литература

1. Определение Конституционного Суда РФ от 06.12.2001 N249-О // СЗ РФ.– 2002.– 28 января.– № 4. – С. 374.
2. Кокотов А.Н. Русская нация и российская государственность. – Екатеринбург, 1994. – С. 74.
3. Худолей Д.М. Суверенитет или автономия? // Вестник Пермского университета.– 2011.– № 12. – Выпуск № 2. – С. 58.
4. Постановление Конституционного Суда РФ от 07.06.2000 г. № 10-П по делу о проверке конституционности отдельных положений Конституции Республики Алтай и Федерального закона «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» // СЗ РФ.– 2000. № 25. – Ст. 2728.
5. Крусс В.И. Конституционный федерализм и состоятельность субфедерального законотворчества // Государственная власть и местное самоуправление.– 2019.– № 12. – С. 32.
6. Постановление Конституционного Суда РФ от 7 июня 2000 г. № 10-П // ВКС РФ.– 2000.– 19 июня.– № 25. – Ст. 2728.
7. Черепанов В. Основные принципы Конституции Чеченской Республики // Российская юстиция.– 2003.– № 8. – С. 6–8.
8. Федеральный конституционный закон от 28 июня 2004 года № 5-ФКЗ «О референдуме Российской Федерации» (в ред. Федеральных конституционных законов от 30.12.2006 № 7-ФКЗ, от 24.04.2008 № 1-ФКЗ, с изм., внесенными Постановлением Конституционного Суда РФ от 21.03.2007 № 3-П) // Российская газета.– 2008.– 30 апреля.
9. Определение Конституционного Суда РФ от 27 июня 2000 г. № 92-О // СЗ РФ.– 2000.– 17 июля.– № 29. – Ст. 3117.
10. Федеральный закон от 24 июля 2007 г. № 199-ФЗ «Об утверждении Договора о разграничении предметов ведения и полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти Республики Татарстан» // Российская газета.– 2007.– 31 июля.
11. Федеральный закон от 06.10.1999 № 184-ФЗ (ред. от 27.12.2019) «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации»// Российская газета.– 1999.– 19 октября.– № 206.
12. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 16 ноября 2004 г. № 16-П // ВКС РФ.– 2000.– № 5.
13. Федеральный закон от 31.05.2002 № 62-ФЗ (ред. от 26.07.2019) «О гражданстве Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 17.10.2019) // Российская газета.– 2002.– 05 июня.– № 100.
14. Павликов С.Г. О «конституционализации» и «социализации» процесса регулирования экономических отношений в Европейском союзе // Конституционное и муниципальное право.– 2018.– № 1. – С. 73–74.
15. Постановление Конституционного суда Республики Татарстан от 30 мая 2003 г. № 9-П // Республика Татарстан.– 2003.– 7 июня.
16. Шахрай С.М. Конституционное право Российской Федерации: учебник для академического бакалавриата и магистратуры. 4-е изд., изм. и доп. – М.: Статут, 2017 // СПС Консультант-Плюс.
17. Постановление Конституционного суда Республики Дагестан от 03 октября 2000 г. N1-П // Официальный сайт Конституционного суда Республики Дагестан. URL: http://www.ksrd.ru/court%20decisions/judgments (дата обращения: 12.12.2019).
18. Крусс В.И. Конституционный федерализм и состоятельность субфедерального законотворчества // Государственная власть и местное самоуправление.– 2019.– № 12. – С. 33.
19. Постановление Конституционного Суда РФ от 21 декабря 2005 № 13-П // СЗ РФ.– 2006.– 16 января.– № 3. – Ст. 336.
20. Постановление Конституционного Суда РФ от 24 декабря 2012 № 32-П // СЗ РФ.– 2012.– 31 декабря.– № 53 (ч. 2). – Ст. 8062.
21. Алехина Н.В. К вопросу о государственном суверенитете Российской Федерации // Конституционное и муниципальное право.– 2007.– № 10. – С. 11–13.

THE FEDERAL DIMENSION OF THE CONSTITUTIONAL SOVEREIGNTY

Iliin I.M.
Novgorod State University named after Yaroslav The Wise

The article explores the Federal dimension of constitutional sovereignty. To achieve the stated topic, given the legitimate establishment of the constitutional court and the doctrinal views on substantive component of the term “constitutional sovereignty” and the consequences of its fastening in statutory acts of subjects of the

Russian Federation. Further, Federal conflicts related to the unconstitutional perception of" sovereignty " by the subjects of the Russian Federation on the example of the Republic of Tatarstan are revealed. At the same time, it is indicated that reforms have been carried out in Russia that have prompted the constitutional justice bodies of other subjects of the Russian Federation to show the necessary responsibility for the perception of the legal positions of the constitutional Court of the Russian Federation on this issue. As an argument, the example of the Chechen Republic and the Republic of Dagestan, which excluded provisions on their sovereignty from their constitutions, is given. In conclusion, it is summarized that the constitutional legal understanding does not imply the possibility of using the term "sovereignty" in their constitutions and statutes for the subjects of the Russian Federation. In this regard, one of the proposals is to exclude the term "sovereignty" from the legislation of the subjects of the Russian Federation with the proposal to replace it with the concept of "exclusive constitutional rights of the subject of the Russian Federation".

Keywords: constitutional sovereignty, legal positions of the constitutional court of the Russian Federation, subjects of the Russian Federation, the Constitution, Federal conflicts.

References

1. The determination of the Constitutional Court of the Russian Federation of 06.12.2001 N249-O // SZ RF.– 2002. – January 28. – No. 4. – P. 374.
2. Kokotov A.N. Russian nation and Russian statehood. – Ekaterinburg, 1994. – P. 74.
3. Khudoley D.M. Sovereignty or autonomy? // Bulletin of Perm University.– 2011. – No. 12. – Issue No. 2. – P. 58.
4. Decree of the Constitutional Court of the Russian Federation of 07.06.2000 No. 10-P in the case on the verification of the constitutionality of certain provisions of the Constitution of the Altai Republic and the Federal Law "On General Principles of Organization of Legislative (Representative) and Executive Government Agencies of the Subjects of the Russian Federation" // SZ RF.– 2000. – No. 25. – Art. 2728.
5. Kruss V.I. Constitutional federalism and the viability of subfederal lawmaking // State power and local self-government.– 2019. – No. 12. – P. 32.
6. The decision of the Constitutional Court of the Russian Federation of June 7, 2000 No. 10-P // VKS of the Russian Federation.– 2000. – June 19. – No. 25. – Art. 2728.
7. Cherepanov V. Basic principles of the Constitution of the Chechen Republic // Russian Justice.– 2003. – No. 8. – P. 6–8.
8. Federal Constitutional Law of June 28, 2004 No. 5-FKZ "On the Referendum of the Russian Federation" (as amended by Federal Constitutional Laws of December 30, 2006 No. 7-FKZ, dated April 24, 2008 No. 1-FKZ, as amended, as amended Decree of the Constitutional Court of the Russian Federation of March 21, 2007 No. 3-P) // Russian newspaper.– 2008. – April 30.
9. The determination of the Constitutional Court of the Russian Federation of June 27, 2000 No. 92-O // SZ RF.– 2000. – July 17. – No. 29. – Art. 3117.
10. Federal law of July 24, 2007 No. 199-ФЗ "On approval of the Agreement on the delimitation of subjects of competence and authority between government bodies of the Russian Federation and government bodies of the Republic of Tatarstan" // Russian newspaper.– 2007. – July 31.
11. Federal law dated 06.10.1999 No. 184-FZ (as amended on 12.27.2019) "On the general principles of the organization of legislative (representative) and executive bodies of state power of the constituent entities of the Russian Federation" // Russian newspaper.– 1999. – October 19. – No. 206.
12. The decision of the Constitutional Court of the Russian Federation of November 16, 2004 No. 16-P // VKS of the Russian Federation.– 2000. – No. 5.
13. Federal Law of May 31, 2002 No. 62-FZ (as amended on July 26, 2019) "On Citizenship of the Russian Federation" (as amended and supplemented, entered into force on October 17, 2019) // Russian Newspaper.– 2002. – June 05. – No. 100.
14. Pavlikov S.G. About "constitutionalization" and "socialization" of the process of regulating economic relations in the European Union // Constitutional and municipal law.– 2018. – No. 1. – P. 73–74.
15. The decision of the Constitutional Court of the Republic of Tatarstan dated May 30, 2003 No. 9-P // Republic of Tatarstan.– 2003. – June 7.
16. Shahray S.M. Constitutional law of the Russian Federation: a textbook for academic undergraduate and graduate programs. 4th ed., Rev. and add. – M.: Statut, 2017 // ATP ConsultantPlus.
17. The decision of the Constitutional Court of the Republic of Dagestan of October 3, 2000 N1-P // Official website of the Constitutional Court of the Republic of Dagestan. URL: http://www.ksrd.ru/court decisions / judgments (accessed: 12.12.2019).
18. Kruss V.I. Constitutional federalism and the viability of subfederal lawmaking // State power and local self-government.– 2019. – No. 12. – P. 33.
19. The decision of the Constitutional Court of the Russian Federation of December 21, 2005 No. 13-P // SZ RF.– 2006. – January 16. – No. 3. – Art. 336.
20. The decision of the Constitutional Court of the Russian Federation of December 24, 2012 No. 32-P // SZ RF.– 2012. – December 31. – No. 53 (part 2). – Art. 8062.
21. Alekhina N.V. To the question of state sovereignty of the Russian Federation // Constitutional and municipal law.– 2007. – No. 10. – P. 11–13.

Избирательное законодательство как основа парламентаризма в Республике Южная Осетия

Кочиева Олеся Ахсаровна,
аспирант кафедры конституционного и муниципального права, ФГБОУВО «Московский государственный университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)», старший преподаватель кафедры гражданского права, Югоосетинский государственный университет имени А.А. Тибилова
E-mail: kochieva@yandex.ru

В данной статье рассматривается становление и развитие югоосетинского парламентаризма с момента принятия Декларации о государственном суверенитете Республики Южная Осетия в 1990 году и по настоящее время. Приведены правовые основания проведения первых выборов в Парламент Южной Осетии, а также раскрыты некоторые особенности избирательного законодательства в различные периоды, отраженные в компетенции, деятельности, порядке организации и формировании всех депутатских созывов.

Ключевые слова: Парламент РЮО, парламентаризм, депутат, законодательный орган, депутатский созыв, конституция, законодательный акт.

20 сентября 1990 года состоялась 14-я сессия Юго-Осетинского областного Совета народных депутатов двадцатого созыва, которая, путем принятия Декларации о государственном суверенитете, преобразовала Юго-Осетинскую Автономную область в Юго-Осетинскую Советскую Демократическую Республику. Именно с этого момента начинается новейшая история Республики Южная Осетия. 9 декабря 1990 года состоялись выборы депутатов в Верховный Совет Республики 1-го созыва. Перед первыми парламентариями стояла сложнейшая задача: заложить законодательную основу существования Республики Южная Осетия и Декларация о государственном суверенитете легла в основу первой Конституции Республики Южная Осетия, принятой 2 ноября 1993 года. Основной Закон определял главное политической направление Южной Осетии в новом статусе. Тогда же и был переименован Верховный Совет в Государственный Ныхас, хотя первоначальное наименование законодательному органу вскоре было возвращено, поскольку «Государственный Ныхас» или «Государственный Совет» – высший орган власти, объединяющий в себе законодательную и исполнительную власти и присуща президентской республике [1]. Южная Осетия на тот период была парламентской республикой.

Легитимность первых выборов в Верховный Совет Юго-Осетинской Советской Демократической Республики 9 декабря 1990 года не вызывает сомнений, поскольку данное решение вместе с утверждением Положения о выборах депутатов Верховного Совета Юго-Осетинской Советской Демократической Республики принято Временным исполнительным комитетом Юго-Осетинской Советской Демократической Республики 16 октября 1990 года.

Этому Решению, в свою очередь, предшествовало принятие в тот же день еще одного, не менее важного документа «Об отношении к выборам депутатов в Верховный Совет Грузинской ССР», в котором речь шла о признании неправомочным функционирование избирательных округов, участков и участие местного населения в выборах депутатов в Верховный Совет Грузинской ССР на территории Юго-Осетии.

Положение о выборах депутатов Верховного Совета Юго-Осетинской Советской Демократической Республики включало в себя общие начала, принципы, порядок назначения выборов, образование избирательных округов и иные аспекты, связанные с проведением первых и крайне важных выборов.

К особенностям первого законодательного акта о выборах следует отнести трехлетний срок

полномочий и отсутствие ценза оседлости при реализации как активного, так и пассивного избирательного права. К слову, на сегодняшний день срок полномочий депутатского корпуса составляет пять лет, а наличие пятилетнего срока проживания на территории Республики Южная Осетия для кандидата в депутаты является действующей нормой югоосетинского законодательства и ее актуальность не вызывает сомнений в обществе.

Таким образом, первые выборы в Верховный Совет Юго-Осетинской Советской Республики, прошедшие 9 декабря 1990 года, состоялись в полном соответствии с Конституционными нормами, имеющими законную силу на тот период времени на территории СССР. Этому также свидетельствует и Акт наблюдателей от Всесоюзной Ассоциации национально-государственных, национально-территориальных образований и народов, не имеющих своей государственности и общественных движений страны. В выборах приняло участие 72% избирателей, что явилось своеобразным референдумом, подтверждающим волеизъявление народа на суверенитет и стремление к единой судьбе с народами большой страны. В результате проведенных выборов избрано 64 депутата.

Первые два состава Парламента РЮО, в то время Верховного совета Республики Южная Осетия, были сформированы исключительно по мажоритарному принципу. 2 ноября 1993 года, в день принятия первой Конституции (Основного Закона), парламентарии первого созыва принимают еще и Закон Республики Южная Осетия «О выборах депутатов Государственного Ныхаса Республики Южная Осетия». В свою очередь депутатским корпусом второго созыва было принято решение о переходе с парламентской формы правления на президентскую. 14 ноября 1996 года законом РЮО «О полномочиях органов государственной власти и управления в связи с внесением изменений и дополнений в Конституцию (Основной Закон) Республики Южная Осетия» Верховный совет был переименован в Парламент. Функции высшего органа представительной власти были фактически сведены к функциям законодательного собрания. И 10 ноября 1996 года был избран первый президент Республики Южная Осетия.

Следующие два созывы Парламента РЮО формировались уже по мажоритарно-пропорциональной избирательной системе. Постепенно в борьбу вступают политические партии, представительство которых в третьем и четвертом созывах Парламента составляло 30% и 50% соответственно. Таким образом, начинается развитие политической системы республики.

Между тем, пятый и шестой созывы Парламента РЮО состояли лишь из представителей политических партий, и рядовые избиратели Южной Осетии были лишены права выдвижения «своего» кандидата и вынуждены голосовать за лиц, представленных в списках политических партий. Данное решение было объявлено справедливым: ведь чем больше людей доверяют той или иной команде, тем большее количество мест, а стало быть, и больший вес эта команда будет иметь в парламенте. То есть парламент будет принимать именно те решения, которых от него ждет большинство избирателей [2, с. 233]. Однако, желание граждан принимать участие в политической жизни государства и возможность реализации своего пассивного избирательного права только в составе партийных списков, привели к увеличению числа политических партий, программы которых, зачастую, как братья-близнецы бывали схожи. К слову, на выборах депутатов Парламента Республики Южная Осетия VI созыва в 2014 году ЦИКом Республики Южная Осетия были зарегистрированы 9 политических партий из 14 подавших документы.

Не лишним будет отметить, что законодательная инициатива принадлежала самим депутатам четвертого созыва, то есть тем, кто лучше всех знает, как целесообразнее формировать органы законодательной власти. По мнению ряда наблюдателей, и в первую очередь российских, подобное поведение вполне вписывается в «российскую избирательную традицию». Однако, то, что хорошо для России, может стать неприемлемым для Южной Осетии не только в силу масштабов, но в силу ментальности [3, с. 234]. И, тем не менее, в недрах шестого созыва вызрела инициатива не только о переходе обратно к смешанной избирательной системе, но и о деятельности депутатского корпуса на профессиональной постоянной основе, что также свидетельствует о стремлении к единому правовому пространству с Российской Федерацией.

В соответствии с действующей Конституцией РЮО от 8 апреля 2001 года (новая редакция Конституции была необходима в связи с ведением институтом президентства) и поправками от 30 декабря 2015 года Парламент Республики Южная Осетия является высшим представительным и единственным законодательным органом Республики Южная Осетия и состоит из одной палаты. Парламент Республики Южная Осетия избирается сроком на пять лет в составе 34 депутатов, 17 из которых избираются по одномандатным избирательным округам, 17 – по пропорциональной избирательной системе по единому республиканскому избирательному округу [4]. Как мы видим, существенно (практически вдвое) снизилось и количество депутатских мандатов по сравнению с первыми созывами.

В силу вышеупомянутых поправок к Конституции РЮО, приняты в новой редакции Конституционный закон РЮО «Об основных гарантиях избирательный прав и права на участие в референдуме граждан Республики Южная Осетия» от 27 декабря 2018 года и Закон РЮО «О выборах депутатов Парламента Республики Южная Осетия» от 30 марта 2018 года, что позволило наблюдателям, в том числе и международным, признать выборы депутатов Парламента Республики Южная Осетия седьмого созыва (9 июня 2019 года), состоявшимися в полном соответствии с нормами закона.

Исходя из изложенного, можно констатировать достаточно сложный путь развития югоосетинского парламентаризма и в первую очередь, основу и вектор развития закладывали сами парламентарии принятием соответствующих законодательных актов. Избирательное законодательство постоянно претерпевало изменения с целью отражения общественного запроса, отвечающего тому или иному отрезку времени. Политические процессы в целом, и в частности, связанные с избранием очередных созывов, всегда проходили в строгом соответствии с действующим на территории Республики Южная Осетия законодательством.

Как уже было отмечено, Южная Осетия в этот исторический период времени определяла основное политическое направление и перспективное развитие своей республики в новом статусе самопровозглашенного государства и формирование своего законодательства являлось вопросом архиважным, как с точки зрения функционирования правового государства, так и являлось ярким показателем всему мировому сообществу правовой зрелости и несгибаемой решительности в выбранном курсе политического развития.

Формирование законодательства происходит под воздействием многих факторов: это и экономическое устройство, поскольку благодаря этому определяется социальная структура общества; это и моральные ценности, доминирующие в то или иное время, на той или иной территории; религия, как квинтэссенция морали, определяла и зачастую определяет основные подходы к построению законодательства [5, с. 4]. Но, основным фактором, влияющим на формирование законодательства, как для большинства государств, так и для Южной Осетии, стал фактор геополитический.

И именно поэтому, а также в связи с возникшим дефицитом законодательных актов, регулировавших отношения в сфере различных норм права, до введения в действие законов Республики Южная Осетия, Верховным Советом Республики Южная Осетия 29.01.1992 было принято Постановление «О применении аналогии законов России на территории Республики Южная Осетия», согласно которому правоохранительным органам, предприятиям, организациям, учреждениям и гражданам Республики Южная Осетия необходимо применять на практике нормы права России [6].

Следует отметить, что, во-первых, принятие данного Постановления носило не только правовой, но и политический характер; и, во-вторых, оно по сей день не утратило своей актуальности и действует до сих пор. Многие сферы жизнедеятельности и сейчас регулируются нормами российского права в силу применения Постановления Парламента об аналогии законодательства.

Однако вопросы избирательного законодательства не могли применяться по аналогии в силу особенностей и менталитета осетинского народа. Как видно из вышеизложенного, институт парламентаризма в Южной Осетии за период ее независимости прошел сложную историю становления, но все эти изменения происходили в строгом соответствии с законами. Фактически избирательное законодательство сформировалось в самом начале становления государства и менялось с каждым новым депутатским созывом, что свидетельствует об активной позиции народных избранников и попытке выработки оптимальной модели, которая, на наш взгляд, еще не сформирована.

Литература

1. Постановление Государственной Ныхаса Республики Южная Осетия от 11 февраля 1995 г.
2. Джуссоев Р.И., Дзайнукова М.И. Вопросы становления и развития института парламентаризма в Республике Южная Осетия (Социологический анализ). – Научные проблемы гуманитарных исследований.– 2010.– № 7. – С. 233.
3. Джуссоев Р.И., Дзайнукова М.И. Вопросы становления и развития института парламентаризма в Республике Южная Осетия (Социологический анализ). – Научные проблемы гуманитарных исследований.– 2010.– № 7. – С. 234.
4. Конституция (Основной закон) Республики Южная Осетия от 8 апреля 2001 года.
5. Крашенинников П.В. Закон и законотворческий процесс. – М.: Статут, 2017. – С. 4.
6. Постановление Верховного Совета Республики Южная Осетия 29.01.1992 «О применении аналогии законов России на территории Республики Южная Осетия».

ELECTION LEGISLATION AS THE BASIS OF PARLIAMENTARISM IN THE REPUBLIC OF SOUTH OSSETIA

Kochieva O.A.
Kutafin Moscow State Law University (MSAL), South Ossetia State University named after A.A. Tibilov

This article deals with the formation and development of South Ossetian parliamentarism from the moment of the adoption of the Declaration on the State Sovereignty of the Republic of South Ossetia in 1990 up to the present. Here are given the legal bases for holding the first parliamentary elections in South Ossetia and also some features of the electoral legislation in various periods reflected in the competence, activities, organization and formation of all parliamentary convocations are discribed.

Keywords: Parliament of South Ossetia, parliamentarism, deputy, legislative body, deputy convocation, constitution, legislative act.

References

1. Resolution of State Nykhas of the Republic of South Ossetia of February 11, 1995.
2. Dzhussoev R.I., Dzaynukova M.I. Issues of formation and development of the institution of parliamentarism in the Republic of South Ossetia (Sociological analysis). – Scientific problems of humanitarian research.– 2010. – No. 7. – P. 233.
3. Dzhussoev R.I., Dzaynukova M.I. Issues of formation and development of the institution of parliamentarism in the Republic of South Ossetia (Sociological analysis). – Scientific problems of humanitarian research.– 2010. – No. 7. – P. 234.
4. The Constitution (Basic Law) of the Republic of South Ossetia of April 8, 2001.
5. Krasheninnikov P.V. Law and legislative process. – M.: Statute, 2017. – P. 4.
6. Resolution of the Supreme Council of the Republic of South Ossetia 01.29.1992 “On the application of the analogy of the laws of Russia on the territory of the Republic of South Ossetia”.

К вопросу об оказании необходимого содействия стороне договора подряда

Новикова Ольга Владимировна,
аспирант кафедры гражданского права, Российский государственный университет правосудия, юрист ООО «АСС»
E-mail: olganovickova@ya.ru

Подрядные отношения в силу своей сложности и тесной зависимости от своевременного и полного исполнения сторонами своих обязанностей по договору порождают многочисленные судебные споры. Одним из факторов, влияющих на рассмотрение дела, является факт оказания или неоказания заказчиком необходимого содействия. В данной статье анализируются на примере судебных постановлений наиболее распространенные способы оказания содействия, а также исследуется ответственность за неоказание содействия подрядчику, в том числе в ситуациях, когда конкретные действия договором не регламентированы. Полученные выводы практически применимы в деятельности корпоративных юристов и могут быть использованы в научных изысканиях для формулирования общих критериев оценки поведения заказчика как соответствующего или не соответствующего требованиям ст. 307 и 718 Гражданского кодекса Российской Федерации.

Ключевые слова: обязательство, подряд, содействие сторон, содействие заказчика, добросовестность, просрочка исполнения, ответственность.

Обязанность оказывать стороне обязательства «всевозможное содействие в исполнении ею своих обязанностей» была закреплена в ст. 168 Гражданского кодекса РСФСР 1964 г. Из Гражданского кодекса 1994 г. это положение было изъято и вплоть до изменений в 2015 г. содействие предусматривалось только в договоре подряда в виде односторонней обязанности заказчика содействовать подрядчику (ст. 718 ГК РФ). Это объясняется сложным и длительным характером правоотношений по выполнению работы, а также прямой зависимостью между способностью подрядчика исполнять договор и своевременным, полным представлением заказчиком документации, оперативным согласованием изменений к договору, без чего редко обходится подряд. Оказание заказчиком содействия названо характерной особенностью подрядных отношений [2].

Несмотря на прямое указание закона на необходимость оказывать содействие в объеме и порядке, установленном договором, на практике в силу невозможности предусмотреть все случаи необходимости получить содействие в договорах часто воспроизводят формулировку ст. 718 ГК РФ. Стоит обратить внимание, что по ст. 718 ГК РФ содействие необходимо в выполнении работы, то есть процессе реализации обязанностей подрядчика по договору, в то время как общая в том числе по отношению к подряду ст. 307 ГК РФ содержит обязанность содействовать в достижении цели обязательства – применительно к подряду это приемка результата работы.

Верховный суд РФ также подчеркнул [4], что в договоре должны быть согласованы конкретные случаи, при наступлении которых кредитор должен оказать содействие, и конкретные действия. Отменяя решения судов нижестоящей инстанции, ВС РФ указал, что отсутствие содействия на момент разрешения иска о расторжении государственного контракта под действие ст. 307, 718 ГК РФ не попадает.

Из практики арбитражных судов РФ можно сделать вывод о том, что наиболее распространенный способ неоказания содействия – непредоставление, неполное или несвоевременное предоставление информации по договору, хотя в отдельных судебных актах можно найти и обязанность выполнить действия, которые договором на заказчика не возложены (например, когда в нарушение до-

говорного условия подрядчик не составил календарный план работ, суд посчитал, что заказчик, выполняя обязанности по содействию, действуя разумно и добросовестно, должен был направить свои предложения, определить приоритетный порядок) [5]. Следует отметить, что обязанность предоставлять друг другу необходимую информацию также с 2015 г. установлена ст. 307 ГК РФ.

Так, отказывая в удовлетворении требований заказчика, основанных на просрочке выполнения работ подрядчиком, Арбитражный суд Северо-Западного округа сослался на факт предоставления заказчиком недостоверных (неполных) сведения об объеме и характере требуемых работ, а также недостаточном содействии в исполнении контракта – не было предоставлено необходимое количество рабочих мест и оборудования [6]. Недостаточным содействием признавалось также непринятие мер по своевременному уведомлению подрядчика о наличии препятствий, вызвавших невозможность выполнения работ на объекте [7] и неустранение таких препятствий [3], непредставление всей требуемой для выполнения предварительных работ информации и немотивированное уклонение от ее представления [8], проведение экспертизы выполненной работы без участия подрядчика [3]. Неоказанием содействия также посчитали четыре последовательных отказа в согласовании изменений к договору, каждый из которых содержал новое замечание по ранее предоставленной документации [3]. Отсутствие контроля за ведением работ и ненаправление в разумный срок соответствующих претензий также могут быть расценены как неоказание содействия [9].

Аналогичный пример можно найти в решении Арбитражного суда г. Москвы: подрядчик направил заказчику на утверждение проект ГПЗУ – утвержден он был спустя год. За этот период в марте подрядчик запросил исходные данные, в апреле получил дополнительные требования, в июне представил проект, в мае из-за отсутствия ответа направил его повторно, в июле в качестве комментария получил дополнительные требования. В августе подрядчик повторяет запрос актуальных данных и требований, в августе направляет проект. После оперативно полученных замечаний в октябре передает откорректированный проект, который утверждается только в январе. Суд указал, что просрочка заказчиком в общей сложности составила 1528 дней, что является неисполнением встречных обязательств и лишает права требовать от подрядчика убытков за невыполнение работы подрядчиком в установленный договором срок [10].

Вопрос согласования документов с третьими лицами, получения от них дополнительной информации в подрядных отношениях стоит особенно остро. В связи с бездействием заказчика подрядчик самостоятельно направил проект третьему лицу, а заказчику направил выставленный ему счет (договор прямо предусматривал обязанность заказчика оплатить согласование). Когда этого не произошло, подрядчик передал работы в том объеме, в котором этому способствовал заказчик [11]. В другом деле в связи с существенным изменением технологии производства работ подрядчик самостоятельно, в отсутствие содействия со стороны заказчика, разработал новый проект, и, хотя срок выполнения работ не был соблюден, такие действия подрядчика суд расценил как добросовестное отношение подрядчика как участника гражданского оборота к исполнению своих обязательств [12]. В другом деле после получения части исходных данных и аванса подрядчик приступил к исполнению договора. По условиям подряда заказчик обязан был получить и предоставить подрядчику сертификат соответствия. Чтобы ускорить получение сертификата, подрядчик самостоятельно связался с изготовителем оборудования, после чего уведомил заказчика, что изготовитель приступил к процедуре оформления сертификата. Заказчик не ответил на данное уведомление, а после истечения предусмотренного срока выполнения работ (который не был соблюден в силу просрочки изготовителем выдачи сертификата) в одностороннем порядке отказался от договора. Суд указал, что заказчик своевременно не заявил об отказе от дальнейшего исполнения договора, не изменил указаний о способе выполнения работы, не информировал подрядчика о своей незаинтересованности в результате работ к определенному сроку и утрате интереса после его истечения, не выступил с предложением внести соответствующие изменения в договор, в связи с чем не вправе в одностороннем порядке отказаться от договора и требовать взыскания неустойки [13].

При неисполнении заказчиком обязанности оказывать содействие в соответствии со ст. 718 ГК РФ подрядчик вправе требовать либо возмещения убытков, либо перенесения сроков работы, либо увеличения цены работы. А.В. Никитин классифицирует содействие на необходимое и факультативное, и в зависимости от вида дифференцирует ответственность: при факультативном содействии достаточно общих способов защиты (как правило речь идет о возмещении убытков), при необходимом следует применять специальные способы защиты, например, право на односторонний отказ от договора [1].

Однако на практике факт неоказания содействия устанавливается скорее как основание для освобождения подрядчика от ответственности за просрочку исполнения, нежели чем для возложения определенных негативных санкций на заказчика. Суды применяют ст. 404 ГК РФ об уменьшении ответственности должника при наличии вины кредитора [5] и отказывают истцам-заказчикам в удовлетворении требований о взыскании неустойки.

Литература

1. Никитин А.В. Договор подряда в гражданском праве Российской Федерации. – Екатеринбург, 2013. – С. 213.

2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ.
3. Решение Арбитражного суда Свердловской области от 30.12.2019 по делу № А60-21747/2019.
4. Определение Верховного суда от 28 ноября 2016 г. по делу № 305-ЭС15-11623.
5. Решение Арбитражного суда Республики Татарстан от 24.12.2019 по делу № А65-10045/2019.
6. Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 20 апреля 2018 г. по делу № А56–29878/2017.
7. Определение ВАС РФ от 20 декабря 2011 г. по делу № ВАС-16565/11.
8. Определение ВАС РФ от 15 октября 2012 г. по делу № ВАС-10609/12.
9. Решение Арбитражного суда Ставропольского края от 24.12.2019 по делу № А63-18892/2019.
10. Решение Арбитражного суда г. Москвы от 27.12.2019 по делу № А40-109579/2019.
11. Решение Арбитражного суда г. Москвы от 26.12.2019 по делу № А40-219983/2018.
12. Решение Арбитражного суда г. Санкт-Петербурга и Ленинградской области от 27.12.2019 по делу № 56-103646/2018.
13. Решение Арбитражного суда Томской области от 24.12.2019 по делу № А67-8121/2019.

ABOUT THE CO-OPERATION OF THE PARTIES UNDER THE WORK AGREEMENT

Novikova O.V.
Russian State University of Justice

Relations under Work Agreement have complicated character and are closely connected to timely and full activity by the parties under the agreement, so they cause many litigations. One of the factors affecting the consideration of a case is the assistance by the customer. This article analyzes, by the examples of arbitrage practices, the most common ways of assistance and explores the responsibility for customer`s failure to assist, including specific ways which are not regulated by the agreement. The findings are practically applicable by corporate lawyers and can be used in legal researches to disclose general criteria of evaluation of customer`s behavior under Art. 307 and 718 of the Civil Code of the Russian Federation

Keywords: obligation, Work Agreement, co-operation of parties, customer assistance, good faith, delay of obligation, responsibility.

References

1. Nikitin A.V. The contract in the civil law of the Russian Federation. – Yekaterinburg, 2013. – P. 213.
2. Civil Code of the Russian Federation (Part One) dated November 30, 1994. – No. 51-FZ.
3. The decision of the Arbitration Court of the Sverdlovsk Region dated 12.30.2019 in case No. A60-21747/2019.
4. The determination of the Supreme Court of November 28, 2016 in case No. 305-ES15-11623.
5. Decision of the Arbitration Court of the Republic of Tatarstan dated 12.24.2019 in case No. A65-10045/2019.
6. Resolution of the Arbitration Court of the North-Western District of April 20, 2018 in case No. A56-29878/2017.
7. The determination of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation of December 20, 2011 in the case No. VAS-16565/11.
8. The determination of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation of October 15, 2012 in case No. VAS-10609/12.
9. Decision of the Arbitration Court of the Stavropol Territory dated 12.24.2019 in case No. A63-18892/2019.
10. Decision of the Moscow Arbitration Court of December 27, 2019 in case No. A40-109579/2019.
11. The decision of the Moscow Arbitration Court of December 26, 2019 in case No. A40-219983/2018.
12. The decision of the Arbitration Court of St. Petersburg and the Leningrad Region dated 12.27.2019 in case No. 56–103646/2018.
13. Decision of the Arbitration Court of the Tomsk Region dated 12.24.2019 in the case No. A67-8121/2019.

Брачный договор. Сравнительно-правовой анализ законодательства России и законодательства США и Австралии

Парин Дмитрий Витальевич,
студент Юридической школы, Дальневосточный федеральный университет
E-mail: fafka32@gmail.com

Чекулаев Сергей Сергеевич,
ассистент кафедры гражданского права и процесса Юридической школы, Дальневосточный федеральный университет
E-mail: Chekylaev@mail.ru

В статье анализируются современные проблемы правового регулирования брачных договорных отношений в российском семейном законодательстве. Проводится сравнительно – правовой анализ законодательства РФ с законодательством США и Австралии в сфере брачных договоров. В результате исследования делается вывод о необходимости совершенствования семейного законодательства в сфере брачных договорных отношений с целью стабилизации общественных отношений, связанных с этим институтом семейного права.

Ключевые слова: семейное право России, семейное право США, семейное право Австралии, брачный договор, Семейный кодекс РФ, соглашения супругов.

Институт брачного договора в отечественном законодательстве появился довольно давно. Первое его появление можно отнести к 1994 году, когда была принята первая часть Гражданского кодекса РФ. Дальнейшее свое развитие договорной режим имущества супругов получил уже в семейном законодательстве РФ, ему посвящена глава 8. Однако несмотря на тот факт, что институту брачного договора в российской законодательной системе уже около двадцати пяти лет, его эффективность как института существенно ограничена.

В соответствии со статьей 40 Семейного кодекса РФ «брачным договором признается соглашение лиц, вступающих в брак, или соглашение супругов, определяющее имущественные права и обязанности супругов в браке и (или) в случае его расторжения». Говоря о правовой природе этого соглашения, следует упомянуть Определение Верховного Суда РФ от 20.01.2015 N5-КГ14–144. Согласно этому определению, брачный договор является разновидностью двусторонней сделки, имеющей свою специфику, обусловленную основными началами (принципами) семейного законодательства. Одной из специфической особенностей брачного договора, как двухсторонней сделки, является его субъектный состав, в который входят супруги, а также лица, только вступающие в брак.

Дефиниции «лиц, вступающих в брак» нет ни в семейном, ни в гражданском законодательстве РФ, что создает проблему определения субъектного состава рассматриваемой сделки. В современной учебной литературе сложилось несколько подходов к этой неурегулированной законодателем категории лиц. Во – первых, под ними можно понимать лиц, желающих вступить в брак, не оформивших свое желание в виде заявления, поданного в органы ЗАГСа для дальнейшей его регистрации. Во – вторых, под «лицами, вступающих в брак» можно подразумевать лишь тех, кто уже подал заявление для регистрации брака, однако брак еще не заключил.

Для решения проблемы неопределенности этой категории лиц Антроповой И.Р. и другими авторами предлагается конкретизация в законе понятия «лица, вступающего в брак»[1]. Эта позиция, по мнению автора, представляется спорной. С одной стороны, четкой регламентации определения «лиц, вступающих в брак» не требуется ввиду то-

[1] Антропова И.Р. К вопросу о правовой природе брачного договора в современном семейном праве России / И.Р. Антропова // Вестник Удмуртского университета. Серия «Экономика и право». – 2013. – № 2. – С. 113–118.

го, что, во – первых, принцип свободы договора, закрепленный в законодательстве Российской Федерации, подразумевает, что любые дееспособные граждане вправе договариваться между собой, указывая, при желании, в договоре свои намерения и соответствующие обязательства. Во – вторых, законодатель, некоторым образом, уже решил проблему субъектов брачного договора. Так брачный договор будет порождать правовые последствия лишь после официального заключения брака, что подразумевает под собой тот факт, в соответствии с которым брачный договор могут заключить любые дееспособные лица, но взаимные права и обязанности такая сделка будет порождать после юридического факта в виде официальной регистрации брака в органах ЗАГСа, а соответственно на «лиц, вступающих в брак» брачный договор свое действие распространять не будет до тех пор, пока официально не будет заключен брак.

С другой стороны, возникает вопрос о том, могут ли лица, не достигшие восемнадцатилетнего возраста, заключить брачный договор. В соответствии с действующим законодательством при наличии уважительных причин таких, как беременности, рождении общего ребенка, непосредственной угрозы жизни одной из сторон, призыв жениха на службу в Вооруженные Силы РФ, лица, достигшие возраста шестнадцати лет, могут обратиться в органы ЗАГСа для регистрации брака. Также субъектами Российской Федерации могут быть установлены порядок и условия заключения брака между лицами, не достигшими возраста шестнадцати лет. Не возникает никаких сомнений, что лица, не достигшие совершеннолетия и уже вступившие в брак, имеют право заключить брачный договор, так как они приобретают абсолютно все права и обязанности, которые принадлежат совершеннолетним супругам. Однако имеют ли такое право лица, не достигшие совершеннолетия и еще не заключившие брак, но желающие его заключить. Исходя из буквального толкования статьи 40 Семейного кодекса РФ, такие лица имеют право заключить брачный договор до официальной регистрации брака, так как по своей сути будут относиться к категории «вступающих в брак». Однако в соответствии со статьей 26 Гражданского кодекса РФ несовершеннолетние в возрасте от четырнадцати до восемнадцати лет совершают сделки с письменного согласия своих родителей, усыновителей или попечителей. Так как брачный договор является сделкой, то на его заключение должно быть дано согласие законных представителей в том случае, если его сторонами являются лица, не достигшие совершеннолетия. Данные положения семейного и гражданского законодательства создают определенную правовую коллизию, которую, по нашему мнению, необходимо решить на законодательном уровне, либо строго определив круг лиц, которые имеют право заключить брачный договор, в семейном законодательстве, либо дополнив пункт 2 статьи 28 Гражданского кодекса РФ, а именно законодательно закрепить право несовершеннолетних в возрасте от четырнадцати до восемнадцати лет заключать брачный договор самостоятельно, без согласия родителей.

В связи с представленным выше, можно утверждать о существовании необходимости закрепления четкого понятия «лиц, вступающих в брак» для устранения возникающих вопросов, связанных с субъектами брачного договора.

Интересным представляется опыт США в сфере брачного договора на примере штата Калифорния. Следует сказать, что привычное для гражданина РФ понятие «брачного договора» в законодательстве Калифорнии не закреплено. Вместо этого семейное законодательство закрепляет понятие добрачного соглашения (premarital agreement) и брачного (послебрачного) соглашения (prenuptial agreement). Таким образом само понятие «брачного договора» в законодательстве РФ и США различаются. По своей сути брачный договор в соответствии с Семейным кодексом РФ включает в себя понятие как добрачного соглашения, заключенное лицами до регистрации брака, так и брачного (послебрачного) соглашения, заключенное между супругами в период брака. Субъектный состав последнего ясен – лица, состоящие в браке (супруги). Отличием от семейного законодательства РФ является тот факт, в соответствии с которым на территории штата Калифорния брак могу заключать лица одного пола, а соответственно могут заключить и брачное (послебрачное) соглашение, что на территории РФ невозможно. В субъектный состав добрачного соглашения входят «потенциальные супруги», то есть лица, вступающие в брак желающие заключить данное соглашение. Также законодательство Калифорнии четко регламентирует вопрос о возможности заключения добрачного соглашения между несовершеннолетними. Так несовершеннолетние лица могут заключить добрачное соглашение, в случае если они являются эмансипированными и вступают в брак на той территории, которая «одобряет», легализует его с законной стороны, или имеют право вступить в брак в связи с получением разрешения, выдаваемого судом, на заключение брака, а также согласия одного из родителей, а в случае отсутствия родителей или лиц их заменяющих, требуется только разрешение, выдаваемое судом, на вступление в брак.

Несколько иной подход к институту договорных отношений существует в Австралии. Так «брачное соглашение», именуемое financial agreement, может быть заключено до заключения брака, во время брака, после расторжения брака в течение двенадцати месяцев, что значительно расширяет субъектный состав лиц, имеющих право заключать «брачные контракты». Так financial agreement могут заключать лица, планирующие вступить в брак, лица, состоящие в браке, а также лица, чей брак был расторгнут. Австралийские брачные соглашения регулируют имущественные и финансовые вопросы, возникающие между супругами

или «потенциальными супругами» во время брака, а также вопросы о распоряжении имуществом, которое было приобретено во время брака, который был расторгнут. Также financial agreement может содержать в себе положения о содержании любого из супругов другим супругом как во время брака, так и после его расторжения. Следует также отметить то, что ввиду легализации однополых браков financial agreement могут быть заключены и между лицами одного пола.

Также интересным представляется тот факт, в соответствии с которым законодательство Австралии помимо официальных брачных отношений предусматривает и de facto relationship1. В связи с этим право заключения financial agreement предоставляется лицам, которые состоят в «отношениях сожительства», собираются состоять в них, а также лицам, чьи de facto relationship были «расторгнуты». К категории лиц, чьи отношения можно признать de facto relationship, относятся: не состоящие в официальном браке, не связанные семейными узами, а также отвечающие таким требования законодательства, как длительность отношений, общее проживание, существование постоянной сексуальной связи, наличие общей собственности и финансовой поддержки друг друга, забота об общих детях. Такие брачные соглашения регулируют вопрос о распределении имущества между лицами, состоящими в «отношениях сожительства», после заключения соглашения во время сожительства, а также после его распада. Также такое соглашение может включать в себя положение о содержании и финансовой поддержки любой из сторон, заключившей financial agreement, другой стороной соглашения.

Другой проблемой брачного договора в Российской Федерации является его содержание. В соответствии со статьей 42 супруги имеют права регулировать брачным договором лишь имущественные отношения, личные неимущественные отношения, возникающие между супругами, брачные договор регулировать не должен. Однако практика заключения брачных договоров и разрешения судебных споров, связанных с этим институтом семейного права, в некоторой степени говорит об обратном. Зачастую заключаемые брачные договора содержат в себе пункт, который связан с ненадлежащим поведением одного из супругов или рождением ребенка. В случае строгого следования букве закона такие положения в брачный договор включаться не должны ввиду того, что они регулируют личные неимущественные отношения супругов, а в случае их включения брачный договор должен признаваться недействительным[2], однако они включаются. По нашему мнению, существование такого положения объясняется наличием в гражданском законодательстве, которое распространяется и на институт брачного договора, так называемых отлагательных и отменительных условий, то есть событий, в отношении которых заранее неизвестно наступят они или нет, в которые могут быть включены, в частности, ненадлежащие поведение супругов (измена) или рождение ребенка. И такие условия являются допустимыми ввиду того, что соотвествуют всем необходимым признакам, а именно они имеют неопределённый характер, условие относится к будущему, произвольность установления, то есть в качестве условий могут выступать любые жизненные обстоятельства, которые не противоречат закону. Практика показывает, что от таких, в большинстве случаев, условий зависит имущественное положение одного из супругов, что, как на теоретическом, так и на практическом уровнях дают возможность обойти закон и включить в брачный договор положения, касающиеся личных неимущественных отношений между супругами.

В отличие от семейного законодательства РФ, где лишь в общих чертах обозначаются отношения, которые могут быть урегулированы брачным договором, законодательство штата Калифорния дает четкий перечень того, что может быть включено в добрачное и брачное (послебрачное) соглашения. В данный список включены: право покупать, продавать, использовать, передавать, обменивать, сдавать в аренду, потреблять, расходовать, закладывать, распоряжаться или иным образом управлять имуществом, право распоряжения имуществом в случаях раздельного проживания супругов, смерти одного из супругов, наступления или не наступления какого-либо события, положения, касающиеся составления завещания, доверенности, положения, касающиеся выбора права, регулирующего заключения соглашения. Отличительной особенностью договорных отношений на территории США является тот факт, в соответствии с которым на законодательном уровне закреплена возможность регулирования личных прав и обязанностей супругов или «потенциальных супругов». Однако такая возможность предусмотрена лишь в том случае, когда регулирование личных прав и обязанностей супругов не нарушает основ государственной политики, публичного управления, а также законодательства, предусматривающего наложения уголовного наказания.

Несколько иной подход к содержанию брачного договора наблюдается в Австралии. Так financial agreement содержит лишь имущественные и финансовые вопросы, возникающие между супругами или «потенциальными супругами», а также лицами, состоящими в de facto relationship или собирающимися в них состоять, включения в содержание соглашения вопросов, касающихся личных прав и обязанностей недопустимо. Следует также отметить то, что в соответствии с законодательством Австралии «брачное соглашение» может быть заключено лишь по тем имущественным и финансовым вопросам, которые являются не урегулированными иными брачными соглашениями. Данное положение обусловлено тем фак-

[1] Наиболее близким понятием к категории «de facto relationship» является сожительство.

[2] Семейный кодекс Российской Федерации. от 29.12.1995 в редакции от 01.06.2019. Москва: Проспект, 2019. – С. 34.

том, что financial agreement может быть заключено после расторжения брака. По сути, законодательство Австралии разрешает гражданам состоять одновременно в двух «брачных контрактах», одним из которых будет являться соглашение, заключенное в течение двенадцати месяцев после расторжения «старого» брака, вторым из которых будет являться соглашение, заключенное уже в «новом» браке.

Сравнительно – правовой анализ семейного законодательство России, США и Австралии позволяет сделать вывод, что российское законодательство в сфере регулирования договорных отношений между супругами нуждается в усовершенствовании ввиду существования определенных пробелов в правовом регулировании этой сферы, что порождает последующие проблемы правоприменения. Выходом из такой ситуации, по нашему мнению, является дальнейшая детальная регламентация каждого элемента брачного договора на законодательном уровне с учетом правоприменительной практики, что приведет к устранению существующих пробелов в сфере правового регулирования, что в свою очередь приведет к стабилизации общественных отношений, связанных с брачным договором, как институтом семейного права.

Литература

1. Гражданский кодекс Российской Федерации, часть первая от 01.01.1995 в редакции от 01.10.2019 года. Москва: Проспект, 2019.– 704 с.
2. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 в редакции от 01.06.2019. Москва: Проспект, 2019.– 96 с.
3. California Statutes. The official website of the California Legislature. [Электронный ресурс]. URL: leginfo.legislature.ca.gov/faces/codes_displayexpandedbranch.xhtml?tocCode=FAM&division=4.&title=&part=&chapter=&article=
4. Australian Government. The official website of the Australian Government. [Электронный ресурс]. URL: https://www.legislation.gov.au/Details/C2016C01106
5. Антропова И.Р. К вопросу о правовой природе брачного договора в современном семейном праве России / И.Р. Антропова // Вестник Удмуртского университета. Серия «Экономика и право».– 2013.– № 2. – С. 113–118.

MARRIAGE CONTRACT. COMPARATIVE LEGAL ANALYSIS OF THE LEGISLATION OF RUSSIA AND THE LEGISLATION OF THE USA AND AUSTRALIA

Parin D.V., Chekulaev S.S.
Far Eastern Federal University

The article analyzes the modern problems of legal regulation of marriage contractual relations in the Russian family legislation. The comparative legal analysis of the legislation of the Russian Federation with the legislation of the USA and Australia in the field of marriage contracts is carried out. The study concludes that it is necessary to improve family legislation in the field of marriage contract relations in order to stabilize social relations associated with this institution of family law.

Keywords: family law of Russia, family law of the USA, family law of Australia, marriage contract, Family code of the Russian Federation, agreements of spouses.

References

1. The Civil Code of the Russian Federation, part one dated 01.01.1995 as amended on 01.10.2019. Moscow: Prospect, 2019. – 704 p.
2. The Family Code of the Russian Federation dated December 29, 1995 as amended on June 1, 2019. Moscow: Prospect, 2019. – 96 p.
3. California Statutes. The official website of the California Legislature. [Electronic resource]. URL: leginfo.legislature.ca.gov/faces/codes_displayexpandedbranch.xhtml?tocCode=FAM&division=4.&title=&part=&chapter=&article= Australian Government. The official website of the Australian Government. [Electronic resource]. URL: https://www.legislation.gov.au/Details/C2016C01106
4. Antropova I.R. To the question of the legal nature of the marriage contract in modern family law of Russia / I.R. Antropova // Bulletin of the Udmurt University. Series “Economics and Law”. – 2013. – No. 2. – P. 113–118.

Вопросы ответственности наследников по долгам наследодателя при заключении последним договора страхования жизни и здоровья

Федякова Наталья Александровна,
кандидат юридических наук, кафедра гражданского права, Средне-Волжский институт (филиал) ВГУЮ (РПА Минюста России)
E-mail: n.fedyakova@mail.ru

Косынкин Александр Александрович,
кандидат юридических наук, кафедра гражданского права, Средне-Волжский институт (филиал) ВГУЮ (РПА Минюста России)
E-mail: kosynkinaa@yandex.ru

Ефремов Евгений Николаевич,
кандидат исторических наук, кафедра гражданского права, Средне-Волжский институт (филиал) ВГУЮ (РПА Минюста России),
E-mail: een.pravo@gmail.com

При наследовании имущество умершего переходит к другим лицам в порядке универсального правопреемства, то есть в неизменном виде как единое целое и в один и тот же момент, если из правил ГК РФ не следует иное. При этом в состав наследства входят как имущество и имущественные права наследодателя, так его обязательства. Исключение составляют права и обязанности, которые неразрывно связаны с личностью наследодателя. В статье исследуется правовое положение наследников и наследственного имущества при наследовании долгов, а также вопросы реализации и обеспечения прав кредиторов. Автором анализируются материалы судебной практики по делам данной категории.

Ключевые слова. Наследник, долг, договор страхования, кредитный договор, заемщик, страховой случай, страховое возмещение.

При наследовании имущество умершего переходит к другим лицам в порядке универсального правопреемства. Универсальное правопреемство в порядке наследования означает, что наследники получают не только принадлежащие на день открытия наследства наследодателю денежные средства, имущество, ценные бумаги, иные допустимые объекты гражданских прав, но и определенные обязательства. Помимо вещей и иного имущества в состав наследства входят и имущественные права и обязанности наследодателя (ст. 1112 ГК РФ), исключение составляют права и обязанности, которые неразрывно связаны с личностью наследодателя, в частности право на алименты, право на возмещение вреда, причиненного жизни или здоровью гражданина, а также права и обязанности, переход которых в порядке наследования не допускается ГК РФ или другими законами.

ГК РФ не содержит понятия «долг», однако соответствующий пробел восполнен судебной практикой. Согласно пункту 58 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29 мая 2012 г. № 9 «О судебной практике по делам о наследовании» под долгами наследодателя, по которым отвечают наследники, понимаются все обязательства, имевшиеся у наследодателя к моменту открытия наследства, не прекращающиеся смертью должника, независимо от наступления срока их исполнения и от времени их выявления, а также осведомленности о них наследников при принятии наследства [1].

Согласно ст. 819 ГК РФ по кредитному договору банк или иная кредитная организация (кредитор) обязуются предоставить денежные средства (кредит) заемщику в размере и на условиях, предусмотренных договором, а заемщик обязуется возвратить полученную денежную сумму и уплатить проценты на нее [2].

В ст. 934 ГК РФ определено, что по договору личного страхования одна сторона (страховщик) обязуется за обусловленную договором плату (страховую премию), уплачиваемую другой стороной (страхователем), выплатить единовременно или выплачивать периодически обусловленную договором сумму (страховую сумму) в случае причинения вреда жизни или здоровью самого страхователя или другого названного в договоре гражданина (застрахованного лица), достижения им определенного возраста или наступления в его жизни иного предусмотренного договором события (страхового случая). Право на получение страховой суммы принадлежит лицу, в пользу которого заключен договор [2].

Страхование при заключении кредитного договора оформляется для защиты заемщика и банка от риска непредвиденных ситуаций, которые могут повлиять на выплату кредита. Страховой случай по кредиту – именно такая ситуация, предусмотренная договором, когда страховая компания берет на себя обязательства по выплате долга.

Мы не будем останавливаться на вариантах страховки (полная – заемщик платит взнос, по которому компания обязуется погасить оговоренную сумму при наступлении страхового события; франшиза – при которой компания освобождает себя от возмещения некоторого размера убытков на сумму франшизы, компенсируя остаток); страховых случаях, поскольку они в каждом случае индивидуальны.

Согласно принятой в большинстве банков процедуре, если клиент банка одновременно с оформлением кредитного договора заключил договор страхования (выгодоприобретатель – банк) и после этого наступил случай, который может быть отнесен к страховому, сотрудник банка по телефону информирует страховую компанию и сообщает необходимые данные.

Причем указано, что для сотрудника банка обращение в страховую компанию с комплектом документов, подтверждающих наступление страхового случая, является обязательным с целью урегулирования возникшей ситуации.

Показательным в данном случае является апелляционное определение Верховного суда Республики Мордовия от 06 марта 2019 г. по делу 33–427/2019 [3] в котором указывается, что по смыслу норм ГК РФ и Закона РФ от 27.11.1992 г. № 4015–1 «Об организации страхового дела в Российской Федерации», наследник заемщика, к которому по наследству перешли имущественные обязанности и имущественные права наследодателя, при наличии страхования риска невозврата сумм по кредитному договору, по причине смерти заемщика, вправе рассчитывать на погашение суммы задолженности по кредитному договору за счет страхового возмещения.

С учетом изложенного, судебная коллегия считает, что при наличии заключенного заемщиком договора страхования в обеспечение исполнения обязательства по кредитному договору, отсутствия доказательств, свидетельствующих об отказе страховой компании в выплате страхового возмещения, в требованиях банка о взыскании задолженности с наследника в порядке ст. 1175 ГК РФ судом отказано правомерно.

Взыскание задолженности по кредитному договору с наследника заемщика в том положении дела, когда вопрос о признании страхового события страховым случаем страховой компанией не разрешен, приведет к нарушению его прав.

Доводы апелляционной жалобы представителя истца, что банк, как кредитная организация, не располагает документами, необходимыми страховой компании для выплаты страхового возмещения и данные документы могут быть получены только родственниками умершего лица, были отклонены, поскольку обязанность по предоставлению таких документов по условиям договора страхования возложена на страхователя и материалы дела не содержат доказательств того, что банк обращался к наследникам заемщика с целью привлечения последних к сбору необходимых для получения страховой выплаты документов.

В этой связи, по мнению судебной коллегии, не свидетельствуют о незаконности судебного решения и доводы жалобы о том, что поскольку страховой компанией запрос о предоставлении перечня документов направлен не только банку, но и по адресу регистрации ответчика, который запрос проигнорировал и не собрал необходимый пакет документов, что свидетельствует о его незаинтересованности в разрешении данного вопроса.

Таким образом, именно банк как выгодоприобретатель должен обратиться с соответствующим пакетом документов в страховую компанию с целью выплаты в его пользу страхового возмещения. И только, если страховая компания откажется выплатить страховое возмещение по обстоятельствам, освобождающим страховщика от производства выплаты, уже определять круг наследников умершего заемщика и предпринимать меры по взысканию с последних денежных средств, выданных банком заемщику и процентов на эту сумму.

На практике страховщики стараются максимально оттянуть выплату или избежать ее вовсе, пытаясь подвести случай под исключения из перечня страховых. Как правило, договором страхования предусматривается достаточно большое количество исключений из страхового покрытия, т.е. страховщики расширяют круг событий, не являющихся страховыми случаями.

Можно предполагать, что основной причиной, по которой страховая пытается избежать выплаты – это нежелание терпеть убытки. Как правило, для этого специалисты страховой компании будут изыскивать нюансы в договоре, недочеты в документах, пытаясь доказать, что случай – не страховой и оплате не подлежит. Так, поводами могут быть:

долгая и тяжелая болезнь, приведшая к смерти больного, при этом фирмы пытаются доказать, что у заемщика на момент заключения договора заболевание уже было, но он не уведомил об этом;

рак, онкология часто напрямую исключаются из страховых случаев;

неустановленная причина смерти, дающая страховой компании возможность указать на необоснованность выплаты;

превышение установленного договором срока подачи обращения на выплату (наследники по какой-то причине не подали заявление вовремя).

Если необходимый пакет документов собран, заявление подано, но от страховой компании приходит отказ, то в таком случае наследникам можно (и нужно) писать претензию в адрес страховой

компании, с требованием выплаты страхового возмещения.

Аналогичный шаг следует предпринять и в случае, если страховая компания требует помимо уже собранного пакета документов, представить документы, которые не указаны в договоре страхования. Чаще всего исходом претензии оказывается отказ или молчание страховой компании. В таком случае следующий этап – обращение гражданина в суд, с исковыми требованиями о взыскание страхового возмещения в пользу банка, а также взыскания штрафа и денежной компенсации морального вреда.

Данная позиция подтверждается судебной практикой. Так, согласно пункту 3 Обзора практики рассмотрения судами споров, возникающих из отношений по добровольному личному страхованию, связанному с предоставлением потребительского кредита, утв. Президиумом Верховного Суда РФ 05.06.2019 [4] к наследникам переходит право требования исполнения договора добровольного личного страхования, заключенного наследодателем, а, следовательно, на отношения между наследниками и страховщиком распространяются положения Закона РФ от 07.02.1992 г. № 2300-1 «О защите прав потребителей», в том числе и в части взыскания штрафа и денежной компенсации морального вреда (п. 6 ст. 13 и ст. 15). В ситуации, когда страховая компания не предприняла действий по выплате банку как выгодоприобретателю страхового возмещения, а банк как выгодоприобретатель за выплатой страхового возмещения в суд не обращался, наследник вправе обратиться в суд с иском о понуждении страховой компании выплатить страховое возмещение в пользу банка как выгодоприобретателя, а также вправе требовать выплаты в свою пользу штрафа и компенсации морального вреда за несвоевременное исполнение обязанности по выплате страхового возмещения.

Литература

1. О судебной практике по делам о наследовании: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29 мая 2012 г. № 9 // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – 2012.– № 7.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть вторая: Федеральный закон от 26.01.1996 г. № 14-ФЗ // СЗ РФ. – 1996.– № 5. – Ст. 410.
3. Определение Верховного суда Республики Мордовия от 06.03.2019 г. по делу 33–427/2019 // Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».
4. Обзор практики рассмотрения судами споров, возникающих из отношений по добровольному личному страхованию, связанному с предоставлением потребительского кредита, утв. Президиумом Верховного Суда РФ 05.06.2019 г. // Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».

QUESTIONS OF RESPONSIBILITY OF HEIRS ON DEBTS OF TESTATORS AT THE CONCLUSION OF THE LAST CONTRACT OF LIFE AND HEALTH INSURANCE

Fedyakova N.A., Kosynkin A.A., Efremov E.N.
RPA of the Ministry of Justice of Russia

In case of inheritance, the property of the deceased passes to other persons in the order of universal succession, that is, unchanged as a whole and at the same time, unless otherwise follows from the rules of the civil code of the Russian Federation. In this case, the inheritance includes both the property and property rights of the testator, and his obligations. The exception is the rights and obligations that are inextricably linked to the personality of the testator. The article examines the legal status of heirs and hereditary property in the inheritance of debts, as well as issues of implementation and enforcement of creditors ' rights. The author analyzes the materials of judicial practice in cases of this category.

Keyword: heir, debt, insurance contract, loan agreement, borrower, insurance event, insurance indemnity.

References

1. On judicial practice in cases of succession: Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of May 29, 2012 No. 9 // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. – 2012. – No. 7.
2. Civil Code of the Russian Federation. Part Two: Federal Law of January 26, 1996 No. 14-FZ // SZ RF. – 1996. – No. 5. – Art. 410.
3. The determination of the Supreme Court of the Republic of Mordovia of March 6, 2019 in the case of 33–427 / 2019 // Access from the reference legal system “Consultant Plus”.
4. Review of the practice of court consideration of disputes arising from relations on voluntary personal insurance related to the provision of consumer credit, approved. Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation 06.06.2019 // Access from the reference legal system “Consultant Plus”.

К вопросу о государственной поддержке предпринимательской деятельности в природоохранных зонах на примере туристской отрасли

Ключникова Ярославна Анатольевна,
кандидат юридических наук, доцент, доцент Департамента правового регулирования экономической деятельности, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации (Финансовый университет)
E-mail: YAKlyuchnikova@fa.ru

Венгеровский Евгений Леонидович,
кандидат юридических наук, преподаватель Департамента правового регулирования экономической деятельности, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации (Финансовый университет),
E-mail: ELVengerovskij@fa.ru

Защита и охрана окружающей среды являются приоритетным направлением социально-экономического развития, при этом экологические нормы должны отвечать требованиям регионов, которые связаны с развитием предпринимательской деятельности и обеспечиваем рабочими местами. Задачами государственного регулирования является обеспечение условий, при которых субъекты предпринимательской деятельности будут заинтересованы осуществлять свою деятельность с учетом соблюдения экологических норм и правил, причем, извлекая прибыль, а не неся убытки.

Ключевые слова: экопредпринимательство, государственная программа, экологические нормы, туризм, предприятие.

Существует ряд законодательных ограничений, связанных с осуществлением предпринимательской деятельности в природоохранных зонах. При этом, необходимо понимать, что в таких зонах возможна деятельности только тех предприятий, которые отвечают требованиям как эколого-ориентированные. Эколого-ориентированным предприятием можно понимать такое предприятие, деятельность которого направлена на максимальное достижение определенных экологических целей в рамках всех видов деятельности этого предприятия. Критерием причисления предприятия к эколого-ориентированному должно выступать достижение конкретных экологических целей в рамках осуществления предприятием всех видов его деятельности – производственной, организационной, управленческой, плановой, логистической, маркетинговой и других видах деятельности.

Рассматривая на примере природоохранной зоны озера Байкал, эксперты отмечают, что наиболее жестко стоит проблема, образовавшаяся вследствие запрета на строительство абсолютно всех новых хозяйственных объектов и реконструкцию действующих объектов без положительного заключения (ст. 6 Федерального закона «Об охране озера Байкал» от 01 мая 1999 г. № 94-ФЗ «на Байкальской природной территории запрещается строительство новых хозяйственных объектов, реконструкция действующих хозяйственных объектов без положительного заключения государственной экологической экспертизы проектной документации таких объектов…»). Также ст. 12 установлено, что организация туризма и отдыха в центральной экологической зоне осуществляется в соответствии с правилами, обеспечивающими соблюдение предельно допустимых норм нагрузок на окружающую среду в центральной экологической зоне, однако, данный документ до сих пор не принят.

Разрешить противоречие между охраной и развитием должны были целевые программ федерального уровня, которые являются основным инструментом обеспечения сохранения Байкала и экономической деятельности в природоохранной зоне.

Действующая ФЦП «Байкал» также вряд ли станет успешной. Счетная палата России совместно с контрольными органами Иркутской области и Республики Бурятия проверила ее реализацию в 2015–2018 гг. и заявила о высоком риске её не реализации [1][1]. Сред-

Статья выполнена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (проект № 18–011–00792 А).

[1] file:///C:/Users/%D0%95%D0%B2%D0%B3%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%B9/Downloads/%D0%9A%20%D1%81%D0%BB%D1%83%D1%88%D0%B0%D0%BD%D0%B8%D1%8F%D0%BC%2024.10.2019%20-%20%D0%A2%D1%83%D1%80%D0%B8%D0%B7%D0%BC%20%D0%BF%D0%BE%20%D0%BF%D0%BE%D0%B8%D1%81%D0%BA%D1%83.pdf

ства программы периодически оставались не освоенными и в значительной мере тратились на мероприятия, не влияющие напрямую на состояние озера. Так, в разделе социально-экономические мероприятия для Иркутской области предусмотрено укрепление берегов р. Ангары, которая вытекает из Байкала и, следовательно, никак не влияет на загрязнение озера. Финансовые ресурсы и целевые индикаторы ФЦП не были между собой увязаны, достоверность установленных индикаторов не подтверждена. В 2014–2017 гг. из 17 объектов в срок были введены только пять. Вместе с тем в этой программе впервые предпринята попытка увязать природоохранные мероприятия с элементами социально-экономического развития БПТ (санация существующей хозяйственной деятельности; создание новых видов деятельности, отвечающих требованиям допустимых воздействий на среду; обеспечение устойчивого развития региональных экономик, повышение качества жизни населения региона), пусть даже блок социально-экономического развития создавался классически «по остаточному принципу». К сожалению, это далеко не единственный его недостаток. Приведем только примеры просчетов, вызванных территориально изолированным видением путей развития БПТ. Так, в качестве локомотива такого развития ФЦП рассматривает исключительно экотуризм. Запроектированы «всесезонные курорты мирового уровня» – Байкальские ворота, Байкальское созвездие, и совершенно не уделено внимания основному на сегодня виду туризма, создающему значительную экологическую нагрузку на БПТ – пляжный отдых и купание [2. С. 21].

Озеро Байкал и прилегающая к нему территория обладают уникальными рекреационными ресурсами, которые концентрируются, в первую очередь, вдоль береговой линии Байкала, имеющей протяженность около 2000 км, 70% берега недоступно с суши. Здесь размещены уникальные ландшафты, участки, пригодные для размещения стационарных и сезонных баз отдыха, в т.ч. с хорошо прогреваемой летом водой (рис. 1).

Показатель	Ед. изм.	Иркутская область			Республика Бурятия		
		2015	2016	2017	2015	2016	2017
1. Количество туристов в т.ч.	тыс. чел.	1411,5	1525,8	1597,8	990,0	1061,0	1064,15
– иностранных	тыс. чел.	128,8	156,8	211,0	30,0	371,0	63,27
– российских	тыс. чел.	1282,7	1369,0	1386,8	960,0	690,0	1000,88
2. Объём потребления услуг в т.ч.	млн руб.	4884,5	5370,6	5600,6	2327,3	2465,0	2578,97
– иностранными туристами	млн руб.	625,2	н.д.	н.д.	н.д.	900,0	-
– российскими туристами	млн руб.	4259,3	н.д.	н.д.	н.д.	1565,0	-
3. Численность занятых в сфере туризма и рекреации	тыс. чел.	5,02	5,3	5,4	3,03	5,3	3,24
4. Количество зарегистрированных турфирм	ед.	333	119	124	107	125	102
5. Основные показатели гостиниц и аналогичных средств размещения							
– номерной фонд	тыс. номеров	6,3	13,7	13,7	5,2	5,8	7
– единовременная вместимость	тыс. чел.	12,1	31,7	29,9	12,5	19,2	18,5
– коэффициент использования номерного фонда	%	24	28	26	26,7	22,7	н.д.

Рис. 1. Основные показатели состояния туристской отрасли

Таким образом, государственной задачей является корректировка норм об охране природных зон с учетом реальных экономических потребностей регионов. Соответственно, действующие экологические нормы не должны тормозить развитие регионов. «С одной стороны, необходимо сохранить памятники природы, заказники, другие особо охраняемые природные территории, а с другой стороны, объективно оценивать необходимость промышленного освоения регионов». При этом специалисты считают, что стоит в каждом конкретном случае рассматривать возможность определения необходимых к промышленному освоению земель и выводить их за рамки особо охраняемые природные территории, компенсировав это присоединением ценных в природном плане территорий большей площади» [3].

Литература

1. Библиодосье ГД file:///C:/Users/%D0%95%D0%B2%D0%B3%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%B9/Downloads/%D0%9A%20%D1%81%D0%BB%D1%83%D1%88%D0%B0%D0%BD%D0%B8%D1%8F%D0%BC%2024.10.2019%20-%20%D0%A2%D1%83%D1%80%D0%B8%D0%B7%D0%BC%20%D0%BF%D0%BE%20%D0%BF%D0%BE%D0%B8%D1%81%D0%BA%D1%83.pdf
2. Ключникова Я.А., Венгеровский Е.Л. К вопросу о правовом обеспечении экопредпринимательства в Российской Федерации // Юридическая наука. – № 6. – С. 21.
3. Интервью https://rg.ru/2019/07/10/ohraniaemye-prirodnye-territorii-ne-dolzhny-tormozit-razvitie-regionov.html

ON THE ISSUE OF STATE SUPPORT FOR ENTREPRENEURIAL ACTIVITY IN ENVIRONMENTAL ZONES BY THE EXAMPLE OF THE TOURISM INDUSTRY

Klyuchnikova Y.A., Vengerovsky E.L.

Financial University under the Government of the Russian Federation (Financial University)

The protection and protection of the environment is a priority area of socio-economic development, while environmental standards must meet the requirements of the regions, which are associated with the development of business and provide jobs. The objectives of state regulation are to ensure the conditions under which business entities will be interested in carrying out their activities in compliance with environmental standards and rules, and, making a profit, and not incurring losses.

Keywords: entrepreneurship, state program, environmental standards, tourism, enterprise.

References

1. Library of the State Duma file:///C:/Users/%D0%95%D0%B2%D0%B3%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%B9/Downloads/%D0%9A%20%D1%81%D0%BB%D1%83%D1%88%D0%B0%D0%BD%D0%B8%D1%8F%D0%BC%2024.10.2019%20-%20%D0%A2%D1%83%D1%80%D0%B8%D0%B7%D0%BC%20%D0%BF%D0%BE%20%D0%BF%D0%BE%D0%B8%D1%81%D0%BA%D1%83.pdf
2. Klyuchnikova Ya.A., Vengerovsky E.L. To the issue of legal support of environmental entrepreneurship in the Russian Federation // Jurisprudence – No. 6. – P. 21.
3. Interviews https://rg.ru/2019/07/10/ohraniaemye-prirodnye-territorii-ne-dolzhny-tormozit-razvitie-regionov.html

Правовая модель трудоустройства выпускников учебных заведений

Сайганова Любовь Николаевна,
старший преподаватель, кафедра гражданского права, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования, Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)
E-mail: lsaiganova@yandex.ru

Волостнова Татьяна Ивановна,
кандидат исторических наук, доцент, кафедра гражданского и арбитражного процесса, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования, Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)
E-mail: tiv.777@yandex.ru

В статье рассматриваются правовые модели трудоустройства выпускников учебных заведений. В работе обосновывается необходимость создания института государственного распределения специалистов по отраслям трудовой деятельности. Обозначены современные проблемы трудоустройства в сельской местности, среди которых профессиональная изолированность и низкая оплата труда. Проанализированы возможные пути преодоления негативных тенденций и создания законодательной основы по трудоустройству выпускников учебных заведений.

Ключевые слова: выпускник, гарантии, трудоустройство, работодатель, опыт, нетворкинг

Трудоустройство выпускников учебных заведений является наиболее острой проблемой рынка труда. Право на труд указанной категории потенциальных работников, как и других категорий работников, регламентируется законодательством Российской Федерации. Статья 37 [1] Конституции Российской Федерации закрепляет положение о свободе труда и выборе профессии. Данный принцип находит свое отражение и в трудовом законодательстве. В статье 3 Трудового кодекса Российской Федерации [2] указано, что каждый обладает одинаковыми возможностями для реализации своих трудовых прав. Статья 70 закрепляет право, улучшающее положение выпускников учебных заведений при устройстве на работу. Испытание при приеме на работу не устанавливается для лиц, получивших среднее профессиональное или высшее образование по имеющим государственную аккредитацию образовательным программам и впервые поступающим на работу по полученной специальности в течение одного года со дня получения образования.

Несомненно, что реализация норм законодательства защищает трудоправовое положение выпускников учебных заведений, однако при успешном поиске работы и последующем трудоустройстве наличие данных прав не позволяет эффективно вовлекать выпускников в состав экономически активного населения. В настоящее время отсутствует государственное распределение выпускников после завершения образовательных учреждений. Это дает достаточно широкие перспективы для их самореализации, поскольку они сами выбирают свой профессиональный путь [3, с. 3]. Однако, попытки формирования института государственного распределения выпускников, получивших высшее образование предпринимались различными участниками нормотворческого процесса. Так, депутатом Государственной Думы ФС РФ С. А. Вострецовым был внесен Проект Федерального закона № 442315–7 «О внесении изменений в статью 54, статью 100 Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации» от 29.12.2012 № 273-ФЗ. Согласно проекту, гражданин, поступивший на обучение по образовательным программам высшего образования за счет бюджетных ассигнований из федерального бюджета, после обучения обязан проработать по своему образованию и квалификации в государственном учреждении (федеральном государственном органе, органе государственной власти субъекта

Российской Федерации, органе местного самоуправления, государственном (муниципальном) учреждении, унитарном предприятии, государственной корпорации, государственной компании или хозяйственном обществе, в уставном капитале которого присутствует не менее 50% доли Российской Федерации, субъекта Российской Федерации или муниципального образования), не менее четырех лет, если обучение проходило по программам бакалавриата, не менее пяти лет – по программам специалитета, не менее шести лет – по программам магистратуры [4]. При этом, если выпускник не будет трудоустроен в указанные учреждения он обязан возместить сумму потраченных из бюджета на его обучение средств. В настоящее время статус законопроекта сохраняется как «внесенный в Государственную Думу».

Выпускники учебных заведений начинают свою трудовую деятельность сталкиваясь с рядом труднопреодолимых препятствий. Фундаментом проблемы их трудоустройства является минимальное количество существующих предложений либо их отсутствие. Для устранения или минимизации этого существуют различные инструмента, используемые на практике нормативного регулирования рынка труда молодых специалистов. В частности, к ним принято относить следующее:

1. Организация ярмарок вакансий. Центр занятости активно взаимодействует с потенциальными работодателями, предоставляющими сведения о наличии свободных мест. Именно такие мероприятия позволяют ознакомиться с базой данных о рабочих местах и в дальнейшем найти себе работу в ходе непосредственного общения с потенциальным работодателем.
2. Нетворкинг – установление деловых связей с целью приобретения определенных выгод в будущем. Нетворкинг (англ. от networking – букв. плетение сети: net – сеть + work – работать) социальная и профессиональная деятельность, устремленная на конструктивное и результативное решение задач с помощью содействия друзей и знакомых, на основе проверенных доверительного и долгосрочного сотрудничества с людьми и профессиональная взаимопомощь [5, с. 90–91].
3. Осуществление профессиональной профориентации на этапе получения школьного образования [6, с. 121].
4. Практика закрепления рабочих мест для молодых специалистов в отдельных организациях становится традиционной. Квоты для трудоустройства тех или иных категорий граждан частично закреплены на уровне ряда субъектов РФ (к примеру: ч. 1 ст. 3 Закона г. Москвы от 22 декабря 2004 г. № 90 «О квотировании рабочих мест» [7]). В ходе квотирования предусмотрены компенсационные выплаты за счет средств бюджета субъекта работодателям, формирующим рабочие места, предназначенные для установленной квоты отдельным категориям молодежи. Вновь принятый сотрудник для работодателя является обременением, влекущим, в том числе за собой и расходы [8, с. 160]. Подхода на основе введения квот на рабочие места придерживаются лишь единицы регионов России, хотя в большинстве субъектов существуют правовые акты, устанавливающие квоты при трудоустройстве для инвалидов и детей-сирот. На наш взгляд, следует расширить применяемые допуски квот при трудоустройстве. Если бы такая практика была принята, то еще обучаясь в вузе, студенты задумывались над приобретением наиболее высокопрофессиональных знаний. Кроме того, с целью большей привлекательности рассматриваемого вопроса для потенциального работодателя можно на региональном уровне предусмотреть налоговые льготы, так как введение квот многими работодателями рассматривается как добровольно-принудительный метод. Однако, специального закона о квотировании рабочих мест для молодых специалистов не существует, что не гарантируется получение ими рабочего места.
5. Еще одним направлением решения проблемы трудоустройства выпускников может стать возможность «практики временного найма на разовые работы», создающая реальную возможность получения необходимого опыта работы. К таким работам, по мнению А. Н. Алимовой, Е. О. Кривовой, можно отнести всевозможные рекламные акции, маркетинговые исследования, социологические выборочные опросы, деятельность в сфере политики, занятость на общественных работах и в качестве волонтеров. Считаем актуальным вспомнить о такой, часто забываемой, практике получения рекомендательных писем от работодателя (наставника), т.е. молодой специалист получает не только опыт, но и создает себе репутацию [9, с. 149].
6. Привлечение выпускников учебных заведений в сельскую местность для трудоустройства. Как показывает практика, лишь 10% молодых специалистов (до 35 лет) отправляются в сельскую местность с целью трудоустройства. Негативное воздействие на трудоустройство в сельской местности оказывают ущемленность в бытовых условиях жизнедеятельности, ограниченность полного отсутствия сервиса услуг. Вследствие этого трудиться в сельской местности считается непрестижным занятием [10, с. 9].

Необходимо отметить и другие проблемы, связанные с трудоустройством на селе: [11, с. 94]

– недостаток земельных участков, обустроенных инженерными коммуникациями достаточной мощности (не все регионы в равной степени участвуют в реализации Федеральных целевых программ по развитию инфраструктуры и центров обслуживания сельского населения);
– присутствие территориальных различий в объемах жилищного строительства, а также ввод нового жилья ниже запланированных значений;

– сельское благоустройство и комфортность в значительной степени уступает городскому;
– неудовлетворительная обеспеченность сельских жителей услугами здравоохранения;
– отсутствие средств в муниципальном бюджете на выплату «подъемных» молодым специалистам по программам к примеру: «Земский доктор», «Земский фельдшер»;
– недостаточно сформированная дорожная, инженерная, социальная инфраструктуры, элементов розничной торговли;
– препятствующие факторы: иллюзия лучшей жизни в городе (супермаркеты, ночные клубы, сушибары и т.п.); низкая оплата труда; тяжелые условия труда и проживания, плохое качество социального обслуживания;
– удаленность от районного и областного центров;
– профессиональная изолированность, невозможность пропаганды и популяризации жизни на селе.

Для комплексного решения данной проблемы государству и работодателям необходимо, на наш взгляд, следующее: [12, с. 47];
– обеспечение рабочими местами выпускников высшего и среднего профессионального учебного учреждения;
– информирование выпускников учебных заведений об имеющихся квотах на рабочие места;
– совместное участие учебного заведения и работодателя в формировании списка претендентов для проведения конкурса на замещение вакантной должности в рамках квоты;
– создание должных условий и адекватных рабочих мест для выпускников учебных заведений.

Таким образом, действующее трудовое законодательство содержит ряд гарантий при трудоустройстве выпускников учебных заведений как молодых специалистов. Однако эти гарантии имеют четкие границы, которые действуют только после подписания трудового договора, а могли бы действовать в процессе поиска подходящей работы. Реализацию подобного рода мер необходимо осуществить путем принятия соответствующего нормативно-правового акта, регламентирующего порядок трудоустройства выпускников средне-специальных и высших учебных заведений. На основе такого акта федеральные органы государственной власти совместно с органами власти субъектов Российской Федерации могут устанавливать необходимое количество специальных рабочих мест не только в городах, но и сельской местности, а выпускники, еще во время учебного процесса будут с подходящим местом работы.

Литература

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014. № 2-ФКЗ, от 21.07.2014. № 11-ФКЗ) // Собрание законодательства РФ. 2014. – № 31. – ст. 4398.
2. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ (ред. от 01.04.2019) // Собрание законодательства РФ. 07.01.2002. – № 1 (ч. 1). – ст. 3.
3. Алымова М.А. Решение проблем трудоустройства выпускников ГОУ НПО ЯНАО «ТСПУ» (опыт работы информационного агентства содействия трудоустройству выпускников) // Спрос и предложение на рынке труда и рынке образовательных услуг в регионах: сборник докладов по материалам Десятой Всероссийской научно-практической Интернет-конференции / под ред. В. А. Гуртова. – 2013. – С. 3–8.
4. Проект Федерального закона № 442315–7 «О внесении изменений в статью 54, статью 100 Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации» от 29.12.2012 № 273-ФЗ (ред. 16.04.2018) // СПС КОНСУЛЬТАНТ ПЛЮС
5. Бегинина Е.С., Исаенко С.С., Земскова М.С. Использование технологий нетворкинга в содействии трудоустройства выпускников вуза // Студенческая наука Подмосковью: материалы Международной научной конференции молодых ученых.– 2017. – С. 90–93.
6. Абасян Р.К., Ковалев Г.Н. Помощь выпускникам сиротских учреждений в трудоустройстве: история решения проблемы // Социальные отношения. 2015. – № 4 (15). – С. 121–129.
7. О квотировании рабочих мест: Закон г. Москвы от 22.12.2004 № 90 (ред. от 30.04.2014) // Вестник Мэра и Правительства Москвы. – № 3.– 2005.
8. Соловьева Н.О. Проблема молодежной занятости в Волгоградской области и пути ее решения // Научные горизонты.– 2018.– № 5 (9). – С. 143–148.
9. Алимова А.Н., Кривова Е.О. Молодежная безработица // Инновационная наука.– 2017. – № 2–1. – С. 148–150.
10. Кудряева Л.А., Ермакова А.С. Проблемы и перспективы привлечения молодых специалистов в сельскую местность // Системное управление.– 2012.– № 4 (17). – С. 9–11.
11. Полухина М.Г., Студенникова Н.С. Опыт и проблемы привлечения молодых специалистов на сельские территории (на примере субъектов центрального федерального округа) // Аграрный научный журнал. – 2017. – № 8. – С. 90–95.
12. Грачев А.А. Проблемы первичного трудоустройства выпускников средне-специальных и высших учебных заведений // Инновационные подходы к работе с молодежью / под общей ред. Н.Д. Бобковой. Курган, 2014. – С. 46–47.

LEGAL MODEL OF EMPLOYMENT OF GRADUATES OF EDUCATIONAL INSTITUTIONS

Sajganova L.N., Volostnova T.I.
RPA of the Ministry of justice of Russia

The article considers both traditional ways and alternative ways of employment of graduates of educational institutions. The necessity of state distribution of specialists by branches of labor activity is emphasized. Modern problems of employment in rural areas, including professional isolation and low wages, are identified. The possible ways of overcoming negative trends and creating a legal framework for employment of graduates of educational institutions are analyzed.

Keywords: graduate, guarantees, employment, employer, experience, networking

References

1. The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote 12/12/1993) (as amended by the Laws of the Russian Federation on amendments to the Constitution of the Russian Federation dated December 30, 2008 No. 6-FKZ, dated December 30, 2008 No. 7-FKZ, dated 05.02.2014. No. 2-FKZ, dated July 21, 2014 No. 11-FKZ) // Meeting of the legislation of the Russian Federation. 2014. – No. 31. – Article 4398.
2. The Labor Code of the Russian Federation dated December 30, 2001 No. 197-FZ (as amended on April 1, 2019) // Meeting of the legislation of the Russian Federation. 01/07/2002. – No. 1 (part 1). – Art. 3.
3. Alymova M.A. Solving the problems of employment of graduates of the GOU NPO YNAO “TSPU” (experience of the news agency promoting employment of graduates) // Supply and demand on the labor market and the educational services market in the regions: a collection of reports based on the materials of the Tenth All-Russian Scientific and Practical Internet Conference / ed. V.A. Gurtova.– 2013. – P. 3–8.
4. Draft Federal Law No. 442315–7 “On Amendments to Article 54, Article 100 of the Federal Law“ On Education in the Russian Federation ”dated December 29, 2012 No. 273-FZ (as of April 16, 2018) // ATP CONSULTANT PLUS
5. Beginin E.S., Isaenko S.S., Zemskova M.S. The use of networking technologies in promoting the employment of university graduates // Student science near Moscow: materials of the International Scientific Conference of Young Scientists.– 2017. – P. 90–93.
6. Abasyan R.K., Kovalev G.N. Help for graduates of orphaned institutions in employment: a history of solving the problem // Social Relations. 2015. – No. 4 (15). – P. 121–129.
7. On quotas for jobs: the Law of Moscow dated December 22, 2004 No. 90 (as amended on April 30, 2014) // Bulletin of the Mayor and the Government of Moscow. – No. 3.– 2005.
8. Solovyova N.O. The problem of youth employment in the Volgograd region and ways to solve it // Scientific horizons.– 2018. – No. 5 (9). – P. 143–148.
9. Alimova A.N., Krivova E.O. Youth unemployment // Innovation science.– 2017. – No. 2–1. – P. 148–150.
10. Kudryaeva L.A., Ermakova A.S. Problems and prospects of attracting young specialists to the countryside // System Management.– 2012. – No. 4 (17). – P. 9–11.
11. Polukhina M.G., Studennikova N.S. Experience and problems of attracting young specialists to rural territories (on the example of the subjects of the central federal district) // Agrarian Scientific Journal.– 2017. – No. 8. – P. 90–95.
12. Grachev A.A. Problems of primary employment of graduates of secondary special and higher educational institutions // Innovative approaches to work with youth / under the general ed. N.D. Bobkovoy. Kurgan,– 2014. – P. 46–47.

Детерминанты преступного поведения

Гомонов Николай Дмитриевич,
доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного и административного права, Мурманский государственный арктический университет
E-mail: Nikolay@mail.ru

Труш Владимир Михайлович,
кандидат психологических наук, психолог психологической лаборатории ФКУ ИК-16 УФСИН России по Мурманской области
E-mail: krist56@mail.ru

Пирогов Павел Павлович,
кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного и административного права, Мурманский государственный арктический университет
E-mail: ppp17@mail.ru

Тимохов Виктор Петрович,
кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры государственных и гражданско-правовых дисциплин, Рязанский филиал Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя
E-mail: tvp1986@yandex.ru

В данной статье проводится анализ процесса детерминации криминального поведения. Авторы утверждают, что причины преступного поведения индивидуальны и могут существенно различаться в каждом конкретном случае. Констатируют его зависимость как от биологических, так и социальных факторов. Сочетание патологической наследственности, социального окружения, политических и экономических факторов может вызывать преступное поведение. В то же время, психологические аспекты противоправных поступков учитываются в рамках практически всех криминологических теорий в большей или меньшей степени. Преступное поведение всегда демонстрирует только физическое лицо и оно, прежде всего, является проявлением психологических деформаций, выражающихся в феномене криминогенной зараженности. Следовательно, понимание ее сущности позволит лучше определять характер предупредительного воздействия. В результате появляется возможность ответа на ряд вопросов о детерминации и характере преступного поведения, причинах совершения преступлений, особенностях функционирования психической сферы, психологических проблемах, комплексах и т.д. Указанная информация позволяет оптимизировать способы предупреждения преступности, предсказывать дальнейшие действия серийных преступников, помочь в выявлении правонарушителей и расследовании уголовных дел.

Ключевые слова: преступность, детерминанты преступного поведения, личность преступника, личностные деформации, мотивация, криминогенная зараженность, предупреждение преступности.

Причины преступного поведения людей продолжают живо интересовать мировое научное сообщество. Однако до настоящего времени не сформулированы достаточно достоверные теории, объясняющие феномен преступного поведения. Криминологи практически единогласно поддерживают тезис о том, что в процессе объяснения указанного феномена нужно учитывать как биологические, так и социальные причины. Следовательно, необходимо проводить многофакторное исследование причин преступного поведения, выявляя степень ценности каждого фактора для конкретного человека.

Так, Bonta James & Andrews D.A. (2017) [1] предлагают четыре признака преступного поведения, которые отражают его основные типы. Эти признаки включают нарушения следующих запретов: а) запреты государства; б) религиозные и моральные запреты; в) традиционные запреты; г) запреты из области психологии.

Следовательно, общее определение преступного поведения должно содержать перечень запретов, упомянутых выше. В то же время такое определение обладает существенным недостатком, т.к. недолговечно. Тот или иной поступок с течением времени может быть криминализован или декриминализован. Также важно отличать преступность от преступного деяния [2, с. 89–97]. Поэтому в рамках данного исследования мы должны изучить факторы риска и методики измерения преступности, чтобы способствовать решению основной задачи криминологии – предупреждению преступности.

Факторами риска преступного поведения являются, прежде всего, психологические деформации, оправдывающие и объясняющие такое поведение, которые повышают вероятность того, что человек будет вовлечен в преступную деятельность [3, с. 39–43]. К указанным деформациям мы относим расстройство поведения различного генеза, отсутствие образования, влияние СМИ, сниженный самоконтроль, низкий IQ, антиобщественные убеждения, ущербная социализация, плохое воспитание в детстве и т.д. Существует большое количество работ, в которых с различных теоретических позиций производится оценка влияния указанных факторов на формирование преступного поведения.

Преступность как социальное явление имеет свои статистические показатели. Эти показате-

ли формируются в правоохранительных органах. Используя эту информацию, создаются отчеты о преступлениях, которые помогают в целом классифицировать преступления по типу и характеристикам правонарушителя, таким как пол, возраст, место жительства.

Но у криминологов возник вопрос о соотношении биологических и социальных факторов в детерминации преступного поведения. Этот вопрос на протяжении многих лет ставил в тупик психологов, социологов и криминологов, которые предпринимали попытки установить природу преступности. Указанная дискуссия проводилась в рамках известных дебатов «природа против воспитания», когда пытались установить, является ли преступность следствием генетических факторов и, следовательно, неизбежна, или она является продуктом социального, ситуативного, окружающего окружения и других внешних факторов [4]. Профессор H.J. Eysenck провел ряд исследований, посвященных происхождению преступления и личности. Его интересовало, имеет ли преступное поведение какое-либо отношение к личности. Он определил, что личность имеет три измерения: «психотизм», для которого характерны агрессия, эгоцентризм, импульсивность; «невротизм» – низкая самооценка, беспокойство и значительные перепады настроения; «экстраверсия», которая обнаруживается у личностей, стремящихся к ощущениям, самоутверждению и доминированию. Большинство этих признаков обнаруживаются и у преступников [5, 6].

Причины преступного поведения индивидуальны и могут существенно различаться в каждом конкретном случае. Мы считаем, что они могут быть сгруппированы в две основные группы – наследственные факторы и факторы окружающей среды. На заре криминологической науки причины преступного поведения искали исключительно в недрах самого человека. Было принято считать, что склонность к совершению преступлений может быть измерена, например, в соответствии с психическим состоянием родителей. С течением времени, в процессе накопления научных знаний о детерминантах поведения человека, возникало понимание того, что влияние окружающей среды нельзя не учитывать в процессе изучения механизма преступного поведения. Следовательно, семья, социальный статус, уровень образования микро- и макросоциальное окружение и т.д. являются важнейшими детерминантами поведенческих реакций, которые следует учитывать наравне с выявляемыми наследственными и личностными характеристиками.

В настоящее время криминологи и криминальные психологи пришли к общему мнению о том, что в основе преступного поведения лежит сложное сочетание детерминант. Поэтому невозможно предсказать факт совершения преступления просто по их сумме, необходимо проводить анализ характера их взаимодействия и взаимовлияния. Так, фактор «криминогенной зараженности» личности, по нашему мнению, должен выступать в качестве возможного, более высокого криминального риска. Финансовые сложности или голод – весьма весомые аргументы для криминального способа разрешения проблем. Психические девиации суживают спектр вариантов легитимного разрешения конфликтных ситуаций и т.д.

Чтобы найти более эффективные способы предупреждения преступности, очень важно выяснить, почему люди выбирают именно криминальный способ решения возникшей проблемы. В рамках многочисленных теорий криминологи пытаются найти ответ на этот вопрос. В настоящее время наблюдается дальнейшая разработка биологических и социологических подходов в объяснении феномена преступного поведения. В действительности их достаточно трудно полностью разделить, т.к. имеет место явление взаимопроникновения.

Сущностью биологического подхода является поиск детерминант преступного поведения «внутри» самого человека. Считается, что преступное поведение вызвано определенными нарушениями в биологическом строении человека. Согласно исследованию Adrian Raine, такими причинами могут быть наследственность, нейротрансмиттерная дисфункция и нарушения в работе мозга, которые могут быть вызваны заболеванием либо травмой [7, с. 159–161]. Биологический подход продемонстрирован как в теориях Cesare Lombroso, Ernst Kretschmer, так и в более поздних – хромосомной, генетической, гуморальной и т.д. Своеобразна стратегия предупреждения преступности на основе биологического подхода, которая включает искусственное вмешательство в биологию человека – психохирургию, химические методы контроля, стимуляцию мозга и другие.

Социологические подходы к изучению детерминант преступного поведения предполагают, что на преступное поведение главным образом влияет сочетание социального окружения, политических и экономических факторов. В этом случае фокус изучения перемещается с личности преступника на социальный контекст ситуации человека [8].

В любом случае мы наблюдаем анализ следующих детерминант: микросоциум, интеллект, образование, семья, политическое влияние и влияние средств массовой информации, уровень дохода, работа и карьера, история детства и др., чтобы определить, почему лицо выбирает преступный вариант удовлетворения потребностей.

Интересно то, что психологические аспекты противоправных поступков учитываются в рамках практически всех теорий в большей или меньшей степени. Можно выделить несколько фундаментальных предпосылок, которые прослеживаются, когда в процессе анализа используются психологические знания:

- человек является исходной и основной единицей анализа, т.к. именно человек несет ответственность за совершенное преступление;
- поведением управляет личность, содержащая мотивацию поступков и действий;

- психические девиации опосредованно влияют на преступное поведение, создавая патопсихологический комплекс;
- преступное поведение направлено на удовлетворение определенных потребностей.

Понятие нормального поведения определяется совокупностью социальных норм, точнее тем, что считается приемлемым большинством людей в определенной социальной группе. Дефектные или ненормальные психические процессы могут быть вызваны различными факторами, такими, как психические девиации, неправильное обучение, подражание неподходящим образцам и приспособление к возникающим конфликтам.

Следовательно, профилактика преступного поведения должна быть нацелена на отдельных лиц, вернее, на причины, вызывающие психологические деформации [9, с.с. 393–404]. Предотвращение преступности возможно путем нацеливания таких лиц на профессиональную подготовку, образование, содействие самосовершенствованию, проведение мероприятий по реабилитации, ресоциализации и выявление рисков преступного поведения. Кроме того, криминологи давно признали, что лучшим прогностическим параметром характера будущего поведения является поведение индивида в прошлом [10, с. 393–404].

Психодинамическая теория была предложена еще Sigmund Freud. На рубеже XIX и XX веков она стала важной вехой в процессе изучения преступности. Так, S. Freud полагал, что каждый человек несет в себе следы наиболее значимых эмоциональных переживаний нашего детства, которые в значительной степени влияют на наши будущие межличностные отношения. Теория состоит из трех частей, состоящих из ид (оно), эго и супер эго. Идентификация считалась недоразвитой, примитивной частью нашей идентичности. Она контролирует нашу потребность в еде, сне и других основных инстинктах. Эта часть личности ориентирована исключительно на мгновенное удовлетворение [11]. Эго контролирует идентификацию, устанавливая границы. Суперэго – изменение оценки ситуации через мораль.

Дальнейшую разработку этого направления осуществил G. Ammon в рамках теории динамической психиатрии [12]. Мы, будучи последователями указанного подхода, считаем, что личность правонарушителей является центральным и основным средоточием причин преступного поведения. Системный личностный подход нам представляются достаточно актуальным. В последнее время он приобретает новых сторонников среди ученых и практических работников. Знание биопсихосоциальных детерминант преступного поведения, констатация ведущей роли личностных деформаций в механизме преступного поведения, исследование криминогенных и криминальных ситуаций, их субъективную оценку преступником, может существенно расширить возможности общества в целом и правоохранительных органов в частности в деле предупреждения преступности [13, с. 35–63].

Мы выяснили, что криминогенно зараженная личность рассматривает события как результат влияния внешних сил и игнорирует влияние на события со стороны своих собственных (и чужих) чувств, мыслей и эмоций [14, с. 79–86]. Конечно, преступники испытывают недостаток силы воли, совершают ошибки, поддаются искушению или крадут для удовлетворения потребностей, но мы должны также учитывать, что их поведение является результатом склонности к преступлениям, т.е. проявлений криминогенной зараженности.

Даже если человек может выглядеть преступником, образ мыслей этого человека не делает его таковым. Решение человека о совершении преступления основано, как правило, на деформированных моделях мышления. Мы находим сходные образцы мышления у преступников, которые включают в себя постоянную ложь, неспособность к эмпатии, стремление к немедленному удовлетворению своих желаний, «черно-белые» представления и стремление обвинять других в своих неудачах. У контингента лиц, осужденных к лишению свободы, также были обнаружены снижение чувства ответственности, нетерпимость и снижение самоконтроля [15, с. 322–337].

Таким образом, детерминанты преступного поведения мы обнаруживаем как в биологической сущности человека, так и в его социальном окружении. В любом случае «продуцентом» преступления выступает только конкретный человек. Следовательно, процессы и явления собственного организма и окружающей действительности воспринимаются и преломляются через психику самого человека, т.е. субъективизируются. Человек, его особенности являются определяющим элементом в механизме преступления. А особенности его психологии – важнейшее звено в процессе изучения детерминант преступности. Понимание сущности психологических деформаций, т.е. криминогенной зараженности личности, путей и возможностей воздействия на нее с целью уменьшения вероятности совершения преступления – залог повышения эффективности предупредительной деятельности общества и государства.

Литература

1. Bonta James, Andrews D.A. The psychology of criminal conduct. New York, NY: Routledge,– 2017.
2. Гомонов Н.Д. Криминологические понятия «преступность» и «преступник» / Н. Д. Гомонов // Юридическая наука: история и современность. 2013,– № 11. – С. 89–97.
3. Гомонов Н.Д. Личность преступника: анализ особенностей / Н.Д. Гомонов, В.М. Труш, П.П. Пирогов, В.П. Тимохов // Юридическая наука. 2019.– № 5. – С. 39–43.
4. Eysenck H.J., Gudjonsson, G.H. The Causes and Cures of Criminality. New York: Plenum Press; 1989.

5. Eysenck S.B., Eysenck H.J. Crime and personality: Item analysis of questionnaire responses. Br. J. Criminol. 1971; 11: – С. 49–62.
6. Eysenck H.J. Crime and Personality. 3rd ed. London: Routledge & Keganpaul; 1977. – P. 222.
7. Jan Silver and Joseph L. Nedelek. «The Anatomy of Violence: The Biological Roots of Crime», Criminal Justice Education Journal, 30: 1, 2019. – P. 159–161.
8. Crossman Ashley. Sociological explanations for deviant behavior. Thought Co, September 15,– 2019.
9. Jason Roach, Ken Pease. Evolution and the Prevention of Violent Crime. Psychology, Vol.2 No.4, July 25, 2011. – P. 393–404.
10. Roach Jason, Pease Ken. Evolution and the Prevention of Violent Crime Psychology, Vol.2 No.4, July 25,– 2011.
11. Siegel L.J. & Welsh, B.C. Juvenile delinquency: the core (4th ed.). Belmont, CA: Wadsworth Publishing Co Inc.– 2011.
12. Аммон Гюнтер. Динамическая психиатрия / Гюнтер Аммон. изд. Психоневрологического института им. В. М. Бехтерева, 1995,– 200 с.
13. Труш В.М. Криминогенная зараженность личности преступника: понятие, основание и реализация / В.М. Труш, Н.Д. Гомонов // Юридические исследования.– 2017.– № 12. – С. 35–63. DOI: 10.25136/2409–7136.2017.12.24714 URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=24714.
14. Гомонов Н.Д. Детерминанты формирования криминогенных факторов личности / Н.Д. Гомонов, В.М. Труш // Арктика. Общество и экономика / Мурманский региональный общественный фонд развития науки, образования и культуры «Образование», Негосударственное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Мурманская академия экономики и управления». Мурманск: МАЭУ. 2015,– № 14. – С. 79–86.
15. Труш В.М. Гуманструктурология G. Ammon: практика применения для определения уровня криминогенной зараженности личности преступника / В.М. Труш, Н.Д. Гомонов, П.П. Пирогов, В.П. Тимохов // Вестник Алтайской академии экономики и права.– 2019. – № 4. Часть 2. – С. 322–337.

DETERMINANTS OF CRIMINAL BEHAVIOR

Gomonov N.D., Trush V.M., Pirogov P.P., Timokhov V.P.
Murmansk State Arctic University, Psychological Laboratory of the Russian Federal Penitentiary Service, Ryazan branch of the Moscow Ministry of Internal Affairs University named after V.Y. Kikot

This article analyzes the process of determining criminal behavior. The authors argue that the causes of criminal behavior are individual and may vary significantly in each case. They ascertain its dependence on both biological and social factors. The criminal behavior can be caused by combination of pathological heredity, social environment, political and economic factors. Simultaneously, the illegal acts psychological aspects are taken into account in the almost all criminological theories framework to a greater or lesser extent. Only the person demonstrates criminal behavior and, first of all, it is a psychological deformations manifestation, expressed in the criminogenic infection phenomenon. Consequently, its essence understanding will make it possible to better determine the preventive effect nature. As a result, it becomes possible to answer a number of questions about the criminal behavior nature determination, the reasons for committing crimes, the mental sphere functioning characteristics, psychological problems and complexes, etc. Given information allows you to optimize crime prevention methods, predict serial criminals' future actions, help in identifying offenders and investigating criminal cases.

Keywords: crime, criminal behavior determinants, the offender identity, personality deformations, motivation, criminogenic infection, crime prevention.

References

1. Bonta James, Andrews D.A. The psychology of criminal conduct. New York, NY: Routledge,– 2017.
2. Gomonov, ND. Criminological concepts of "crime" and "criminal" / ND Gomonov // Legal science: history and modernity. 2013, – No. 11. – P. 89–97.
3. Gomonov N.D. The identity of the offender: analysis of features / N.D. Gomonov, V. M. Trush, P.P. Pirogov, V.P. Timokhov // Jurisprudence. 2019. – No. 5. – P. 39–43.
4. Eysenck H.J., Gudjonsson G.H. The Causes and Cures of Criminality. New York: Plenum Press; 1989.
5. Eysenck S.B., Eysenck H.J. Crime and personality: Item analysis of questionnaire responses. Br J Criminol. 1971; 11: – P. 49–62.
6. Eysenck H.J. Crime and Personality. 3rd ed. London: Routledge & Keganpaul; 1977. – P. 222.
7. Jan Silver and Joseph L. Nedelek. "The Anatomy of Violence: The Biological Roots of Crime," Criminal Justice Education Journal, 30: 1, 2019. – P. 159–161.
8. Crossman, Ashley. Sociological explanations for deviant behavior. Thought Co, September 15,– 2019.
9. Jason Roach, Ken Pease. Evolution and the Prevention of Violent Crime. Psychology, Vol. 2 No.4, July 25, 2011. – P. 393–404.
10. Roach Jason, Pease Ken. Evolution and the Prevention of Violent Crime Psychology, Vol.2, No.4, July 25, – 2011.
11. Siegel L.J. & Welsh B.C. Juvenile delinquency: the core (4th ed.). Belmont, CA: Wadsworth Publishing Co Inc. – 2011.
12. Ammon Gunther. Dynamic Psychiatry / Gunther Ammon. ed. Psychoneurological Institute. V.M. Bekhterev, 1995, – 200 p.
13. Trush V.M. Criminogenic infection of the identity of the offender: concept, basis and implementation / V. M. Trush, ND Gomonov // Legal Studies.– 2017. – No. 12. – P. 35–63. DOI: 10.25136 / 2409–7136.2017.12.24714 URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=24714.
14. Gomonov N.D. Determinants of the formation of criminogenic factors of personality / N.D. Gomonov, V.M. Trush // Arctic. Society and Economics / Murmansk Regional Public Foundation for the Development of Science, Education and Culture "Education", Non-governmental Higher Professional Education Institution "Murmansk Academy of Economics and Management". Murmansk: MAEU. 2015, – No. 14. – P. 79–86.
15. Trush V.M. Humanitarian structure G. Ammon: the practice of application for determining the level of criminogenic infection of a criminal's personality / V.M. Trush, N.D. Gomonov, P.P. Pirogov, V.P. Timokhov // Bulletin of Altai Academy of Economics and Law.– 2019. – No. 4. Part 2. – P. 322–337.

Организация и методика оперативно-розыскного производства по делам оперативной разработки несовершеннолетних: теоретический аспект

Новиков Алексей Валерьевич,
доктор педагогических наук, кандидат юридических наук, профессор, главный научный сотрудник, ФКУ Научно-исследовательский институт ФСИН России
E-mail: novikov.pravo@mail.ru

Проблематика оперативно-розыскного обеспечения раскрытия преступлений несовершеннолетних не привнесла каких-либо глобальных изменений в организацию и тактику оперативно-розыскной деятельности. Проблемы оперативно-розыскного производства по делам оперативного учета на несовершеннолетних находятся, по существу, как и оперативно-розыскного обеспечения, в стадии развития и продвижения в научно-исследовательскую деятельность, однако разработчиками проектов нормативных правовых актов Минюста России и МВД России они игнорируются и остаются без должного внимания.

Ключевые слова: оперативно-розыскное обеспечение, оперативно-розыскная деятельность (ОРД), раскрытия преступлений несовершеннолетних. ФЗ «Об ОРД»

По-прежнему «черной дырой» в исследовании вышеуказанных проблем остаются вопросы раскрытия, связанные с инспирацией несовершеннолетних в преступленые деяния и иные антиобщественные действия.

Рассматриваемые проблемные вопросы во многом связаны с эффективностью оперативно-розыскного производства по делам оперативного учета. Понятие и сущность такого производства в теоретическом плане разработаны слабо, в то же самое время, они не находят соответствующей нормативно-правовой регламентации. В условиях, когда сложилась многолетняя и устойчивая практика ведения дел оперативного учета и, в то же самое время, когда в сфере оперативно-розыскной деятельности начали действовать многочисленные новые правовые нормы, перед оперативными подразделениями возникли вопросы, решаемые не всегда единообразно и унифицировано. Более того, субъективные толкования отдельных норм Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» от 12.08.1995 № 144-ФЗ (далее по тексту ФЗ «Об ОРД») и подзаконных актов обусловили, в свою очередь, и различные подходы к решению практических вопросов оперативно-розыскной деятельности, что в немалой степени относится и к оперативно-розыскному производству по делам оперативного учета несовершеннолетних.

Наиболее широкое распространение термин «оперативно-розыскное производство» получил в связи с введением в учебный процесс программы по курсу «ОРД» во многих образовательных организациях высшего образования, подведомственных правоохранительным органам (МВД России, Минюста России); открытых учебников по ОРД, а также многочисленных изданных комментариев к ФЗ об ОРД и учебников по теории ОРД, таких исследователей К. Горяинова, Ю. Кваши, Г. Синилова, К. Суркова, А. Шумилова и др.

Получив своеобразный инструктивный «статус», указанный термин естественно вошел в оборот при подготовке различных учебно-методических материалов. Однако, отсутствие научно-разработанной дефиниции оперативно-розыскного производства и, по существу, единой точки зрения приводят к различным толкованиям этого понятия и, соответственно, к субъективному подходу – произвольной трактовке соответствующих вопросов в научной и учебной литературе. ФЗ «Об ОРД» такого категориального понятия вообще не воспроизводит. В имеющихся к нему комментариях (частично) упоминаются такие раз-

ночтимые терминологические обороты, как: «производство по делам оперативного учета», «процесс производства по делам оперативного учета», «процесс ведения дел оперативного учета», «оперативно-розыскной процесс», «производство и прекращение дел оперативного учета».

Применительно к делам оперативной разработки употребляются различные словосочетания, имеющие, на наш взгляд, непосредственное отношение к оперативно-розыскному производству (в том числе, и из смысла анализируемых правовых норм). О.П Кириллов и Огрохин А.Н., например, приводят исчерпывающий перечень вышеуказанных терминов с единственной целью – показать отсутствие в этом перечне словосочетания «оперативно-розыскное производство» [7]. Вместе с тем, из смысла приведенных выдержек явствует, что между понятиями: «оперативная разработка», «дело оперативной разработки», «оперативно-розыскное производство по делу оперативной разработки» знака равенства быть не может, исходя из элементарного смысла, вкладываемого в содержательную часть этих категориальных понятий, за исключением разве лишь последнего, носящего характер теоремы и требующего, если не доказательств, то достаточно убедительных аргументов в пользу своего существования.

Безусловно, следует признать, что понятие оперативно-розыскное производство по делам оперативной разработки несовершеннолетних имеет право на самостоятельное существование. Являясь, на наш взгляд, неотъемлемой составной частью процесса оперативной разработки, это производство, в свою очередь, также регулируется нормативными правовыми актами в организационном, тактическом, методическом аспектах и процедурных вопросах. Естественно, что оперативно-розыскное производство содержит общие положения, исходные позиции, но применительно к каждому виду дел, имеются только им присущие особенности (исходя из целей их ведения, содержания и процедуры производства). Такой подход полностью согласуется с предписанием ФЗ «Об ОРД», а именно «перечень дел оперативного учета и порядок их ведения определяется нормативными актами органов, осуществляющих ОРД» (ст. 10 Закона) [1]. Такой порядок, процедуру ведения дел оперативной разработки можно рассматривать лишь с позиции оперативно-розыскного производства по данной категории дел. Вместе с тем, анализ многочисленных и, подчас, сложных для восприятия организационных, тактических и методических вопросов, связанных с ведения дел оперативной разработки несовершеннолетних, дает основание рассматривать многогранные вопросы оперативно-розыскного производства в их едином целом.

Изучение ведомственных нормативных правовых актов, регламентирующих общие положения оперативной разработки как формы ОРД, особенностей организации работы по делам оперативной разработки, позволяет выделить исходные позиции оперативно-розыскного производства, которые впоследствии могут быть положены в основу формулировки его стадий и соответствующей унифицированной дефиниции. Причем в разработке этих позиций мы исходим из смыслового предназначения дефиниции «ввести и рассмотреть новое понятие посредством указания на то, как это понятие сконструировать из данных уже известных». К таким уже известным данным и (на наш частнонаучный взгляд, не вызывающим сомнения в их действительности существований) относятся следующие:

1. Подготовительная (предварительная) стадия, которая включает в себя, прежде всего, предварительную оперативную проверку, направленную на установление достоверности первичной информации на несовершеннолетних. Не случайно, ведомственные нормативные правовые акты предусматривают, что в случае необходимости осуществления в отношении проверяемых лиц оперативной разработки, на основании материалов предварительной проверки в установленном порядке заводится дело оперативной разработки. Из смысла положений нормативного акта предварительная проверка первичной информации в обязательной мере предшествует заведению дел оперативной разработки. На этой же стадии осуществляется подготовка (сбор) и оформление документов, являющихся основанием для заведения дела. Не исключается и проведение на этой стадии отдельных ОРМ, связанных с корректировкой или указанием руководителя оперативного подразделения, оперативных служб правоохранительных органов о проведении дополнительной оперативной проверки; в обязательном порядке наводятся справки через информационные подразделения МВД России и ФСИН России в субъектах РФ.

В зависимости от обстоятельств заведения дела (инициатива оперативного сотрудника, либо управленческое решение руководителя) активное участие на этой стадии может и обязан принимать руководитель подразделения (участие в разработке плана, версий, различной информации, согласие на разработку и т.д.). Поскольку подготавливаемые на этой стадии соответствующие документы, несомненно, будут составной частью дел оперативной разработки, вполне логично предположить, что они являются и неотъемлемой частью оперативно-розыскного производства по делу на данной подготовительной стадии.

2. Первоначальная стадия – это стадия заведения дела и принятия его к производству. Она включается в себя, прежде всего, управленческое решение руководителя подразделения (утверждение постановления и плана). Вместе с тем, эта стадия включает не только процедурные действия оперативного сотрудника, но и контрольные функции и процедурные действия его непосредственных и прямых начальников, регистрационно-учетных подразделений (оценка обязательных) для заведения дела документов, порядок регистрации де-

ла и разрабатываемых лиц, постановка их на учет в информационном подразделении (в том числе с ограничением допуска в оперативно-справочную картотеку), получение и оформление необходимых реквизитов дела и внесение соответствующих сведений… Последнее фактически означает принятие дела к производству данным оперативным сотрудником. Важнейшим документом, составляемым на этой стадии и, по существу, иммобилизирующим всю имеющуюся по заводимому делу оперативно-розыскную информацию, является справка-меморандум.

3. Последующая стадия связана с обеспечением непосредственно процесса оперативной разработки, осуществляемого на основе номенклатуры, регламентируемых, а также используемых на практике (совокупно) планов разработки, направленных в основном на документирование. Оперативно-розыскное производство по делу на данной стадии включает:

– процедуру продления сроков ведения дела; приостановление (возобновление) производства по делу; возможную пересылку дела в другой орган (подразделение); прекращение разработки в отношении отдельных лиц, постановку на учет или снятие с учета отдельных разрабатываемых;
– совместное (с другими оперативными подразделениями) производство по делу, имеющему экстерриториальное значение, в том числе обеспечение группового метода ведения разработки;
– контрольное производство либо принятие дела к производству вышестоящим органом; наблюдательное производство; производство по дубликатам материалов дела.

Все перечисленные позиции регламентируются нормами ведомственных нормативных актов, из которых и заимствована приведенная терминология, поэтому она не может быть отнесена к каким-либо новациям.

4. Стадия прекращения оперативной разработки по делу включает особенности оперативно-розыскного производства в связи с различными основаниями прекращения дела: с привлечением к уголовной ответственности (без привлечения); «частичное» прекращение (по групповым делам), за недоказанностью, не подтверждением данных, послуживших основанием для заведения (сопровождается служебными проверками либо служебными расследованиями) и т.д. Рассматриваемая стадия включает в себя также особенности производства, связанные с реализацией дел оперативной разработки, а также в связи с возможным оперативно-розыскным сопровождением уголовных дел (без продления сроков до получения обвинительного приговора, вступившего в законную силу).

Практически реализация начинается со всестороннего изучения и оценки следователем совместно с оперативным сотрудником собранных материалов. Следователь знакомится с материалами разработки несовершеннолетних (без расшифровки негласных источников и способов получения информации). Цель изучения – выяснение, прежде всего, достаточности оснований для возбуждения уголовного дела; на этом этапе составляется план ОРМ и следственных действий, который согласовывается с непосредственными начальниками и утверждается соответствующими руководителями.

5. Заключительная стадия. Прекращения оперативной разработки по делу и самого дела, на наш взгляд, необходимо истолковывать как возможность продолжения производства по делу, в то время как оперативная разработка по нему завершена. Во многом (но не со всем) это связано с временными параметрами: сбор документов – оснований для прекращения (реализации дела)[4]; оформление соответствующих регистрационно-учетных документов и т.д. На этой стадии регламентируется проведение служебных проверок по фактам необоснованного заведения дел данной категории либо нарушений законности и требований конспирации, допущенных в процессе разработки. Их проведение напрямую связано с оперативно-розыскным производством по делу, а также предусматривается возможность изъятия дела оперативной разработки из архива и возобновления его производства.

Сублимируя вышесказанное, считаем нужным подчеркнуть, что регламентируемые стадии оперативно-розыскного производства по делу оперативной разработки можно условно разделить на основные (первоначальную, последующую и заключительную) и дополнительные. Характеристика вышеуказанных стадий производства по делу оперативной разработки показывает к тому же, что они не всегда сопутствуют непосредственному процессу оперативной разработки (как комплексу негласных ОРМ), а в ряде случаев носят самостоятельный (ведомственный) характер.

В целом рассмотренные позиции, несмотря на то, что часть из них можно отнести к общим установкам рекомендательного характера, дают возможность сформулировать исходные положения для унификации дефиниции оперативно-розыскного производства по делам оперативной разработки. На наш взгляд, оперативно-розыскное производство по делам оперативной разработки следует определить, как основанные на нормативных актах и общей теории ОРД организационные, тактические, методические и процедурные действия оперативных и информационно-аналитических подразделений (сотрудников) по организационному и документально-правовому обеспечению, процесса оперативной разработки несовершеннолетних и созданию максимальных условий, для достижения ее конечных целей.

Естественно, что приведенная дефиниция (точнее – ее проект) ни в коей мере не претендует на завершенность и является лишь попыткой уточнить предмет оперативно-розыскного производства и дать его характеристику, чтобы впослед-

ствии на этой основе раскрыть сущность этого производства по делам оперативной разработки. Такой подход позволяет логично изложить характеристику оперативно-розыскного производства на основе сформулированных его стадий. Вместе с тем, следует исходить из важности и насущной потребности разработки данного определения. Полемический характер здесь не исключается, однако возможные дискуссии лишь подтвердят актуальность затронутых вопросов.

Рассмотренные положения, на наш взгляд, имеют, безусловно, реальную перспективу реализации в нормотворческой и практической деятельности правоохранительных органов Российской Федерации.

Литература

1. Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности» от 12.08.1995 № 144-ФЗ (последняя редакция).
2. Астишина Т.В., Афонькин Г.П., Кузьмин А.В., Маркелова Е.В. Использование результатов оперативно-розыскной деятельности в уголов-ном процессе [Текст]: учебно-методическое пособие / Домодедово: ВИПК МВД России,– 2016. – 92 с.
3. Богданов А.В., Волченков В.В., Воронцов А.В., и др., под. ред. Б.П. Михайлова, Е.Н. Хазова Криминальная среда. Понятие, генезис, оперативно-разыскное воздействие. Научная специальность 12.00.08 «Уголовное право и криминология, уголовно-исполнительное право», 12.00.12 «Криминалистика, оперативно-разыскная деятельность, судебно-экспертная деятельность. Том. Часть I. – Сер. Научные издания для юристов [Текст]: монография. Москва: Юнити: Закон и право, – 2015. – 600 с.
4. Баяхчев В.Г., Галяшина Е.И., Марков А.Я., Улейчик В.В.; Под ред. Маркова А.Я.. Использование результатов ОРД на предварительном следствии и дознании: Учеб. пособие. – М.: ВНИИ МВД России, – 1996 – 64 с.
5. Доля Е.А. Формирование доказательств на основе результатов оперативно-розыскной деятельности [Текст]: монография. – Москва: Проспект, 2014. – 373 с.
6. Жданов, С.П. Участие специалиста в проведении оперативно-разыскных мероприятий: проблемы теории и современной практики [Электронный ресурс]: монография. М.: Проспект,– 2018. – 157 с.
7. Кириллов О.П., Огрохин А.Н. Оперативно-розыскное производство по оперативным делам (правовые, организационно-тактические и методические вопросы) [Текст]: учебное пособие. – М.: МосУ МВД России, 2004. – 225 с.
8. Крипулевич А.Ю., Новиков А.В., Слабкая Д.Н. Контракт как вид соглашения в оперативно-розыскной деятельности // Вопросы российского и международного права. – 2018. – Том 8. – № 3А. – С. 166–172.

ORGANIZATION AND METHODOLOGY OF OPERATIONAL-SEARCH PROCEEDINGS FOR THE OPERATIONAL DEVELOPMENT OF ADOLESCENTS: THEORETICAL ASPECT

Novikov A.V.
PKU Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia

The problems of operational-search support for the disclosure of juvenile crime did not bring any global changes to the organization and tactics of operational-search activities. The problems of operational-search proceedings on matters of operational accounting for minors are, in essence, as well as operational-search support, at the stage of development and promotion in research activities, however, they are ignored by the developers of draft regulatory legal acts of the Ministry of Justice of Russia and the Ministry of Internal Affairs of Russia and remain without due attention.

Keywords: operative-search support, operational-search activity (ORD), disclosure of juvenile delinquency. Federal Law «About operational-search activity»

References

1. Federal Law “On the operational-search activity” dated 08.08.1995 No. 144-ФЗ (latest revision).
2. Astishina T.V., Afonkin G.P., Kuzmin A.V., Markelova E.V. The use of the results of operational-search activities in the criminal process [Text]: teaching aid / Domodedovo: VIPK Ministry of Internal Affairs of Russia, 2016. – 92 p.
3. Bogdanov A.V., Volchenkov V.V., Vorontsov A.V., and others, under. ed. B.P. Mikhailova, E.N. Khazova Criminal environment. The concept, genesis, operational-search effect. Scientific specialty 12.00.08 “Criminal law and criminology, penal law”, 12.00.12 “Forensics, operational investigative activities, forensic science activities. Tom. Part I. – Ser. Scientific publications for lawyers [Text]: monograph. Moscow: Unity: Law and Law,– 2015. – 600 p.
4. Bayakhchev V.G., Galyashina E.I., Markov A.Ya., Uleichik V.V.; Ed. Markova A. I .. Use of the results of the ARD in the preliminary investigation and inquiry: Textbook. allowance. – M.: VNII Ministry of Internal Affairs of Russia,– 1996. – 64 p.
5. Share E.A. Formation of evidence based on the results of operational investigative activities [Text]: monograph. – Moscow: Prospect,– 2014. – 373 p.
6. Zhdanov S.P. The participation of a specialist in conducting operational-search measures: problems of theory and modern practice [Electronic resource]: monograph. – M.: Prospect,– 2018. – 157 p.
7. Kirillov O.P., Ogrokhin A.N. Operational-search proceedings in operational matters (legal, organizational, tactical and methodological issues) [Text]: textbook. – M .: Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2004. – 225 p.
8. Kripulevich A.Yu., Novikov A.V., Weak D.N. The contract as a type of agreement in the operational-search activity // Issues of Russian and international law. – 2018. – Volume 8. – No. 3A. – P. 166–172.

Межотраслевые принципы уголовно-исполнительного права в уголовном судопроизводстве

Куликова Олеся Николаевна,
доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин, кандидат юридических наук, Смоленский филиал Саратовской государственной юридической академии,
E-mail: olesya.kulikova.2012@list.ru

Федоскин Николай Николаевич,
доцент кафедры государственно-правовых дисциплин, кандидат педагогических наук, доцент, Смоленский филиал Саратовской государственной юридической академии,
E-mail: nnfedoskin@yandex.ru

Межотраслевые принципы затрагивают смежные отрасли права. В вопросах назначения уголовного наказания такими отраслями выступают уголовная, уголовно-процессуальная и уголовно-исполнительная. Целью работы является определение отражения межотраслевых принципов уголовно-исполнительного закона Российской Федерации и их реализация в законодательстве, определяющем порядок вынесения приговора. Постановление приговора является аспектом процессуального права, предшествует ему материальное право, регламентирующее общие требования к правилам назначения уголовных наказаний. Научный материал отражает комплексность проведенного межотраслевого исследования российского законодательства в области уголовного судопроизводства на стадии постановления приговора с назначением уголовного наказания. Методологическая основа работы включает систематизацию, обобщение и анализ действующего российского межотраслевого законодательства, в частности, отражающего принципиальные положения назначения наказания и его последующего отбывания.

Ключевые слова: принципы права, отраслевые принципы, назначение наказания, постановление приговора суда, уголовное судопроизводство.

Исходя из смысла российского уголовно-исполнительного законодательства, к межотраслевым принципам правоприменения относятся смежные основополагающие идеи обеспечения правосудия. Такие принципы нашли свое отражение в положениях российского уголовного закона и в уголовном судопроизводстве. Ст. 8 УИК РФ к таковым относит дифференциацию и индивидуализацию назначения лицу, признанному судом виновным в совершении преступления, отбывания конкретного уголовного наказания.

Положения дифференцированного подхода к характеристике совершенного общественно-опасного деяния прослеживаются в нормах УК РФ, посвященных общим началам назначения наказания. При этом, согласно ч. 3 ст. 60 УК суд должен учитывать характер и степень общественной опасности личности виновного, включая те обстоятельства, которые смягчают и отягчают наказание, а также социально-правовое и иное влияние этого наказания на условия жизни его семьи и возможность исправления осужденного. Тем самым, принципы дифференциации и индивидуализации, закрепленные в УИК РФ, отражаются в уголовном законодательстве, но прямо не закреплены в главе первой УК РФ.

Исходя из сути требований уголовно-процессуального законодательства по вопросам, разрешаемым судом при постановлении приговора (ст. 299 УПК РФ), налицо реализация принципов уголовного закона – законности, виновности, справедливости и принципов уголовно-исполнительного закона – индивидуализации. В отношении же идей материального права гуманизма и равенства, то их реализация осуществляется не при решении вопроса об уголовной ответственности лица, а при однозначной его наказуемости (при назначении наказания). В случае, если последствием назначения судом наказания является реальное его отбывание, то в полном объеме реализуется дифференциация отбывания уголовного наказания (ст. 8 УИК РФ). Указанные принципы прямо не закреплены в положениях глав 2 и 39 основного процессуального закона России.

При постановлении судом приговора должны учитываться определенные законодателем требования, ряд из которых отражают принципы индивидуализации и дифференциации последующего отбывания осужденным реального наказания. Итак, исходя из положений статьи 299 УПК РФ, к каждому из них относятся.

Принцип индивидуализации уголовно-исполнительного права включает следующие основные

вопросы, разрешаемые судом при постановлении приговора: 1) подлежит ли подсудимый наказанию за совершенное им преступление; 2) имеются ли обстоятельства, его смягчающие или отягчающие; 3) какое наказание должно быть назначено подсудимому; 4) имеются ли основания для замены наказания в виде лишения свободы принудительными работами как более мягким видом наказания; 5) нуждается ли подсудимый в прохождении лечения от наркомании и медицинской и (или) социальной реабилитации в порядке, предусмотренном отечественным уголовным законодательством; 6) имеются ли основания для постановления приговора без назначения наказания, освобождения от наказания или применения отсрочки отбывания наказания; 7) какой вид исправительного учреждения и режим должны быть определены подсудимому при назначении ему наказания в виде лишения свободы; 8) должен ли суд в случаях, когда у виновного имеются специальное, воинское или почетное звание, классный чин, а также государственная награда, лишить их; 9) могут ли быть применены принудительные меры воспитательного воздействия в случаях совершения преступления несовершеннолетним лицом; 10) могут ли быть применены принудительные меры медицинского характера в случаях, предусмотренных уголовным законом Российской Федерации.

Дифференциацию как принцип уголовно-исполнительного закона России характеризуют следующие обязательные положения, разрешаемые судом при постановлении приговора: 1) доказано ли, что имело место деяние, в совершении которого обвиняется подсудимый; 2) является ли это деяние преступлением и какими пунктом, частью, статьей Уголовного кодекса Российской Федерации оно предусмотрено; 3) имеются ли основания для изменения категории преступления, в совершении которого обвиняется подсудимый, на менее тяжкую в соответствии со статьей 15 российского УК; 4) доказано ли, что имущество, подлежащее конфискации, получено в результате преступных действий или является доходами от этого имущества либо использовалось или предназначалось для использования в качестве орудия, оборудования или иного средства совершения преступления либо для финансирования терроризма, экстремистской деятельности (экстремизма), организованной группы, незаконного вооруженного формирования, преступного сообщества (преступной организации).

Процессуальные аспекты части 1 ст. 299 российского УПК, отражающие иные принципиальные положения при вынесении приговора, отражаются в третьей группе правовых основ постановления обвинительного приговора суда. В частности, мы к ним относим: 1) доказанность совершения деяния подсудимым; 2) доказанность виновности подсудимого в совершении этого преступления; 3) подлежит ли удовлетворению гражданский иск, в чью пользу и в каком размере; 4) как поступить с имуществом, на которое наложен арест для обеспечения исполнения наказания в виде штрафа, для обеспечения гражданского иска или возможной конфискации; 5) как поступить с вещественными доказательствами; 6) на кого и в каком размере должны быть возложены процессуальные издержки; 7) следует ли отменить или изменить меру пресечения в отношении подсудимого.

Отдельное положение ч. 2 ст. 299 УПК РФ отражает обязательные идеи общих начал назначения наказания, предусмотренных ст. 60 УК РФ, и при этом указывает на социально-правовую характеристику виновного в преступлении лица – совершение им нескольких уголовно-наказуемых деяний. Этот процессуальный аспект отражает принцип индивидуализации как при начальной стадии – назначении наказания, так и в последующей деятельности – отбывании наказания.

Вопрос уголовно-правовой характеристики лица, совершившего несколько преступлений, отражает его отрицательную оценку, выраженную в более суровой санкции приговора суда. Такая отрицательная характеристика, свидетельствующая о количественном показателе совершения одним и тем же лицом преступных деяний, указывает не только на совокупность преступлений, но и рецидив.

Вопрос о рецидиве преступлений как о факте неоднократного совершения преступлений одним и тем же лицом, который по положениям уголовного кодекса РФ обязательно должен учитываться судом при назначении виновному наказания. Об обязательности учета наличия судимости не снятой и не погашенной свидетельствует ст. 68 УК РФ, определяющая основные законодательные требования к судопроизводству. Положения данной нормы отражают дифференцированный подход при назначении наказания, но при этом принцип индивидуализации в ней прослеживается более глобально. К дифференциации наказания относятся характер и степень общественной опасности ранее и вновь совершенных лицом преступлений. К индивидуализации относятся: рецидивный фактор, обстоятельства, в силу которых исправительное воздействие предыдущего наказания оказалось недостаточным, наличие у осуждаемого лица исключительных обстоятельств. Особенная часть уголовно-исполнительного законодательства РФ в свою очередь обеспечивает реализацию и того, и другого принципа при исполнении (отбывании) уголовного наказания осужденным гражданином.

При постановлении судом приговора в случае совершения преступления в соучастии, мы также полагаем отнесение данной правовой ситуации к принципу индивидуализации. Объясняем это тем, что умышленная форма группового совершения преступления означает осознание каждым из виновных совершения конкретного преступления в группе с другими лицами и желание совершить его именно в такой группе.

При этом процессуальное положение ч. 3 ст. 299 УПК РФ дублирует уголовно-правовые нор-

мы о назначении наказания за преступление, совершенное в соучастии (ст. 67 УК РФ). В частности, речь идет об учете уголовно-правовой характеристики каждого деяния, лица, его совершившего и преступной роли каждого из соучастников в содеянном. Тем самым идеи процессуального и уголовного законов России реализуют принцип дифференциации.

В завершении рассматриваемого направления, отражающего межотраслевые принципы отечественного уголовно-исполнительного права, следует указать на их правовое закрепление в лишь в данном законе, в уголовном и уголовно-процессуальном российском законодательстве они хотя находят реализацию, но не правовое отражение. Такой подход законодателя следует считать односторонним в связи с тем, что положения уголовно-исполнительного закона Российской Федерации реализуют нормы предшествующих ему в уголовно-правовом поле материального и процессуального источников.

Литература

1. Безруков С.С. Реализация принципов уголовного судопроизводства до и после судебного разбирательства. Вестник Пермского университета. Вып. 3 (13). 2011. – С. 207–214.
2. Газетдинов Н.И. Сущность и значение принципов уголовного судопроизводства //Уголовное судопроизводство. 2008.– № 1. – С. 11–15.
3. Гриненко А.В. Принципы уголовного судопроизводства // Уголовный процесс: учебник для ВУЗов. М.: Норма, 2008.– 496 с.
4. Зубков А.И. Уголовно-исполнительное право России: Учеб. для вузов / Под ред. А.И. Зубкова. – М., 2006. – С. 91–93.
5. Лядов Э.В. К вопросу об общих началах назначения наказания. Ученые записки Орловского государственного университета. – № 1 (64).– 2015. – С. 253–256.
6. Малков В.П. Характер и степень общественной опасности преступления в системе общих начал назначения наказания // Российская юстиция.– 2008. – № 9. – С. 41–45.
7. Перемолотова Л.Ю. Общественная опасность как специфическое социальное качество личности осужденного. Современное состояние и пути развития уголовного права Российской Федерации: научные и учебно-методические аспекты: сб. матер. Всеросс. науч.-практ. конф., посвященной памяти профессоров В.А. Елеонского и Н.А. Огурцова, 18 мая 2018 г. – Рязань: Академия ФСИН России. – С. 153–157.
8. Уголовно-исполнительное право России: концепции в развитии: учебное пособие для вузов / В.Н. Орлов [и др.]; под редакцией В. Н. Орлова, В.Е. Эминова. – Москва: Издательство Юрайт,– 2019.– 174 с.
9. Уголовно-исполнительное право: Учебник: В 2 т. Т. 1: Общая часть/ Под ред. Ю.И. Калинина. – 2-е изд., испр. и доп. – М.; Рязань: Логос; Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний, 2006. – 444 с.
10. Уголовно-исполнительное право: Учебное пособие/Е.А. Антонян, Ю.И. Антонян, М.Л. Греков, А.Я. Гришко, В.А. Жабский, А.А. Захаров, А.И. Шилов / Под ред. докт. юридич. наук, проф. А.Я. Гришко. – М.: МосУ МВД России, 2003. – 384 с.

INTERSECTORAL PRINCIPLES OF CRIMINAL EXECUTIVE LAW IN CRIMINAL PROCEEDINGS

Kulikova O.N., Fedoskin N.N.
Saratov state law Academy

Intersectoral principles affect related areas of law. In matters of assigning criminal penalties, such branches are criminal, criminal procedure and criminal enforcement. The purpose of the work is to determine the reflection of the intersectoral principles of the criminal Executive law of the Russian Federation and their implementation in the legislation that determines the procedure for sentencing. The decision of the sentence is an aspect of procedural law, preceded by material law, which regulates the General requirements for the rules for assigning criminal penalties. The scientific material reflects the complexity of the cross-sectoral study of Russian legislation in the field of criminal justice at the stage of sentencing with the imposition of criminal punishment. The methodological basis of the work includes systematization, generalization and analysis of the current Russian inter-industry legislation, in particular, reflecting the fundamental provisions of sentencing and its subsequent serving.

Keywords: principles of law, sectoral guidelines, the sentencing, the sentence of the court, criminal proceedings.

References

1. Bezrukov S.S. Implementation of the principles of criminal proceedings before and after the trial. Bulletin of Perm University. Vol. 3 (13). 2011. – P. 207–214.
2. Gazetdinov N.I. The essence and significance of the principles of criminal proceedings // Criminal proceedings. 2008. – No. 1. – P. 11–15.
3. Grinenko A.V. The principles of criminal proceedings // Criminal process: a textbook for universities. M .: Norma,– 2008.– 496 p.
4. Zubkov A.I. Criminal Executive Law of Russia: Textbook. for universities / Ed. A.I. Zubkova. – M.,– 2006. – P. 91–93.
5. Lyadov E.V. To the question of the general principles of sentencing. Scientific notes of Oryol State University. – No. 1 (64).– 2015. – P. 253–256.
6. Malkov V.P. The nature and degree of public danger of a crime in the system of general principles of sentencing // Russian Justice.– 2008. – No. 9. – P. 41–45.
7. Peremolotova L.Yu. Social danger as a specific social quality of a convicted person. The current state and development of criminal law of the Russian Federation: scientific and educational aspects: Sat. Mater. All-Russian. scientific-practical Conf., dedicated to the memory of professors V.A. Eleonsky and N.A. Ogurtsova, May 18, 2018 – Ryazan: Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia. – P. 153–157.
8. Criminal executive law of Russia: concepts in development: a textbook for universities / V.N. Orlov [et al.]; edited by V.N. Orlov, V.E. Eminova. – Moscow: Yurayt Publishing House,– 2019. – 174 p.
9. Criminal executive law: Textbook: In 2 vol. T. 1: General part / Ed. Yu.I. Kalinin.– 2nd ed., Rev. and add. – M .; Ryazan: Logos; Academy of Law and Administration of the Federal Penitentiary Service,– 2006.– 444 p.
10. Criminal Executive Law: Textbook / E.A. Antonyan, Yu.I. Antonyan, M.L. Grekov, A.Ya. Grishko, V.A. Zhabsky, A.A. Zakharov, A.I. Shilov / Ed. Doct. legal sciences, prof. AND I. Grishko. – M.: Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia,– 2003.– 384 p.

Применение метода анкетирования в криминологии на примере изучения мнения осужденных об эффективности воспитательной работы с ними

Черехович Максим Михайлович,
аспирант ФГБОУ ВО «Московский государственный областной университет»
E-mail: mcherekhovich@gmail.com

В статье рассматривается методика криминолого-социологического исследования (анкетирования), этапы подготовки исследовательского инструментария, сбора, обработки результатов анкетирования. Объектом исследования стало анкетирование как метод сбора информации об осужденных мужского пола, отбывающих наказание в исправительных колониях (кроме осужденных пожизненно). Предмет исследования – методы определения численности и репрезентативности выборки, обеспечения достоверности результатов анкетирования указанной категории респондентов. Цель исследования – методологическое обоснование методов анкетирования осужденных, сбора полученных результатов.

Ключевые слова: анкетирование, генеральная совокупность, выборка, осужденный, лишение свободы.

Совершенно справедливо, что криминология относится к числу тех наук, которые не могут развиваться, а следовательно, и просто существовать без убедительного эмпирического материала [1, с. 6]. Криминологическое исследование без эмпирической базы не служит на пользу науке, а зачастую лишь направлено на удовлетворение тщеславия и амбиций ученых, переписывающих почтенные труды друг друга [2, с. 69].

Главная цель уголовно-исполнительного законодательства – исправление осужденных, способы ее достижения непрестанно совершенствуются. Уголовно-исполнительный кодекс РФ (УИК РФ) с момента своего принятия подвергся сотням изменений. В уголовно-исполнительной системе (УИС) принята концепция развития до 2020 г., в настоящее время готовится проект Концепции развития УИС до 2030 г., ежегодно издается множество нормативных актов федерального и субъектного уровней и т.д. Это предполагает необходимость исследования происходящих процессов, влияния их на главный объект исправительно-воспитательного воздействия – осужденного.

Чаще всего в этих целях используются социологические методы. Наиболее популярным из них является анкетирование, прежде всего, ввиду его доступности, и как метод, позволяющий обеспечить массовый сбор материала среди большого числа респондентов за сравнительно короткий промежуток времени в отсутствие исследователя. В настоящее время в социологии существуют самые разнообразные подходы к методам сбора, обработки и интерпретации данных анкетирования [3, с. 181].

Одной из главных особенностей анкетирования специфического контингента респондентов – осужденных – является повышенная вероятность получения недостоверных результатов. Каждый осужденный, отвечая на вопросы даже анонимного опросника, надеется создать о себе лучшее впечатление, поскольку главная цель большинства – условно-досрочное освобождение, а значит, респондент видит необходимость в том, чтобы убедить окружающих в позитивных изменениях личности, мнимых или реальных – неважно.

В этой связи можно, конечно, воспользоваться предложенным Д.С. Горбатовым методом повышения достоверности результатов анкетирования путем введения дополнительных повторяющихся вопросов либо вопросов, сформулированных диаметрально противоположными друг другу [4, с. 134]. Но согласимся с А.Н. Кокоревой в том, что такой подход, во-первых, значительно удлиня-

ет опросный лист, во-вторых, увеличивает время ответа, а в-третьих, снижает мотивацию респондента [3, с. 181]. Прав также W. Cochran, говоря, что в таком случае многие ответы исследователем просто не анализируются [5, с. 5]. Поэтому нам видится наиболее эффективным предложенный Г.Х. Валеевым, М.К. Карповой, О.С. Кошевым и другими учеными подход к повышению достоверности анкетирования, основанный на принципе «чем больше лиц опрошено, тем достовернее результат опроса» [6, с. 59; 7, с. 99].

Разработанная нами анкета состоит из двух частей: инструктивного раздела и собственно анкетного листа (опросника). Инструктивный раздел включает наименование анкеты, указание на количество вопросов, цель анкетирования, анонимность. При подготовке анкетного листа мы руководствовались общими требованиями к композиции анкеты.

Анкетный лист структурно разделен на три части: классификационная часть (№№ 1–10 и 38–43)[1], содержащая социально-демографические и специфические профессионально-классификационные сведения о респондентах с учетом особенностей обследуемого контингента (№№ 3–7); информативная часть (№№ 11–37) и заключительная часть, в которой выражена благодарность за участие в опросе.

Вопросник содержит следующие вопросы: 1) Ваш возраст (лет): а) 18–20; б) 21–29; в) 30–39; г) 40–49; д) 50–59; е) старше 60. 2) Ваше образование: а) не имею начального; б) начальное; в) неполное среднее; г) среднее общее; д) среднее профессиональное (ПТУ); е) среднее специальное (техникум, колледж); ж) незаконченное высшее; з) высшее; и) ученая степень. 3) а) убийство; б) причинение тяжкого вреда здоровью; в) хулиганство; г) преступление в сфере наркотиков; д) кража; е) грабеж, разбой; ж) растрата, хищение, присвоение; з) коррупционное преступление; и) иное. 4) Срок лишения свободы, на который Вы осуждены: а) до 5 лет; б) 5–10 лет; в) 10–15 лет; г) свыше 15 лет. 5) Фактически отбытый срок лишения свободы: а) до 5 лет; б) 5–10 лет; в) 10–15 лет; г) свыше 15 лет. 6) Как давно Вы находитесь в данном ИУ: а) менее 1 года; б) 1–3 года; в) 3–5 лет; г) 5–10 лет; д) свыше 10 лет. 7) Количество судимостей: а) ранее не привлекался к уголовной ответственности; б) ранее 1 раз привлекался к уголовной ответственности; в) ранее 2 раза привлекался к уголовной ответственности; г) ранее 3 и более раз привлекался к уголовной ответственности. 8) Место постоянного проживания до осуждения: а) город; б) районный центр; в) областной центр; г) сельская местность; д) без определенного места жительства. 9) Семейное положение: а) состою в зарегистрированном («официальном») браке; б) состою в незарегистрированном («неофициальном») браке; в) не состою в браке. 10) Наличие детей: а) есть; б) нет. 11) При поступлении в ИУ с Вами проводилась воспитательная работа (беседа, иные мероприятия воспитательного характера): а) да; б) нет. 12) Где с Вами проводилась воспитательная работа: а) в карантинном отделении; б) в другом месте. 13) Содержание проведенной воспитательной работы (о чем говорили) (допускается несколько вариантов ответа): а) о семье; б) о сроке наказания; в) о порядке отбывания наказания и поведении в ИУ; г) о поведении после освобождения; д) смогу ли я вновь совершить преступление; е) о трудоустройстве после освобождения; ж) о другом. 14) В ходе бесед обсуждали ли сотрудники ИУ с Вами вопросы Вашего семейного воспитания: а) да; б) нет; в) обсуждали, но очень редко. 15) В ходе бесед обсуждали ли сотрудники ИУ с Вами вопросы отношения к Вам родителей: а) да; б) нет; в) обсуждали, но очень редко. 16) Часто ли обсуждаются с Вами вопросы трудоустройства после освобождения: а) да; б) нет; в) в этом нет необходимости; г) обсуждали, но очень редко. 17) Обсуждались ли с Вами отношения с другими осужденными: а) да; б) нет; в) обсуждались, но очень редко. 18) Обсуждались ли с Вами причины совершенного преступления: а) да; б) нет; в) обсуждались, но очень редко. 19) Обсуждался ли с Вами вопрос о том, как больше не совершать преступления: а) да; б) нет; в) обсуждался, но очень редко. 20) Убеждали ли Вас сотрудники ИУ в том, что Вы выбрали неверную линию жизни: а) да; б) нет; в) убеждали, но очень редко. 21) Говорили ли Вам, как вести себя в будущем, какой образ жизни избрать: а) да; б) нет; в) говорили, но очень редко. 22) Если на вопросы № 20 или № 21 Вы ответили «нет», переходите к вопросу № 25. Если на вопросы № 20 или № 21 Вы ответили «да», то смогли ли проведенные беседы убедить Вас в необходимости изменить образ жизни, поведение и т.д.: а) да; б) нет; в) не очень убедили. 23) Предлагали ли сотрудники ИУ в беседах с Вами самому осмыслить прожитую жизнь: а) да; б) нет. 24) Как часто с Вами проводятся воспитательные работы: а) очень часто (более 2 раз в неделю); б) часто (1 раз в неделю); в) не очень часто (1 раз в две недели); г) редко (1 раз в месяц); д) очень редко (1 раз в несколько месяцев); е) не проводятся. 25) Продолжительность воспитательных бесед: а) 5–15 минут; б) 15–30 минут; в) 30 минут – 1 час; г) другое время. 26) В ходе воспитательной работы Вам оказывается помощь в личных вопросах: а) да; б) нет. 27) Как Вы думаете, после освобождения из ИУ у Вам могут возникнуть проблемы: а) с трудоустройством; б) с жильем; в) с семьей, с устройством личной жизни; г) иные проблемы; д) проблемы не возникнут. 28) Какие виды воспитательных работ с Вами проводятся ИУ: а) беседа; б) культурно-просветительские мероприятия (лекции, обучающие программы, религиозное просвещение и т.п.); в) спортивные мероприятия (спартакиады, соревнования и т.п.); г) иное. 29) Какие вопросы Вам приходилось решать в ИУ: а) вопросы, связанные с приговором (обжалование и т.п.); б) получение денежных выплат (пособия, пенсии

[1] Здесь и далее в скобках указаны порядковые номера вопросов анкеты.

и т.п.); в) получение информации из муниципальных и государственных органов власти; г) получение наследства; д) выдача доверенности другому лицу; е) иное. 30) Помогала ли администрация ИУ наладить связь с семьей: а) да; б) нет; в) я не хочу иметь семью; г) помогала, но не очень. 31) Какие сотрудники ИУ чаще всего Вам оказывали помощь в решении этих вопросов (допускается несколько вариантов ответа): а) начальник отряда; б) начальник воспитательного отдела; в) начальник отдела режима; г) начальник оперативного отдела; д) иные лица из числа сотрудников ИУ. 32) Вы остались довольны решением Ваших вопросов: а) да; б) не совсем; в) нет. 33) Как Вы считаете, необходимо ли проведение воспитательной работы с осужденными в ИУ: а) да; б) нет; в) скорее, да; г) скорее, нет; д) затрудняюсь ответить. 34) Как Вы оцениваете качество проводимой с осужденными воспитательной работы: а) очень хорошо; б) хорошо; в) плохо; г) очень плохо. 35) Знаете ли Вы правила внутреннего распорядка ИУ: а) да; б) знаю достаточно; в) плохо знаю; г) не знаю. 36) Каким образом Вы узнали о правила внутреннего распорядка ИУ: а) от сотрудника воспитательного отдела ИУ; б) от сотрудника оперативного отдела ИУ; в) от сотрудника отдела режима; г) от начальника отряда; д) из наглядной информации в ИУ (стенды); е) от других осужденных; ж) от иных лиц. 37) Кто чаще проводит с Вами работу воспитательного характера: а) начальник отряда; б) начальник воспитательного отдела; в) психолог; г) другие сотрудники ИУ. 38) Применялись ли к Вам меры дисциплинарного взыскания: а) да; б) нет. 39) Если да, то сколько раз применялись к Вам меры дисциплинарного взыскания: а) 1; б) 2–3; в) 3–5; г) более 5. 40) Какие меры дисциплинарного взыскания к Вами применялись: а) выговор; б) дисциплинарный штраф; в) водворение в штрафной изолятор; г) перевод в одиночную камеру; д) перевод в помещение камерного типа; е) перевод в единое помещение камерного типа; ж) иные меры дисциплинарного взыскания (указать, какие именно). 41) Применялись ли к Вам меры поощрения: а) да; б) нет. 42) Если да, то сколько раз применялись к Вам меры поощрения: а) 1; б) 2–3; в) 3–5; г) более 5. 43) Какие меры поощрения к Вам применялись: а) благодарность; б) награждение подарком; в) денежная премия; г) разрешение на получение дополнительной посылки или передачи; д) предоставление дополнительного краткосрочного или длительного свидания.

Ряд вопросов информативной части содержит включенные в текст инструктивные указания, адресованные респондентам: указание на периодичность проведенной воспитательной работы для облегчения выбора подходящего ответа (№ 24); указание на технику заполнения анкеты в зависимости от ответов на предыдущие вопросы (№ 22); указание на возможность выбора нескольких вариантов ответа (№ 31).

Композиция классификационной части определена задачами исследования и логикой исследования личности обследуемого. Выстроена схема: демографические признаки – отношение: к администрации ИУ, воспитательному воздействию, социальным ценностям – дисциплинарные показатели. Разделение классификационной части на два блока, помещенных в начале и конце опросника, выполнен сознательно в методических целях, в частности, для отделения смысловых блоков анкеты и для отделения группы сложных вопросов информативной части анкеты, простым («разгрузочным») ее завершением.

При определении цели и средств, используемых при разработке анкеты, сначала необходимо ответить на следующие вопросы: к получению каких данных мы стремимся? Какой необходим уровень точности? Как обеспечить репрезентативность выборки?

Целью анкетирования стало изучение мнения осужденных об эффективности организации исправительной работы с ними. Первым этапом разработки анкеты стало определение ее содержания.

По данным Генпрокуратуры РФ 58,1% преступлений совершено лицами, ранее совершавшими преступления. Это позволяет предположить наличие существенных недостатков в исправлении осужденных, достигаемом в числе прочих средств воспитательной работой (ст. 109 УИК РФ). Данное предположение было выражено в ряде вопросов, направленных на получение сведений о результатах и условиях воспитательного процесса в местах лишения свободы, отношении осужденных к этому процессу, признаках его (не)эффективности.

При ответе на ряд вопросов помимо мнения респондента нас интересовала также интенсивность данного мнения, поэтому в некоторых случаях нами были предложены варианты ответов, представляющие шкалу оценок (например, №№ 24, 33, 34). Данное условие предоставляет возможность применения количественно-качественных методов анализа полученной информации, выявление взаимосвязи различных факторов воспитательной работы с осужденными.

Вопросы №№ 10, 11, 12, 23, 26, 38, 41 являются дихотомичными по своей форме, не пересекающимися или слабо пересекающимся с другими вопросами. Остальные – вопросы с множественным выбором. За исключением вопросов №№ 3, 28, 29, 40 и 43 все являются закрытыми.

Вопросы №№ 11–31 построены по принципу воронки, в которой последовательность вопросов направлена на выяснение количественно-качественных показателей воспитательной работы с осужденными в ИУ (кто проводит, как часто, какие виды воспитательной работы проводятся, характер этой работы и т.п.). Вопросы №№ 32–37 построены по аналогичному принципу. Их цель – выяснение отношения респондента проводимой с ним воспитательной работе, восприимчивости к ней, степени удовлетворенности ею, источникам информированности, субъективная оценка ее качества. Во взаимосвязи со вторым блоком класси-

фикационной части (№№ 38–43) данные, полученные при ответах на вопросы №№ 11–37, позволят определить содержание и объем воспитательной работы с осужденными, субъектов такой работы. Путем сопоставления этих данных с демографическими признаками мы надеемся получить сведения об интенсивности и эффективности воспитательной работы с различными категориями осужденных, зависимости этой работы от совершенного преступления, социального положения, демографических показателей, в частности, семейного положения и наличия детей, количества судимостей и др. Также нас интересует «отклик» осужденного на проводимую с ним воспитательную работу в период отбывания наказания в виде лишения свободы. Зависимость этого «отклика» от степени социализации осужденного, в частности, наличия семьи, уровня образования, количества судимостей и т.д.

Вопросы анкеты были предварительно апробированы на небольшой группе испытуемых (20 человек). Целью апробации было обеспечение валидности анкеты; определение четкости и ясности изложения вопросов; исключение неточностей, формулировок, затрудняющих понимание смысла текста и, следовательно, снижающих достоверность полученных ответов; максимально возможное исключение влияния предшествующих вопросов на последующие; первичная обработка результатов.

Как было отмечено выше, анкетирование не является методом, гарантирующим достоверность результатов, поэтому в анкету, в качестве первого уровня обеспечения достоверности результатов были включены вопросы, сопоставление которых с информацией объективного характера (прежде всего официальными статистическими данными) позволяет экстраполировать достоверность полученных данных на всю совокупность обследованных респондентов. Так, данные о возрасте, образовательном уровне, статье осуждения, сроке наказания, количестве судимостей (№№ 1–7), могут быть сопоставлены с официальными данными Росстата, Судебного департамента при Верховном суде РФ, ФСИН, МВД.

По статистике ФСИН, МВД и Росстата за 2018–2019 гг. лица в возрасте 26–55 лет составляют около 85% от общего количества осужденных мужчин. С учетом несколько иного шкалирования возрастных групп нами в отношении лиц 21–59 лет получены сходные данные – 91,3%. Количество осужденных мужчин старше 60 лет составляет 2,05%. Нами получены сопоставимые данные – 2,5%. По данным ФСИН на 2018 г. осужденные мужчины, отбывающие наказание в виде лишения свободы, по уровню образования и семейному положению разделены следующим образом: не имеют образования 1,7% (по данным нашего исследования – 1,07%), 30% состоят в браке (по нашим данным – 28%). Также нами получены сходные данные об уровне рецидивной преступности – более 50%. Сравнение этих и других социально-демографических параметров выборки и генеральной совокупности, наличие сопоставимости официальных данных и данных, полученных в ходе анкетирования осужденных, позволяет считать выборку репрезентативной [8, с. 62; 9].

Другим уровнем обеспечения достоверности результатов опроса стали методологические принципы отбора. Мы стремились к максимальному приближению выборочных характеристик генеральной совокупности, для чего необходимо было определить тип выборки, определить ее размеры и провести оценку качества (точности) выборки [10]. Для решения этих задач использованы следующие правила: простая случайная выборка (простой рандомизированный бесповторный отбор, использованный в связи с тем, что единица наблюдения и учетная единица совпадают, предварительное расположение единиц в каком-либо порядке невозможно и нецелесообразно; формирование выборки вероятностным (случайным) образом позволяет сформировать обоснованные выводы о точности и достоверности выполненного исследования) [7, с. 99] при наличии равной для каждого респондента возможности попадания в выборку; достаточный объем (численность) выборочной совокупности; осуществление выбора из всех частей изучаемой совокупности (№№ 1–3, 7–10) вне зависимости от цели и задач анкетирования.

Для определения требуемого уровня точности и обеспечения репрезентативности выборки был сделан обзор предлагаемых в социологической науке методов расчета оптимального объема выборки [11]. С практической точки зрения более удобной является зависимость, связывающая объем выборки с объемом генеральной совокупности [7, с. 101], что позволяет обеспечить возможность экстраполяции полученных результатов опроса на всю генеральную совокупность с высокой долей точности. Формулы и таблицы расчета необходимой численности выборки из генеральной совокупности содержатся в работах отечественных [12, с. 100; 13, с. 30; 14, с. 47–58] и зарубежных авторов [5, p. 72–85; 15]. Нами использована составленная Дж.Б. Мангеймом и Р.К. Ричем таблица определения размера выборки при известной численности генеральной совокупности [16, с. 516] (по состоянию на 01.01.2019 г. генеральная совокупность составила 276599 совершеннолетних мужчин, отбывающих наказание в исправительных колониях. В совокупность не вошли: лица, содержащиеся в колониях-поселениях (33909 чел.); в исправительных колониях для осужденных к пожизненному лишению свободы (2029 чел.); в следственных изоляторах и помещениях, функционирующих в режиме следственного изолятора при исправительных колониях (100722 чел.); в тюрьмах (1212 чел.); в воспитательных колониях для несовершеннолетних (1309 чел.); женщины (45143 чел.) [17]). Доверительный интервал в нашем случае составил 95%, что считается достаточной степенью достоверности результата в социологиче-

ских исследованиях [18, с. 101]. Предельная ошибка выборки задана на уровне 5% [7, с. 100]. Таким образом, минимальный объем выборки должен составлять 384–400 человек. В рамках нашего исследования данный показатель намеренно был превышен в 2,5 раза в целях сохранения репрезентативности выборки и достоверности результатов исследования в случае исключения некоторой части анкет как недостоверных. Всего нами была опрошена 1000 осужденных, отбывающих наказание в виде лишения свободы.

При определении недостоверности мы руководствовались следующими критериями оценки: отсутствие 25% ответов, наличие в ответах респондентов взаимоисключающих вариантов, неадекватность ответов, свидетельствующих о непонимании респондентом сути вопроса, неразборчивость записей респондентов, большое количество исправлений в ответах (более 15% в одном опросном листе). Также был использован метод экспертных оценок при выявлении неискренности в ответах респондентов на основе различных признаков, например, при выявлении очевидных признаков заполнения анкеты одним лицом (совпадение почерка, графических символов, отсутствие интенсивности изменений ответов в ряде последовательно расположенных анкетных листов (например, нами были исключены 11 опросных листов на основании того, что вопросы №№ 1–11 совпадали полностью, в т.ч. по уровню образования респондента) и т.п.). Для выявления ситуативной лжи, проявлений «социальной желательности» были сопоставлены результаты опроса осужденных, отбывающих наказание в исправительных колониях различных субъектов РФ[1], при этом осужденные были предварительного сгруппированы по таким признакам, как возраст, образование, семейное положение, количество судимостей.

В ходе исследования респонденты, отвечая на вопросы анкеты, не должны были испытывать повышенную тревожность и беспокойство, поскольку находились в стандартных для себя условиях, при заполнении анкеты не присутствовал ни интервьюер, ни сотрудник исправительного учреждения (ИУ), экспериментальные условия в ходе опроса не изменялись.

Из числа полученных анкет 258 были исключены из анализа как недостоверные, оставшиеся 742 анкеты превысили минимальный порог численности выборки в 1,9 раза.

Заключительным этапом исследования стали обработка и анализ, интерпретация полученных результатов анкетирования. Наши задачи могут быть решены с помощью стандартных программных средств, поэтому для обработки информации была использована прикладная программа Excel. Выбор обусловлен простотой использования данной программы, возможностью настройки фильтров анализа, сортировки и корректировки данных. На первом этапе обработки данные каждой анкеты, признанной достоверной, были сформированы на отдельном листе в форме таблицы, где каждый столбец соответствовал порядковому номеру анкеты и содержал неповторяющиеся подклассы (варианты ответов). Открытые вопросы анализировались отдельно. Статистическая обработка результатов проведена с использованием методов кросстабуляции (для объединения распределения частот значения двух или больше переменных в одну сводную таблицу Excel), дискриминантного анализа (для определения признаков, отличающих выбранные объекты друг от друга); для анализа структуры множества признаков и выявления обобщенных факторов использован метод факторного анализа; для анализа структуры множества объектов и их классификации – метод кластерного анализа.

Большинство признаков анкеты носят нечисловой характер. Использование объектов нечисловой природы продиктовано стремлением получить более объективную, освобожденную от погрешностей информацию, поскольку человек правильнее (и с меньшими затруднениями) отвечает на вопросы качественного, нежели количественного, характера [19, с. 61]. Для их обработки использована операция типизации. Например, при ответе на вопрос № 13 было выделено 16 различных вариаций ответов (подклассов), т.е. произведено обобщение, если респондент давал не один, а несколько ответов. Множественные ответы требуют разделения исследуемого признака на несколько признаков, для обработки которых применяется многошаговая типизация. Сначала проводится типизация по первому ответу, затем по второму и т.п. На каждом шаге программа выполняет действия, аналогичные требуемым для одношаговой типизации. Исправления, внесенные в данные на каждом шаге типизации, возвращаются в исходный столбец таблицы данных [20, с. 54]. Такой подход позволил исключить нежелательную вариативность при построении ряда признаков анкеты.

Также использовались методы процентного соотношения (для вопросов, где требовалось выбрать ответ из предложенных вариантов) и усредненной оценки (для вопросов, где требовалось определить степень значимости). На этом этапе статистическая обработка по каждому классификационному признаку производилась отдельно (например, возраст) или по группам признаков (возраст и образование, количество судимостей и содержание воспитательной работы и т.д.), исходя из целей и задач исследования.

Таким образом, имеющаяся проблема (высокий уровень рецидивной преступности) обусловила потребность в получении необходимой информации о некоторых аспектах воспитательной работы с осужденными в местах лишения свободы, в том числе о субъективном восприятии осужденными эффективности этой работы. В качестве оптимального метода исследования было выбрано анкетирование. Установлен размер генеральной совокупности, на основании которой с использо-

[1] Исследование проведено в 9 исправительных колониях Владимирской и Рязанской областей.

ванием социологических методов отбора определен размер выборки (400 человек) и ее тип (простая случайная бесповторная). Заданный доверительный интервал и предельная ошибка выборки определены по таблицам и характеризуются достаточной степенью достоверности для искомого результата анкетирования. Проблема достоверности результатов анкетирования не могла быть полностью решена ввиду специфичности самого метода исследования, однако были предприняты меры проверки и контроля достоверности путем сопоставления ряда полученных данных с объективными показателями. Их соотношение позволит определить наличие аргументов в пользу оценки надежности полученных результатов.

В целом можно считать, что использованная методика анкетирования, разработанная анкета позволяют собрать для дальнейшего криминологического анализа необходимую информацию о субъективном восприятии осужденными эффективности воспитательной работы, проводимой с ними в период отбывания наказания в виде лишения свободы.

Литература

1. Антонян Ю.М. Особо опасный преступник. – М.: Проспект, 2019. – 312 с.
2. Антонян Ю.М. Наука криминология: монография. – М.: Юрлитинформ, 2015. – 376 с.
3. Кокорева Н.А. Применение метода анкетирования в практической психологии на примере исследования эффективности использования научно-лабораторного оборудования в начальных классах // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия «Психология». – 2015. – № 1 (17). – С. 180–187.
4. Горбатов Д.С. Методы психологического исследования: учеб. пособие. – Самара: Бахрах-М, 2000. – 196 с.
5. Cochran W.G. Sampling techniques. – 3rd edition. – New York. – 1977. – 442 p.
6. Валеев Г.Х. Методология и методы психолого-педагогических исследований: учеб. пособие для студентов 3–5-х курсов педагогич. вузов по специальности «031000 Педагогика и психология». – Стерлитамак: Стерлитамакс. гос. пед. ин-т, 2002. – 134 с.
7. Кошевой О.С., Карпова М.К. Определение объема выборочной совокупности при проведении региональных социологических исследований // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. – 2011. – № 2 (18). – С. 98–104.
8. Ильясов Ф.Н. Репрезентативность результатов опроса в маркетинговом исследовании // Социологические исследования. – 2011. – № 3. – С. 112–116.
9. Ильясов Ф.Н. Алгоритмы формирования выборки социологического опроса // Социальные исследования. – 2017. – № 2. – С. 60–75.
10. Дембицкий С.С. Основы построения выборки в различных типах исследования. – [Электронный ресурс]. – URL: http://soc-research.info/principles/6.html (дата обращения: 15.10.2019).
11. Койчубеков Б.К., Сорокина М.А., Мхитарян К.Э. Определение размера выборки при планировании научного исследования // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. – 2014. – № 4. – С. 71–74.
12. Абабкова М.Ю. Маркетинговые исследования и ситуационный анализ. Поведение потребителей: учеб. пособие. – СПб: Изд-во Политехнич. ун-та, 2016. – 143 с.
13. Куликова А.В. Маркетинговые исследования: учебно-методич. пособие. – Н. Новгород: Нижегородскй госуниверситет им. Н.И. Лобачевского, 2017. – 70 с.
14. Полякова В.В. Основы теории статистики: учеб. пособие. – 2-е изд., исправ. и доп. – Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2015. – 148 с.
15. Taro Y. Elementary Sampling Theory. – Englewood Cliffs, NJ: Prentice-Hall. – 1967. – 398 p.
16. Мангейм Дж.Б., Рич Р.К. Политология. Методы исследования: Пер. с англ. / Джарол Б. Мангейм, Ричард К. Рич; [Вступ. ст. А.К. Соколова]. – М.: Весь мир, 1997. – 542 с.
17. ФСИН России [сайт]: Краткая характеристика уголовно-исполнительной системы. – [Электронный ресурс]. – URL: http://фсин.рф/structure/inspector/iao/statistika/Kratkaya%20harka%20UIS/ (дата обращения: 25.05.2019).
18. Антонов Г.В. Выборочный метод в социологических исследованиях // Научный диалог. – 2013. – № 11 (23). – 96–109.
19. Орлов А.И. Нечисловая статистика. – М.: МЗ-Пресс, 2004. – 513 с.
20. Мартышенко С.Н., Мартышенко Н.С. Методы обработки нечисловых данных в социально-экономических исследованиях // Вестник Тихоокеанского государственного экономического университета. – 2006. – № 4. – С. 48–57.

APPLICATION OF THE QUESTIONNAIRE METHOD IN CRIMINOLOGY BY THE EXAMPLE OF STUDYING THE OPINIONS OF CONVICTS ABOUT THE EFFECTIVENESS OF EDUCATIONAL WORK WITH THEM

Cherekhovich M.M.
Moscow State Regional University

The article considers the methodology of the criminal-sociological research (questionnaire), the stages of preparation of research tools, collection and processing of the survey results. The object of the study was a questionnaire as a method of collecting information about male convicts serving their sentences in correctional colonies (except for those convicted for life). The subject of the research is the methods of determining the number and representativeness of the sample, ensuring the reliability of the results of the survey of this category of respondents. The purpose of the study is a methodological justification of the survey of convicts, methods of collecting the results.

Keywords: questionnaire, general population, sample, convicted, imprisonment.

References

1. Antonyan Yu.M. A particularly dangerous criminal. – M.: Prospect, 2019. – 312 p.
2. Antonyan Yu.M. Science criminology: monograph. – M.: Yurlitinform, 2015. – 376 p.
3. Kokoreva N.A. The application of the questionnaire method in practical psychology as an example of researching the effectiveness of using scientific and laboratory equipment in elementary grades // Bulletin of the Samara Humanitarian Academy. Series "Psychology". – 2015. – No. 1 (17). – P. 180–187.
4. Gorbatov D.S. Methods of psychological research: textbook. allowance. – Samara: Bahrakh-M, 2000. – 196 p.
5. Cochran W.G. Sampling techniques. – 3rd edition. – New York. – 1977. – 442 p.
6. Valeev G.Kh. Methodology and methods of psychological and pedagogical research: textbook. allowance for students of 3–5 courses pedagogical. universities in the specialty "031000 Pedagogy and Psychology". – Sterlitamak: Sterlitamax. state ped Institute, 2002. – 134 p.
7. Koshevoj O.S., Karpova M.K. Determining the size of the sample when conducting regional sociological research // News of higher educational institutions. Volga region. – 2011. – No. 2 (18). – P. 98–104.
8. Ilyasov F.N. The representativeness of the survey results in marketing research // Sociological studies. – 2011. – No. 3. – P. 112–116.
9. Ilyasov F.N. Algorithms for the formation of a sample of a sociological survey // Social Research. – 2017. – No. 2. – P. 60–75.
10. Dembitsky S.S. The basics of sampling in various types of research. – [Electronic resource]. – URL: http://soc-research.info/principles/6.html (accessed: 10/15/2019).
11. Koichubekov B.K., Sorokina M.A., Mkhitaryan K.E. Determining the sample size when planning a scientific research // International Journal of Applied and Fundamental Research. – 2014. – No. 4. – P. 71–74.
12. Ababkova M.Yu. Marketing research and situational analysis. Consumer Behavior: Textbook. allowance. – SPb: Publishing house Polytechnic. University, 2016. – 143 p.
13. Kulikova A.V. Marketing research: educational-methodical. allowance. – N. Novgorod: Nizhny Novgorod State University. N.I. Lobachevsky, 2017. – 70 p.
14. Polyakova V.V. Fundamentals of the theory of statistics: textbook. allowance. – 2nd ed., Rev. and add. – Yekaterinburg: Publishing House of the Ural University, 2015. – 148 p.
15. Taro Y. Elementary Sampling Theory. – Englewood Cliffs, NJ: Prentice-Hall. – 1967. – 398 p.
16. Mannheim J.B., Rich R.K. Political science. Research Methods: Per. from English / Jarol B. Mannheim, Richard C. Rich; [Entry. Art. A.K. Sokolova]. – M.: The whole world, 1997. – 542 p.
17. Federal Penitentiary Service of Russia [site]: Brief description of the penal system. – [Electronic resource]. – URL: http: //fsin.rf/structure/inspector/iao/statistika/Kratkaya%20har-ka%20UIS/ (accessed: 05.25.2019).
18. Antonov G.V. The selective method in sociological research // Scientific dialogue. – 2013. – No. 11 (23). – 96–109.
19. Orlov A.I. Non-numeric statistics. – M.: MZ-Press, 2004. – 513 p.
20. Martyshenko S.N., Martyshenko N.S. Non-numerical data processing methods in socio-economic research // Bulletin of the Pacific State Economic University. – 2006. – No. 4. – P. 48–57.

Прогнозирование правовых рисков для национальной безопасности государств – членов ЕАЭС в условиях ограничений формирования и развития «зон знаний»

Агамиров Карэн Владимирович,
кандидат юридических наук, доцент, старший научный сотрудник сектора философии права, истории и теории государства и права, институт государства и права РАН
E-mail: agamirow@yandex.ru

«Зона знаний» ЕАЭС в представлении автора настоящей статьи представляет собой итог интеллектуальной деятельности по конструированию, стратификации и сосредоточению в физическом и виртуальном измерении нематериальных коммерческих или некоммерческих продуктов, подпадающих под правовую защиту как объекты интеллектуальной собственности. В статье исследуются правовые риски для национальной безопасности входящих в евразийский конгломерат образований, связанные с наличием ограничений функционирования «зоны знаний» и обусловленные, с одной стороны, их сотрудничеством и взаимопомощью при создании коллективных интеллектуальных продуктов и, с другой, соперничеством при использовании последних в интересах своих государств.

Ключевые слова: правовые риски, национальная безопасность, «зона знаний» ЕАЭС, система «зоны знаний» ЕАЭС, ограничения формирования и развития «зоны знаний» ЕАЭС, глобализация, евразийская интеграция, гармонизация законодательства ЕАЭС, охрана интеллектуальных прав, доступ к персональным данным, регулирование административно-правовых режимов.

Интеллектуальные продукты «зоны знаний» ЕАЭС в качестве основы производственных инноваций материализуются в изобретениях, полезных моделях, рационализаторских предложениях и прочих объектах промышленной собственности, литературно-художественных произведениях и средствах индивидуализации участников гражданского оборота товаров и услуг. Таким образом, речь идет о теоретической (духовной) и практической (материальной) компонентах «зоны знаний», которые взаимопроникают друг в друга и обеспечивают трансформацию интеллектуального (гуманитарного) капитала в промышленные технологии в качестве стратегической детерминанты политического, социально-экономического и культурного развития национальных государств[1]. Интеллектуальный капитал «зоны знаний», в свою очередь, состоит из человеческого и структурного капиталов. Первый является неотчуждаемой от личности системой знаний, практических способностей и творческих навыков людей, предназначенной для выполнения текущих задач, и включает в себя присущие им нравственный потенциал, культуру трудовых отношений и стремление трудиться на благо общего дела, а специфика второго капитала «зоны знаний» заключается в неотделимых от компании и принадлежащих ей программном и техническом обеспечении, организационных конструктах, торговых марках и патентах, обозначающих звенья механизма реализации исполнителями производственного резерва, и знаменует существование целостной системы взаимоотношений между компанией и клиентами[2].

Применяя данные постулаты к созданию единой «зоны знаний» в масштабах международных экономических интеграционных процессов на уровне интеграционных учреждений государств и к одному из их образований в лице Европейского экономического союза, можно вывести, что состязательный и в то же время привлекательный для всех членов интеграционного объе-

Статья подготовлена в рамках гранта РФФИ № 18–29–15014 «Эффективность правового регулирования процессов формирования «зоны знаний» интеграционных объединений государств (на примере сравнительно-правового исследования ЕС и ЕАЭС)».

[1] См.: Агамиров К.В. Роль юридического прогнозирования в становлении и функционировании правовых основ системы «зоны знаний» интеграционных объединений государств на примере Евразийского экономического союза (ЕАЭС) // Государство и право. 2019. № 7. С. 9.

[2] См.: Эдвинссон Л., Мэлоун М. Интеллектуальный капитал: определение истинной стоимости компании // Новая постиндустриальная волна на Западе: Антология. М., 1999. С. 434.

динения орган невозможен исключительно на основе классических средств интеграции в виде межправительственных договоров, соглашений о кооперационных поставках, разделе продукции и т.д. Он будет жизнеспособным лишь с использованием интеграционных инструментов на основе формирования национального инновационного пространства[1]. Таким образом, юридическая база «зоны знаний» европейского интеграционного образования в виде комплекса обязательных и рекомендательных правовых норм (деклараций, договоров, соглашений, технических регламентов, правил, стандартов и пр.), действующих в странах-членах интеграционного союза и образующих нормативно-правовую базу Таможенного союза, Единого экономического пространства (ЕЭП) и евразийской интеграции, следует дополнить законодательными регламентациями инновационного характера, способствующими сбалансированной макроэкономической, конкурентной и бюджетной политике; модернизации законодательства Европейского экономического союза в области трансформации рынка труда, капиталов, товаров и услуг, проведения единой внешнеторговой политики; совершенствованию нормативно-правовой базы функционирования энергетических, транспортных и телекоммуникационных сетей; правовому обеспечению функционирования высших органов ЕАЭС и Суда Союза; корректировке и унификации законодательств стран-участниц и пр[2]..

Автор определяет систему «зоны знаний» ЕАЭС как органическое единство политической, экономической, социокультурной и информационной сфер, фиксирующих соответственно общее политическое, экономическое, социокультурное и информационное пространство на уровне результатов деятельности межгосударственных объединений; транснациональных корпораций и политических организаций; кооперации и интеграций учреждений и предприятий; общих правотворческих и правоприменительных органов.

Правовые риски представляют собой вероятные и устойчивые (повторяющиеся) нежелательные отклонения от правовых моделей и правовых регуляторов[3] в законотворчестве, политико-правовой, экономико-правовой, социально-правовой сферах, сферах общественной безопасности, культуры и духовной жизни общества, правореализации и правового поведения, глобализационных процессах[4]. В связи с этим отмеченные выше пласты «зоны знаний» ЕАЭС предопределяют возможные правовые риски для национальной безопасности входящих в него государств, обусловленные как взаимодействием стран-участниц при создании совместных интеллектуальных продуктов, так и конкуренцией при их эксплуатации в интересах собственных стран. Это обусловлено соответственно политической, экономической, социокультурной и информационной спецификой образующих интеграционное объединение государств и их направленной коммуникацией при синхронном повышении национальной конкурентоспособности[5].

Именно поэтому становление и развитие действенных интеграционных процессов евразийского образования и взаимопроникновение «зон знаний» презюмируют синтез интеграции и дезинтеграции как интенцию суверенных политических, экономических, социокультурных и информационных систем и их составных частей к конвергенции и дивергенции. В то же время основной тенденцией эволюции «зон знаний» евразийского содружества должна стать трансформация инновационного развития в монолитный *интеграционно*-инновационный *поток*[6].

Какие же существуют ограничения формирования и развития «зон знаний» в странах евразийского содружества, и в чем заключаются правовые риски для их национальной безопасности, предопределяющие ведущую роль права в безотказном функционировании государственных институтов, направленном регулировании и коррекции происходящих в обществе процессов в сторону их динамичного прогрессивного развития и устранения дестабилизирующих факторов?[7].

Глобализационные процессы способствовали поэтапному и последовательному образованию устойчивого механизма защиты прав и свобод человека на основе использования внутригосударственных и интернационально-правовых средств и институтов, явились важным подспорьем легитимации политического режима и демократичности конституционного строя большинства стран.

[1] См.: Бунин М.А., Исаев М.Н. Глобальное инновационное пространство и особенности его формирования в России // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: *Международные отношения*. 2013. № 4. С. 37.

[2] См.: Глотов С.А., Григорьев И.А. Правовая система евразийского экономического союза: постановка проблемы // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. 2015. № 3. С. 20; Глотов С.А., Григорьев И.А., Губин А.Н., Лычагин А.Г., Савёлов О.П., Терентий Л.М. Право Евразийского экономического союза: теория и практика. М., 2016. С. 41.

[3] См.: Тихомиров Ю.А. Прогнозы и риски в правовой сфере // Журнал российского права. 2014. № 3. С. 7.

[4] См.: Агамиров К.В. Прогнозирование правовых рисков. М., 2018. Т. 1. С. 16.

[5] См.: Агамиров К.В. Роль юридического прогнозирования в становлении и функционировании правовых основ системы «зоны знаний» интеграционных объединений государств на примере Евразийского экономического союза (ЕАЭС) // Государство и право. 2020. № 7. С. 10.

[6] См.: Сапир Е.В., Сидорова Е.А. О перспективах формирования евразийской экономики знаний на пространстве Евразийского экономического союза // Вестник РУДН. Серия: *Международные отношения*. 2015. Т. 15. № 3. С. 214.

[7] См.: Фролова Е.Е. Гражданское общество: история, реалии, перспективы // Экономика образования. 2008. № 4. С. 144–146; Ее же. Генезис и эволюция концепций гражданского общества // Экономика образования. 2008. № 4. С. 146–148; Тихомиров Ю.А. Государство: сильное или слабое // Труды Института государства и права РАН. 2016. № 2. С. 40–41; Смирнов В.В., Агамиров К.В., Фролова Е.Е. Национальная безопасность и модернизация права. Часть I // Образование и право. 2018. № 9. С. 34; О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: Указ Президента Российской Федерации от 31 декабря 2015 г. N683 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2016. № 1, ч. II. Ст. 212.

Международно-правовая составляющая играет важную роль в совершенствовании этого механизма, воздействует на все его звенья и способствует развитию и укреплению гарантий прав, интеграции государства и социума в гуманистическом значении[1].

Одновременно с этим глобализация внесла неразбериху в представления, которую западные страны использовали в целях идеологической и правовой эскалации. Если человек является родовым существом, то всякая культурная особенность основывается на общем, родовом. Данная традиционная для западной философии идея базируется на представлении об универсальности человека и универсальности сознания. С позиции многофункциональных разумных истин не подлежит сомнению, что чем эффективнее общество, тем оно лучше. И так как западные страны продемонстрировали свою состоятельность в деле обустройства разумного и результативного социума (как-то: западная демократия, права человека, либерализм, разделение властей), то сама человечность призывает их перенести данный опыт на весь мир во благо всех народов. На деле же события в арабском мире (Йемене, Ираке, Ливии, Сирии), Иране и пр. свидетельствуют, что за этой идеологической оболочкой скрывается стремление устранить очаг самобытности в странах, не желающих жить по навязываемым им западным стандартам[2].

Именно поэтому евразийская интеграция в лице своего эффективного детища – Евразийского экономического союза призвана на своем примере продемонстрировать позитивные результаты интеграционного сближения постсоветских стран для всех регионов, испытывающих давление со стороны западных государств. И у него есть большой потенциал. Так, 15 октября 2019 г. на заседании научно-экспертного совета при Председателе Коллегии Евразийской экономической комиссии отмечалось, что реализация в ЕАЭС крупных инфраструктурных проектов, совершенствование системы стратегического планирования, формирование цельной стратегии для всех государств-членов интеграционного образования, проведение скоординированных политик, выстраивание общего гуманитарного пространства, развитие евразийской повестки в таких областях, как наука, туризм, образование, культура, спорт – эти и другие задачи стоят в повестке близлежащего будущего для результативного функционирования Союза. Пятилетний итог функционирования ЕАЭС показал, что на просторе евразийской интеграции сформировалась новая культура взаимодействия и образован уникальный механизм претворения в жизнь национального суверенитета в границах евразийского интеграционного образования[3].

На заседании экспертного сообщества был поднят вопрос о гармонизации законодательства ЕАЭС, и среди выдвинутых рекомендаций – разработать совместно с Российской академией наук инструмент планирования и прогнозирования. Это корреспондирует с заявленной темой и предложением автора настоящей статьи вычленить институциональную (учрежденческую) составляющую юридического прогнозирования для придания законотворческому процессу организованного стратегического начала, преодоления неупорядоченности в законодательном планировании, устранения противоречивости нормативных правовых актов и неустойчивости правоприменительной практики[4].

Государство осознало серьезность отмеченной проблемы: 19 июля 2018 г. был принят Федеральный закон № 218-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О Российской академии наук, реорганизации государственных академий наук и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (законопроект внесен Президентом Российской Федерации[5]), включившим в цели деятельности Российской академии наук прогнозирование основных направлений научного, научно-технологического и социально-экономического развития Российской Федерации[6], и руководство РАН направляет усилия для поиска организационно-правовой формы, которая будет способствовать претворению поставленных целей в жизнь[7].

В связи с этим автор предлагает образовать в структуре академии Центр социально-правового прогнозирования РАН, в задачи которого войдут разработка теории и методологии прогнозирования правового развития, формирование и ведение прогностического банка данных о нуждающихся в правовом регулировании общественных отношениях, а также перманентное информационное

[1] См.: Рыбаков О.Ю., Тихонова С.В. Модернизация права и социогуманитарная наука: проблемы диалога // Общественные науки и современность. 2011. № 6. С. 103.

[2] См.: Академик А. Смирнов: Философия всегда должна быть недовольна // Независимая газета. 08.02.2017; URL: http://www.ng.ru/science/2017–02–08/9_6923_philosophy.html (дата обращения: 24.01.2020).

3 См.: Евразийские эксперты о ЕАЭС: У Союза есть большой потенциал развития. URL: https://eadaily.com/ru/news/2019/10/15/evraziyskie-eksperty-o-eaes-u-soyuza-est-bolshoy-potencial-razvitiya (дата обращения: 24.01.2020).

[4] См.: Агамиров К.В. Понятие и значение институциональной составляющей юридического прогнозирования // Правовая политика и правовая жизнь. 2019. № 2. С. 17–24.

5 См.: О внесении изменений в Федеральный закон «О Российской академии наук, реорганизации государственных академий наук и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»: Законопроект от 24 февраля 2018 г. № 398393–7. URL: http://sozd.parlament.gov.ru/bill/398393–7 (дата обращения: 24.01.2020).

[6] См.: См.: О внесении изменений в Федеральный закон «О Российской академии наук, реорганизации государственных академий наук и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»: Федеральный закон от 19 июля 2018 г. N218-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2018. № 30. Ст. 4553 (дата обращения: 24.01.2020).

[7] См.: Стенограмма рабочей встречи Путина с президентом Российской академии наук (РАН). URL: http://prezident.org/tekst/stenogramma-rabochei-vstrechi-putina-s-prezidentom-rossiiskoi-akademii-nauk-ran-09–01–2019.html (дата обращения: 24.01.2020).

сопровождение в виде «досье закона» – от появления идеи до разработки, принятия и прекращения действия[1]. Такой Центр мог бы заняться в том числе выявлением правовых рисков, прогнозированием и планированием законодательных работ в Евразийском экономическом союзе. А рисков этих в связи с наметившимся ограничением формирования и развития «зон знаний», среди прочего и для национальной безопасности входящих в Союз стран, предостаточно. Так в чем же они состоят и как их преодолеть с использованием инструментария юридического прогнозирования?

Эти ограничения касаются первым делом охраны интеллектуальных прав, доступа к персональным данным и административно-правовых режимов.

Прогностические риски в сфере охраны интеллектуальных прав

Общее правовое регулирование в анализируемой сфере реализуется в международных договорах, главным из которых является Соглашение по торговым аспектам прав интеллектуальной собственности, заключенное в марокканском городе Марракеше 15 апреля 1994 г.[2] и ратифицированное Российской Федерацией Федеральным законом от 21 июля 2012 г..[3] Соглашение ТРИПС предписывает государствам – членам ВТО принимать действенные меры против любых нарушений права интеллектуальной собственности», отмечаются три сферы судопроизводства для достижения этой цели – гражданское, административное и уголовное и указываются специальные пункты в отношении мер на границе.

Далее следует Договор о Евразийском экономическом союзе, подписанный в г. Астане (Республика Казахстан) 25 мая 2014 г.,[4] в котором вопросы интеллектуальной собственности регулируются разделом XXIII и приложением № 26 «Протокол об охране и защите прав на объекты интеллектуальной собственности». Статья 89 Договора предписывает, что государства – члены ЕАЭС осуществляют сотрудничество в области охраны и защиты прав на объекты интеллектуальной собственности и гарантируют на своей территории охрану и защиту этих прав сообразно нормам международного права, международным договорам, праву Союза и законодательству государств-участников интеграционного проекта. Это взаимодействие имеет своей задачей гармонизацию законодательства ЕАЭС в области охраны и защиты прав на объекты интеллектуальной собственности и защиту интересов владельцев прав на объекты интеллектуальной собственности государств-членов.

Кроме того, таможенную защиту интеллектуальных прав в ЕАЭС регламентирует Таможенный кодекс Таможенного союза[5], однако в нем прописаны основные положения, а конкретика определяется в национальных законодательствах стран-участниц.

Прогностические риски для их национальной безопасности в сфере защиты прав интеллектуальной собственности при трансграничном перемещении товаров обусловлены как различиями в национальных законодательствах, включающем в себя таможенное законодательство и нормативные правовые акты об общих положениях охраны прав на объекты интеллектуальной собственности (см.ч. 4 Гражданского кодекса Российской Федерации). И несмотря на предписание договора Союза о гармонизации законодательства стран-членов в области охраны и защиты прав на объекты интеллектуальной собственности, на сегодняшний день в них применяются разнородные принципы исчерпания исключительных прав на объекты интеллектуальной собственности. К примеру, в Российской Федерации и Республике Беларусь функционирует территориальный принцип, в соответствии с которым право провоза в страну оригинальных товаров из других стран распространяется только на правообладателя или его официального дистрибьютора: оригинальными признаются такие товары, которые созданы владельцем объекта интеллектуальной собственности. А вот в республиках Армения и Казахстан применяется общепринятый международный принцип, по которому исключительное право правообладателя признается исчерпавшим себя по отношению к конкретному продукту в момент его первоначального введения в оборот в какой-либо стране и, соответственно, коммерческое перемещение товаров между государствами не ограничивается. При этом между государствами -участниками интеграционного образования действует региональный принцип свободного перемещения товаров. Эксперты отмечают также проблему различия таможенных реестров объектов интеллектуальной собственности, порядка проведения таможенного контроля товаров, содержащих данные объекты[6].

Будучи фундаментом действенного таможенного контроля за товарами-объектами интеллек-

[1] См.: Агамиров К.В. Указ. соч. // Там же. С. 18–19; Его же. Прогнозирование правовых рисков. М., 2018. Т. 1. С. 45–46.

[2] См.: Соглашение по торговым аспектам прав интеллектуальной собственности (ТРИПС) (ВТО, Уругвайский раунд многосторонних торговых переговоров, 15 апреля 1994 г.). URL: https://base.garant.ru/4059989/ (дата обращения: 24.01.2020).

[3] См.: О ратификации Протокола о присоединении Российской Федерации к Марракешскому соглашению об учреждении Всемирной торговой организации от 15 апреля 1994 г.: Федеральный закон от 21 июля 2012 г. N126-ФЗ. URL.: https://base.garant.ru/70204236/ (дата обращения: 24.01.2020).

[4] См.: Договор о Евразийском экономическом союзе (Астана, 29 мая 2014 года). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_163855/ (дата обращения: 24.01.2020).

[5] См.: Таможенный кодекс Таможенного союза (приложение к Договору о Таможенном кодексе Таможенного союза, принятому Решением Межгосударственного Совета ЕврАзЭС на уровне глав государств от 27.11.2009 № 17). URL: // http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_94890/ (дата обращения: 24.01.2020).

[6] См.: Мухтаров Н.К., Мухтарова А.Р. Охрана и защита прав на объекты интеллектуальной собственности таможенными органами государств членов Евразийского экономического союза // Ученые записки Санкт-Петербургского имени В.Б. Бобкова филиала Российской таможенной академии. 2016. № 3. С. 90.

туальной собственности, таможенное декларирование является наиболее эффективным способом защиты интеллектуальных прав со стороны таможенных органов[1], который приобретает особую значимость при их перемещении через таможенную границу Евразийского экономического союза: на сегодняшний день свыше всей 80 процентов мировой торговли приходится на объекты интеллектуальной собственности. Однако формирование рынка интеллектуальной собственности на территории ЕАЭС предполагает действенный механизм защиты прав на объекты интеллектуальной собственности[2], а он на данный момент отсутствует, и это также является серьезным прогностическим риском в этой области для национальной безопасности государств-членов интеграционного образования. Следует также иметь в виду отсутствие таможенных границ между республиками Беларусь, Казахстан и Российской Федерацией, и поэтому в сфере интересов Республики Армения, Кыргызской Республики, а также национальных и иностранных правообладателей находится обеспечение проведения скоординированной таможенной защиты единого рынка товаров от поступления контрафактной продукции из третьих стран. Кроме того, имеющиеся различия в наполнении национальных таможенных реестров объектов интеллектуальной собственности приводят к вероятности беспрепятственного ввоза товаров, содержащих объекты интеллектуальной собственности, на территорию одного из государств-участников, что с учетом отсутствия внутренних таможенных границ дает возможность к их бесконтрольному распространении на территории других стран-членов евразийского содружества, и, как следствие, значительно снижает эффективность национальных реестров[3]. Поэтому на повестке дня – регистрация объектов интеллектуальной собственности в Едином таможенном реестре, позволяющая защищать права интеллектуальной собственности на всей территории Евразийского экономического союза. В целом же предстоит дальнейшее преодоление сложности и многоступенчатости законодательства Европейского экономического союза в сфере таможенной защиты прав на объекты интеллектуальной собственности: несмотря на то, что в Договоре о ЕАЭС содержится положение о гармонизации законодательства в этой области, о его реализации говорить в настоящее время не приходится[4].

Прогностические риски в сфере доступа к персональным данным

В Европейском союзе действует Регламент Европейского Парламента и Совета Европейского Союза 2016/679 от 27 апреля 2016 г. о защите физических лиц при обработке персональных данных и о свободном обращении таких данных, а также об отмене Директивы 95/46/ЕС (Общий Регламент о защите персональных данных / General Data Protection Regulation /GDPR), в котором отмеченные вопросы проработаны достаточно основательно5. В Евразийском экономическом союзе приняты Рекомендация Коллегии Евразийской экономической комиссии от 21 ноября 2017 г. № 27 «Об Общих подходах к проведению государствами – членами Евразийского экономического союза согласованной политики в сфере защиты прав потребителей при реализации товаров (работ, услуг) дистанционным способом»[6], которые призваны гармонизировать законодательство государств – членов ЕАЭС в том числе в сфере обработки персональных данных – любых действий (операций), совершаемых с использованием (или без такового) средств автоматизации с персональными данными – любой информации, относящейся к прямо или косвенно определенному или определяемому физическому лицу, или субъекту персональных данных, распространение которой направлено на раскрытие персональных данных неограниченному кругу лиц, в том числе посредством трансграничной передачи персональных данных, а именно передачи персональных данных на территорию третьего государства, органу власти третьего государства, иностранному физическому лицу или иностранному юридическому лицу.

Рекомендации обязывают предоставление субъектом персональных данных своего предварительного согласия на их обработку, а оператор персональных данных прекращает по требованию субъекта их обработку в случае отсутствия либо отзыва его согласия на таковую. При этом согласие на обработку персональных данных должно быть свободным, конкретным, информированным и сознательным, их обработка ограничивается достижением конкретных, заранее определенных и законных целей, а последующая, в том числе трансграничная передача персональных данных осуществляется только при наличии согласия

[1] См.: Агамагомедова С.А. Таможенное декларирование товаров, содержащих объекты интеллектуальной собственности // Патенты и лицензии. 2016. № 3. С. 26–31.

[2] См.: Таможенное декларирование и защита прав на объекты интеллектуальной собственности в странах-участницах ЕАЭС. URL: http://eurasian-studies.org/archives/3673 (дата обращения: 24.01.2020).

[3] См.: Алиев С.Б. Интеллектуальная собственность в рамках Евразийской интеграции / Евразийская Экономическая Комиссия / Аналитический обзор за январь – март 2016 г. 2016. № 1.МИ. С. 40–49.

[4] См.: Сорокин М.А., Сорокин А.М. Таможенная защита прав на объекты интеллектуальной собственности в Евразийском экономическом союзе // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета экономики и сервиса. 2015. № 3. С. 20.

[5] См.: Регламент Европейского Парламента и Совета Европейского Союза 2016/679 от 27 апреля 2016 г. о защите физических лиц при обработке персональных данных и о свободном обращении таких данных, а также об отмене Директивы 95/46/ЕС (Общий Регламент о защите персональных данных / General Data Protection Regulation /GDPR). URL: https://base.garant.ru/71936226/ (дата обращения: 24.01.2020).

[6] См.: Рекомендация Коллегии Евразийской экономической комиссии от 21 ноября 2017 г. № 27 “Об Общих подходах к проведению государствами – членами Евразийского экономического союза согласованной политики в сфере защиты прав потребителей при реализации товаров (работ, услуг) дистанционным способом”. URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71720158/ (дата обращения: 24.01.2020).

субъекта и в соответствии с законодательством государства-члена.

Тем не менее государства-участники интеграционного образования сталкиваются и на этом направлении с рядом регуляторных рисков при совершении трансграничных цифровых торговых операций. Так, член Коллегии (министр) по торговле Евразийской экономической комиссии (ЕЭК) Вероника Никишина, подчеркивая важность формирования действенного государственного регулирования в цифровой торговле, обращает особенное внимание на необходимость соблюдения пропорциональности регулирующего воздействия государственных мер, их сбалансированной направленности на стимулирование создания на пространстве ЕАЭС современного бизнеса, действующего в цифровой среде, внедрения в электронную торговлю традиционных секторов экономики, защиту прав потребителей и их персональных данных[1], оборот которых наряду с другими составляющими цифровизации нуждается в направленном нормативно-правовом регулировании для поддержания развития интеграционных процессов, «экономики данных», цифровых активов и успешной реализации проектов в рамках цифровой повестки[2].

Отсутствие в странах интеграционного образования полновесного нормативно-правового обеспечения защиты персональных данных сужает возможности реализации совместных проектов, связанных с наличием и передачей информации о персональных данных, что влечет за собой издержки и отставание в движении к современному информационному обществу на просторах ЕАЭС[3]. Поэтому задача гармонизации национальных законодательств государств Союза в этой сфере и унификации (по образцу Европейского союза) норм о персональных данных через принятие наднациональных правовых актов для претворения в жизнь стратегии развития информационного общества была и остается актуальной. При этом необходимо иметь в виду различные толкования понятия персональных данных в законодательстве, правоприменительной практике и доктрине стран-участниц и Европейского союза[4], что следует учитывать при компаративистском анализе в процессе подготовки наднациональных законодательных актов о персональных данных ЕАЭС.

Прогностические риски в сфере регулирования административно-правовых режимов

Задача гармонизации национальных законодательств и унификации норм посредством принятия наднациональных правовых актов в целях предупреждения правовых рисков для национальной безопасности стран – членов ЕАЭС является актуальной и для административно-правовых режимов, которые в качестве системы мер государственного регулирования и административной деятельности отражают потребности в обеспечении защиты от социальных конфликтов, природных, техногенных и биологических катаклизмов и необходимости в особом регулировании отдельных отношений. Направления прогностических рисков вытекают из реализации конституционных прав граждан на свободу перемещения и осуществления трудовой деятельности (режима миграции); особого порядка хозяйственной и предпринимательской деятельности; разработки, принятия, применения и исполнения обязательных требований к продукции или связанным с ними процессам проектирования, производства, строительства, монтажа, наладки, эксплуатации, хранения, перевозки, реализации и утилизации; промышленного сотрудничество государств – членов ЕАЭС; функционирования единого таможенного пространства[5].

Разграничивают чрезвычайные (экстремальные) и обычные административные правовые режимы. Первые связаны с усечением конституционных прав и свобод граждан и хозяйственной самостоятельности предприятий, возложением на них дополнительных обязанностей, образованием государственных структур с чрезвычайными полномочиями и наделением таковыми действующих государственных органов. Для вторых характерны достаточная самостоятельность граждан и организаций и отсутствие чрезвычайных полномочий органов государственного управления. При этом все государства – члены ЕАЭС используют административно-правовые режимы, обеспечивающие национальную безопасность своих стран, а именно режимы государственной тайны и государственной границы. Среди прогностических рисков на этом направлении отметим различия в национальных законодательствах категорий тайны. Так, если республики Армения, Беларусь и Казахстан вычленяют государственные секреты и служебную тайну, то в Кыргызской Республике они делятся на государственную, военную и служебную тайны[6]. Движение к устранению разно-

[1] См.: Правила интернет-торговли должны быть общими. Союз сталкивается с рядом регуляторных вызовов в связи с трансформацией экономических отношений, когда цифровая торговля пришла практически в каждый дом и офис. URL: https://www.alta.ru/ts_news/69809/ (дата обращения: 24.01.2020).

[2] См.: Трансграничный оборот данных в ЕАЭС отрегулируют. URL: https://iecp.ru/international/news/item/417916-transgranichnyy-oborot-dannykh-v-eaes-otreguliruyut (дата обращения: 24.01.2020).

[3] См.: Сапрыкин А.М. Обзор ситуации в странах ЕАЭС и СНГ по защите персональных данных. Проблемы и перспективы. URL: http://wp.s-terra.by/wp-content/uploads/2016/04/S-Terra_Bel_IT-Security-2016_ZPD_SNG.pdf (дата обращения: 24.01.2020).

[4] См., например: Мираев А.Г. Понятие персональных данных в Российской Федерации и Европейском Союзе // Юридическая наука. 2019. № 5. С. 76–82.

[5] См.: Административно-правовые режимы в государствах – членах евразийского экономического союза. URL: https://studref.com/316954/pravo/administrativno_pravovye_rezhimy_gosudarstvah_chlenah_evraziyskogo_ekonomicheskogo_soyuza (дата обращения: 24.01.2020).

[6] См.: Калмыкова А.В. Правовое регулирование административно-правовых режимов в государствах – членах Евразийского экономического союза // Журнал зарубежного

чтений было зафиксировано в проекте Соглашения о порядке обмена информацией, содержащей сведения, отнесенные к государственной тайне (государственным секретам), между государствами – членами Евразийского экономического союза и Евразийской экономической комиссией[1], однако на этом дело застопорилось.

Заключение

Таким образом, Европейский экономический союз имеет хорошие перспективы. По словам специалистов, среди успехов ЕАЭС следует выделить сложившуюся таможенную территорию, наличие единого рынка товаров, услуг и рабочей силы. В интеграционном образовании установлены унитарные регламенты, в том числе в сфере технического регулирования, действуют единый таможенный тариф и защитные границы, принято судьбоносное решение о соответствии норм ЕАЭС эталонам Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), учрежден институт оценки регулирующего воздействия (ОРВ). ЕАЭС обрел статус субъекта международного права, а по уровню интеграции вышел несмотря на молодость на второе место после Европейского союза со стажем свыше пятидесяти лет. ЕАЭС вырабатывает торгово-экономические взаимоотношения с третьими государствами и интеграционными союзами, результативно функционируют механизмы торговых переговоров. Эксперты рекомендовали и далее наращивать сеть партнеров Союза, в том числе за счет членов АСЕАН, и также предпринять шаги для закрепления правосубъектности ЕАЭС во Всемирной торговой организации и других интернациональных структурах, согласовывать взгляды на площадках данных структур и международных форумах, договариваясь по возможности о синхронном голосовании. С учетом цифровой трансформации экономик стран-участниц на повестке дня единые цифровые проекты[2].

В дополнение к отмеченным в статье и требующим устранения правовым рискам на повестке дня законодательные меры, нивелирующие наличие значительного количества ограничений на внутреннем рынке; не соответствующие евразийским обязательства, взятые странами-участницами при вступлении в ВТО; сдерживающий реализацию интеграционного потенциала недостаток полномочий у постоянно действующего наднационального органа; отсутствие в структуре ЕАЭС парламентского измерения; исключение из процессов евразийской интеграции социально-гуманитарного направления, прямо влияющего на экономическое развитие и национальную безопасность государств-членов интеграционного образования[3]. Все это потребует сближения национальных законодательств и имплементации наднационального регулирования на национальный уровень.

Литература

1. Агамагомедова С.А. Таможенное декларирование товаров, содержащих объекты интеллектуальной собственности // Патенты и лицензии. – 2016. – № 3. – С. 26–31.
2. Агамиров К.В. Понятие и значение институциональной составляющей юридического прогнозирования // Правовая политика и правовая жизнь. – 2019. – № 2. – С. 17–24.
3. Агамиров К.В. Прогнозирование правовых рисков: в 2 т. – М: РУСАЙНС, 2018. – Т. 1. – 328 с.
4. Агамиров К.В. Роль юридического прогнозирования в становлении и функционировании правовых основ системы «зоны знаний» интеграционных объединений государств на примере Евразийского экономического союза (ЕАЭС) // Государство и право. – 2019. – № 7. – С. 7–15.
5. Академик А. Смирнов: Философия всегда должна быть недовольна // Независимая газета. 08.02.2017; URL: http://www.ng.ru/science/2017–02–08/9_6923_philosophy.html.
6. Алиев С.Б. Интеллектуальная собственность в рамках Евразийской интеграции / Евразийская Экономическая Комиссия / Аналитический обзор за январь – март 2016 г. – 2016. – № 1. – МИ. – С. 40–49.
7. Бунин М.А., Исаев М.Н. Глобальное инновационное пространство и особенности его формирования в России // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. – 2013. – № 4. – С. 37–46.
8. Глотов С.А., Григорьев И.А. Правовая система евразийского экономического союза: постановка проблемы // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. – 2015. – № 3. – С. 12–29.
9. Глотов С.А., Григорьев И.А., Губин А.Н., Лычагин А.Г., Савёлов О.П., Терентий Л.М. Право Евразийского экономического союза: теория и практика. – М.: Галлея-принт, 2016. – 304 с.
10. Калашников М.И., Кротов М.И. Трехлетие Евразийского экономического союза и инициативы российского председательства в 2018 году // Проблемы современной экономики. – 2017. – № 4. – С. 6–9.

законодательства и сравнительного правоведения. 2016. № 6. С. 52–60.

[1] См.: Распоряжение Коллегии Евразийской экономической комиссии от 29 ноября 2016 года N192 «О проекте Соглашения о порядке обмена информацией, содержащей сведения, отнесенные к государственной тайне (государственным секретам), между государствами – членами Евразийского экономического союза и Евразийской экономической комиссией». URL: https://base.garant.ru/71553754/ (дата обращения: 24.01.2020).

[2] См.: Евразийские эксперты о ЕАЭС: У Союза есть большой потенциал развития. URL: https://eadaily.com/ru/news/2019/10/15/evraziyskie-eksperty-o-eaes-u-soyuza-est-bolshoy-potencial-razvitiya (дата обращения: 24.01.2020).

[3] См.: Калашников М.И., Кротов М.И. Трехлетие Евразийского экономического союза и инициативы российского председательства в 2018 году // Проблемы современной экономики. 2017. № 4. С. 7.

11. Калмыкова А.В. Правовое регулирование административно-правовых режимов в государствах – членах Евразийского экономического союза // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. – 2016. – № 6. – С. 52–60.
12. Мираев А.Г. Понятие персональных данных в Российской Федерации и Европейском Союзе // Юридическая наука. – 2019. – № 5. – С. 76–82.
13. Мухтаров Н.К., Мухтарова А.Р. Охрана и защита прав на объекты интеллектуальной собственности таможенными органами государств членов Евразийского экономического союза // Ученые записки Санкт-Петербургского имени В.Б. Бобкова филиала Российской таможенной академии. – 2016. – № 3. – С. 89–92.
14. Рыбаков О.Ю., Тихонова С.В. Модернизация права и социогуманитарная наука: проблемы диалога // Общественные науки и современность. – 2011. – № 6. – С. 101–109.
15. Сапир Е.В., Сидорова Е.А. О перспективах формирования евразийской экономики знаний на пространстве Евразийского экономического союза // Вестник Российского университета дружбы народов. – Серия: Международные отношения. – 2015. – Т. 15. – № 3. – С. 212–224.
16. Сапрыкин А.М. Обзор ситуации в странах ЕАЭС и СНГ по защите персональных данных. Проблемы и перспективы. URL: http://wp.s-terra.by/wp-content/uploads/2016/04/S-Terra_Bel_IT-Security-2016_ZPD_SNG.pdf.
17. Смирнов В.В., Агамиров К.В., Фролова Е.Е. Национальная безопасность и модернизация права. Часть I // Образование и право. – 2018. – № 9. – С. 33–40.
18. Сорокин М.А., Сорокин А.М. Таможенная защита прав на объекты интеллектуальной собственности в Евразийском экономическом союзе // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета экономики и сервиса. – 2015. – № 3. – С. 19–28.
19. Тихомиров Ю.А. Государство: сильное или слабое // Труды Института государства и права РАН. – 2016. – № 2. – С. 39–51.
20. Тихомиров Ю.А. Прогнозы и риски в правовой сфере // Журнал российского права. – 2014. – № 3. – С. 5–16.
21. Фролова Е.Е. Генезис и эволюция концепций гражданского общества // Экономика образования. – 2008. – № 4. – С. 146–148.
22. Фролова Е.Е. Гражданское общество: история, реалии, перспективы // Экономика образования. – 2008. – № 4. – С. 144–146.
23. Эдвинссон Л., Мэлоун М. Интеллектуальный капитал: определение истинной стоимости компании // Новая постиндустриальная волна на Западе: Антология / Под ред. В.Л. Иноземцева. – М.: Academia, 1999. – С. 429–447.

PREDICTING LEGAL RISKS TO NATIONAL SECURITY MEMBER STATES OF THE EEU IN THE CONTEXT OF RESTRICTIONS ON THE FORMATION AND DEVELOPMENT OF «ZONES OF KNOWLEDGE»

Agamirov K.V.
Institute of State and Law of RAS

The «knowledge zone» of the EEU in the presentation of the author of this article represents the result of intellectual activity on design, stratification and concentration in physical and virtual dimension of intangible commercial or non-commercial products under legal protection as objects of intellectual property. The article explores the legal risks to the national security of the entities of the Eurasian conglomerate, related to the existence of restrictions on the functioning of the «knowledge zone» and due, on the one hand, to their cooperation and mutual assistance in the creation of collective intellectual products and, on the other, to competition in the use of the latter in the interests of their States.

Keywords: legal risks, national security, «zone of knowledge» of EEU, system of «zone of knowledge» of EEU, restriction of formation and development of «zone of knowledge» of EEU, globalization, Eurasian integration, harmonization of the legislation of EEU, protection of the intellectual rights, access to personal data, regulation of administrative legal regimes.

References

1. Agamagomedova S.A. Customs declaration of goods containing intellectual property // Patents and Licenses. – 2016. – No. 3. – P. 26–31.
2. Agamirov K.V. The concept and significance of the institutional component of legal forecasting // Legal policy and legal life. – 2019. – No. 2. – P. 17–24.
3. Agamirov K.V. Forecasting legal risks: in 2 volumes. – M.: RUSINS, 2018. – T. 1. – 328 s.
4. Agamirov K.V. The role of legal forecasting in the formation and functioning of the legal foundations of the “zone of knowledge” system of integration associations of states on the example of the Eurasian Economic Union (EAEU) // State and Law. – 2019. – No. 7. – P. 7–15.
5. Academician A. Smirnov: Philosophy must always be unhappy // Nezavisimaya Gazeta. 02/08/2017; URL: http://www.ng.ru/science/2017–02–08/9_6923_philosophy.html.
6. Aliev S.B. Intellectual property within the framework of Eurasian integration / Eurasian Economic Commission / Analytical review for January – March 2016–2016. – No. 1. – MI. – P. 40–49.
7. Bunin M.A., Isaev M.N. Global innovation space and features of its formation in Russia // Bulletin of the Peoples’ Friendship University of Russia. Series: International Relations. – 2013. – No. 4. – P. 37–46.
8. Glotov S.A., Grigoriev I.A. The legal system of the Eurasian Economic Union: statement of the problem // Bulletin of Moscow State Regional University. Series: Jurisprudence. – 2015. – No. 3. – P. 12–29.
9. Glotov S.A., Grigoriev I.A., Gubin A.N., Lychagin A.G., Savelov O.P., Terenty L.M. Law of the Eurasian Economic Union: theory and practice. – M.: Halley-print, 2016. – 304 p.
10. Kalashnikov M.I., Krotov M.I. The triennium of the Eurasian Economic Union and the initiative of the Russian chairmanship in 2018 // Problems of the modern economy. – 2017. – No. 4. – P. 6–9.
11. Kalmykova A.V. Legal regulation of administrative legal regimes in member states of the Eurasian Economic Union // Journal of Foreign Legislation and Comparative Law. – 2016. – No. 6. – P. 52–60.
12. Miraev A.G. The concept of personal data in the Russian Federation and the European Union // Jurisprudence. – 2019. – No. 5. – P. 76–82.
13. Mukhtarov N.K., Mukhtarova A.R. The protection and protection of intellectual property rights by the customs authorities of the states of the Eurasian Economic Union // Uchenye zapiski Sankt-Peterburgskogo imeni V.B. Bobkova branch of the Russian Customs Academy. – 2016. – No. 3. – P. 89–92.
14. Rybakov O.Yu., Tikhonova S.V. Modernization of law and sociohumanitarian science: problems of dialogue // Social Sciences and the Present. – 2011. – No. 6. – P. 101–109.

15. Sapir E.V., Sidorova E.A. On the prospects for the formation of the Eurasian knowledge economy in the space of the Eurasian Economic Union // Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. – Series: International Relations. – 2015. – T. 15. – No. 3. – P. 212–224.
16. Saprykin A.M. Overview of the situation in the EAEU and CIS countries regarding the protection of personal data. Problems and prospects. URL: http://wp.s-terra.by/wp-content/uploads/2016/04/S-Terra_Bel_IT-Security-2016_ZPD_SNG.pdf.
17. Smirnov V.V., Agamirov K.V., Frolova E.E. National Security and the Modernization of Law. Part I // Education and Law. – 2018. – No. 9. – P. 33–40.
18. Sorokin M.A., Sorokin A.M. Customs protection of intellectual property rights in the Eurasian Economic Union // Territory of new opportunities. Bulletin of the Vladivostok State University of Economics and Service. – 2015. – No. 3. – P. 19–28.
19. Tikhomirov Yu.A. State: strong or weak // Proceedings of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences. – 2016. – No. 2. – P. 39–51.
20. Tikhomirov Yu.A. Forecasts and risks in the legal sphere // Journal of Russian Law. – 2014. – No. 3. – P. 5–16.
21. Frolova E.E. Genesis and evolution of the concepts of civil society // Economics of Education. – 2008. – No. 4. – P. 146–148.
22. Frolova E.E. Civil society: history, realities, prospects // Economics of Education. – 2008. – No. 4. – P. 144–146.
23. Edwinsson L., Malone M. Intellectual capital: determination of the true value of the company // New post-industrial wave in the West: Anthology / Ed. V.L. Inozemtseva. – M .: Academia, 1999. – P. 429–447.

Реализация принципа pacta sunt servanda в современных международно-правовых отношениях

Киченина Виктория Сергеевна,
кандидат юридических наук, заведующий кафедрой правового обеспечения внешнеэкономической деятельности, Санкт-Петербургский филиал Российской таможенной академии
E-mail: ale-nika@yandex.ru

Фесенко Этери Анзоровна,
студент юридического факультета Санкт-Петербургского филиала Российской таможенной академии
E-mail: eteri.fesenko97@mail.ru

В статье рассматривается понятие принципа pacta sunt servanda, история его становления и развития, а также возможность реализации с учетом настоящих тенденция в международном праве и международных отношения. Анализируется практические примеры как соблюдения указанного принципа, так и не желания государств его соблюдать. Исследуются позиции различных государств в отношении понимания государства и международных образований, а также роли личности, ее правового сознания и их влияния на соблюдение принципа pacta sunt servanda.

Ключевые слова. Pacta sunt servanda, договор, международное право, государство, правовое общество.

Pacta sunt servanda в настоящее время является фундаментальным принципом международного права, прошедший длинный исторический путь от средневекового канонического права, где источником права были христианские тексты, идеализировавшие идеи равенстве обещаний перед Богом, отступление и несоблюдение которых приравнивалось к лжи, заслуживающей осуждения церковью, до настоящего времени, когда без его должного понимания и применения невозможно говорить о существовании эффективной системы международного права.

Впервые обосновать обязательность договоров пытались еще в XVI в., связано это с культурным подъемом Испанского королевства, в частности Саламанской школы, созданной при Университете кастильского города Саламанки в 1526 г. выдающимися учеными своего времени – монахами Франсиско де Витория и Доминиго де Сото. За основу было взято учение времен Средневековья теолога и богослова Фомы Аквинского: «По доброй совести человека полагается, чтобы (должник) заплатил обещанное…следовательно…по чести человек обязан человеку из любого обещания… Кроме того, ложь имеет место и если некто не исполнит обещанное… ложь влечет за собой грех, поскольку тем самым человек обманывает ближнего своего» (STh. II–II. qu. 110, art. 3, obi. 5 et 6) [1]. Несомненно, в условиях Реформации, великих географических открытий, нуждалось в корректировке и наследие Средневековых ученых. Схоластика стала «поздней» и явилось орудием для возрождения культуры. Первостепенными стали проблемы уточнения содержания теории права, действительность юридических актов, естественных прав человека, суверенитета, справедливой войны, а также роль справедливости в договорных отношениях.

Нынешнее современное понятие принципа pacta sunt servanda, прошедшее столетия сохранило в себе природу и не отступило от основной идеи – заключил договор – обязан соблюдать его, естественно приобретя особенности и отличительные черты.

Всматриваясь в принцип pacta sunt servanda сквозь призму современности ученые разделились во взглядах на саму причину возникновения договора между государствами. Соответственно, дискуссию вызывают мотивы их соблюдения или несоблюдения. Первую точку зрения высказал Ф.Ф. Мартенс – отечественный юрист утверждавший, что договоры обязательно должны соблюдаться – это факт, не подвергающийся сомнению,

в отличие от объяснения самой природы соблюдения договора и ее нравственно-религиозного обоснования. Федор Федорович высказывал мнение о том, что юридическое значение договора – есть не что иное как правовое признание одного государства другим: «Государства должны признать друг друга субъектами права…они должны признать взаимные права: иначе никакие сношения между ними невозможны» [2]. В противовес мнению Ф.Ф. Мартенса выступает точка зрения отечественного юриста В.М. Шуршалова, утверждающего: «Степень обязательности и исполнимости международных договор определяется мерой их соответствия действительно разумным потребностям государств в их взаимных отношениях» [3]. Соглашаясь с мнением Ф.Ф. Мартенса, можно прийти к выводу о том, что договоры нарушаются именно потому, что стороны зачастую не соблюдают баланс между собственными интересами и интересами другого государства.

Соответственно, можно сделать вывод о том, что договор будет соблюдаться тогда, когда сторонами будут учтены действительные интересы и положение народов, признанными станут общие интересы, тем самым будут соблюдены возложенные договором взаимные права и обязанности.

Обязанность выполнения международного договора, закреплена в кодифицированных нормах Венской конвенции о праве международных договор от 23 мая 1969 г., Венской конвенции о праве между государствами и международными организациями или между международными от 21 марта 1986 г. Очевидным является то, что обязательность соблюдения принципов международного права не вызывает сомнения. Но так ли это на практике? Соблюдаются ли неукоснительно предписанные обязательства, возложенные государством добровольно? История показывает неутешительную практику – договоры часто не соблюдаются.

Примером может служить военная операция НАТО против Союзной Республики Югославия. Предшествующим событием явилась попытка отделения Косово от Югославии, предпринимаемая радикально настроенной частью албанского населения. С данной целью создавались незаконные вооруженные формирования, параллельные структуры власти, подпольные формирования. Власти Союзной Республики Югославии, принимая меры по ограничению автономии Косово в 1989 г., усугубили конфликт нанесением ущерба правам албанского населения. Следствием событий явилось начало военной операции 24 марта 1999 г. силами НАТО под кодовым названием «Союзная сила». Военно-воздушные силы альянса в течение нескольких месяцев наносили удары ракетно-бомбовыми установками по территории Союзной Республики Югославия.

Рассматривая данные события с точки зрения ныне действующего международного законодательства военные действия НАТО являются нарушением основ Устава ООН, документов ООН И ОБСЕ. Вооруженные действия НАТО, направленные против Союзной Республики Югославии подпадают под Определение агрессии, утвержденное 14 декабря 1974 г. Генеральной Ассамблеей ООН: «будет квалифицироваться в качестве акта агрессии…бомбардировка вооруженными силами государства территории другого государства». Особое внимание в Определении уделяется утверждению, что «никакие соображения любого характера, будь то политического, экономического, военного или иного характера, не могут служить оправданием агрессии». Также ст. 2 Устава ООН обязывает страны разрешать международные конфликты мирным путем, предписывает воздерживаться от угрозы силы или ее применения в международных отношениях. Несоблюдение международного договора членами НАТО выражается в противоречии положениям Североатлантического договора 1949 г. о создании НАТО. Согласно ст. 1 Североатлантического договора разрешение международных споров [4], в которые они могут быть вовлечены, мирным путем – обязанность стран-участниц НАТО, не подвергая угрозе международный мир, безопасность и справедливость. В документе предусматривается применение силы путем оружия, но лишь в целях защиты в ответ на нападение против одной из стран-участниц.

В соответствии с положением Женевской конвенции 1949 г. и положением Дополнительного протокола I 1977 г., применение их необходимо при объявлении войны или вооруженного конфликта, возникающие между сторонами, включая ситуацию, при которой стороны не признают состояние войны. Большая часть государств, входящих в НАТО являются участниками Женевских конвенций и Дополнительных протоколов. Таким образом, применимыми к отношениям, возникшим между Союзной Республикой Югославией и НАТО считаются положения международного права, включая Гаагские конвенции 1908 г., Женевская конвенция 1949 г. о защите жертв войны и два Дополнительных протокола 1977 г.

В следствие несоблюдения международных договоров и соглашений, направленных на обеспечение мира и порядка, пострадало гражданское население, ради которого, в сущности, и создаются все международно-правовые акты, заключаются соглашения.

Часто случается, что один из участников договора по различным причинам обвиняет другую сторону в его несоблюдении. И вместо попыток конструктивно разрешить возникшую неблагоприятную ситуацию развертывают голословную обвинительную компанию против другой стороны.

Примером тому служит ситуация, сложившаяся вокруг Договора о ликвидации ракет средней и меньшей дальности, подписанный 8 декабря 1987 г. Генсеком ЦК КПСС Михаилом Горбачевым и президентом США Рональдом Рейганом. Договор явился следствием продолжительной гонки вооружений, страны, опасаясь ракетного удара, тем

самым попытались обезопасить себя. В договоре шла речь о ракетах меньшей (от 500 до 1000 км.) и средней (от 1000 до 5500 км.) дальности. СССР в соответствии с договором уничтожил четыре типа ракет средней дальности, в том числе мобильные ракетные комплексы с баллистическими ракетами РСД-10 «Пионер» и ракеты малой дальности ОТР-22 «Темп-С» И ОТР-23 «Ока». В свою очередь США уничтожили баллистические ракеты «Першинг-2» и «Першинг IA, а также от крылатых ракет «Томагавк» модификации BGM-109G Gryphon. По численности уничтоженные ракетные комплексы СССР составили 1846, США на одну тысячу меньше [5].

Обвинения США прозвучали в первый раз еще в 2013 г. Администрация Барака Обамы посчитала, что договор о РСМД был нарушен Россией. Утверждения о несоблюдении соглашения двоякие. Первое касается межконтинентальной баллистической ракеты «Ярс», запуск которой производился на расстояние меньше верхнего предела по договору РСМД (договор ставит под запрет запуск ракет с дальностью пуска от 500 до 5500 км.). Нарушением данные испытания не являются. Второе утверждение касается неопознанной крылатой ракеты наземного базирования. Одним из кандидатов на роль неопознанной крылатой ракеты может быть ракета Р-500, созданная для комплекса «Искандер», изначально сконструированного под баллистическую ракет, пытаясь заменить оперативно-тактический ракетный комплекс «Ока», ликвидированный в рамках договора РСМД, хотя, как утверждали советские ученые дальность «Оки» составляла 450–470 км. В соответствии с фактом, о том, что «Искандер» не превышал дальность 500 км., можно сделать вывод о том, что договор и во втором случае нарушен не был.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что доводы о нарушении Россией договора РСМД кажутся слабыми. История об испытаниях крылатой ракеты неопределенна, факт, говоривший о том, что американское правительство не захотело назвать данное происшествием нарушением, говорит в первую очередь о неуверенности в собственных заявлениях.

Частыми случаями явились взаимные претензии и обвинения в адрес друг друга США и РФ по поводу контроля вооружений, но в большинстве случаев данные претензии не находили разрешения, до тех пор, пока не утрачивали актуальности.

Так почему же тогда вообще появляются утверждения и обвинения о нарушениях международных соглашений? Причины необходимо искать не в сути самих обвинений, подлинность которых часто подвергается сомнению, а в особенностях внутренней политики и во внутригосударственных целях, преследуемых каждой страной в отдельности.

То, что происходит внутри отдельного государства, в его внутренней политике, часто оказывает сильное влияние на жизнь других членов международного сообщества. Как показывают примеры, принцип суверенитета и неприкосновенности национального права часто не соблюдается, следствием чего является несоблюдение странами заключенных соглашений, незаконное вмешательство в жизнь другой страны. Но кто имеет право или законное основание нарушать международные договоры, и во имя каких целей? Не зависит ли сама международная легитимность от существования суверенных государств и их силы?

В настоящее время возникает дискуссионный вопрос о возможности нарушения суверенитета государства, а также оснований для реализации таких действий. Помимо этого, необходимо определить в какой степени международное право может и должно ограничивать подобные решения. Ответить на поставленные вопросы можно проанализировав основные направления внешней политики США и европейских держав.

Существование противоречий между точками зрения подтверждается обвинениями европейцев против односторонней политики США, в частности: обращение с пленными «Аль-Каиды» в тюрьме Гуантамо, выход из противоракетного договора, отказ Вашингтона присоединиться к Международному трибуналу, а еще раньше – заявление администрации Буша о выходе из Киотского протокола против глобального потепления. Европейские оппоненты политика США говори о том, что необходимо создать новый международный порядок, основанный на правовых нормах, мир, свободный от идеологических конфликтов и гонки вооружений, предоставлявший возможности для достижения консенсуса и ведения диалога.

Наиболее сильные разногласия по поводу одностороннего подхода к решению проблем разворачиваются в сфере безопасности, вышедшей на первый план после трагедии одиннадцатого сентября. В сентябре 2002 г. США получили одобрение Совета безопасности, выдвинув требования к Ираку об уничтожении оружия массового поражения. Администрация Буша, несмотря за обращение к Совету безопасности, дала понять, что в случае отрицательного ответа, США самостоятельно начнет военные действия против Ирака независимо от мнения постоянных членов Совета безопасности, обладающих правом вето. Данный пример интересен с точки зрения соблюдения суверенности и безопасности. В соответствии со ст. 51 Устава ООН [6] страны-участницы организации вправе предпринимать военные действия в одностороннем порядке с целью самозащиты. США справедливо говори о том, что средства массового поражения представляют угрозу, но, несмотря на это развязывание превентивной войны в ответ на подобную угрозу – не является хорошим примером международных отношений.

Вывод можно сделать о том, что предоставлять право одной стороне совершать действия, влекущие за собой серьезные последствия, влияющие

на жизнедеятельность мирового сообщества в целом, является неверным.

Стоит отметить, что существуют кардинально разные точки зрения на ведение международной политики между странами Европы и США. Дело в том, что в Европе государство воспринимается как защитник общественных интересов, стоящих выше личных интересов гражданина. Что касается США – общественный интерес неотделим от интересов государства, государство служит обществу. Превосходя в силе одно государство не считается с мнением остальных, а более слабому удобнее соответствовать общим стандартам и не нарушать то, что принято большинством.

Можно согласиться с мнением Ф. Фукуямы, который анализируя политику США и европейских государств приходит к выводу о том, что в основе их разногласий лежат фундаментальные различия в понимании источника демократической легитимности на международном уровне. Если американцы склонны видеть высокий уровень демократической легитимности в конституционном демократическом государстве, то, по мнению европейцев, демократическая легитимность вытекает из воли международного сообщества. Они воспринимают международные организации хранителями всеобщего блага, стоящего выше желаний отдельных государств. С точки зрения США делегирование власти, как на национальном, так и на международном уровне, более ограничено. Причины этих нормативных различий кроются в самом историческом процессе становления государств. США всегда выступали против контролируемой государством экономики, поощряло индивидуализм, неограниченную свободу предпринимательства и эгалитаризм. В данном государстве всегда существовал только один политический режим и их Конституция воплощает характерные универсальные ценности, имеющие в их понимании значение для человечества, далеко выходящее за границы США. В Европе дело обстоит иначе, поскольку европейские государства прочувствовали различные политические режимы на пути своего исторического становления, и с разными последствиями для себя. Немногие европейские страны считают свои политические инструменты универсальными моделями для всего человечества. Они также уверены в том, что их национальные институты имеют более низкий уровень легитимности, чем международные организации [7].

Как же преодолеть существующие препятствия на пути к соблюдению международного законодательства, а также мировому порядку, нацеленному на соблюдение договоров?

Как уже говорилось выше, государства идентифицируют себя по-разному вследствие исторических процессов, происходивших внутри. Но также не стоит забывать и об осознанности легитимности отдельной личностью, в сущности, с нас самих. Закладывая в мировоззрение общества такие понятия как: правосознание, законность, гражданское общество не только на уровне слов, а на уровне фундаментальных жизненных принципов, государство сможет гарантировать законность внутри себя и вокруг себя, не подвергая опасности мировое сообщество.

В нашей стране, к сожалению, сформировался особый подход к пониманию норм права, как национальных, так и международных, берущий свое начало в истории. В статье «Правовая культура современной России» С.В. Стрыгин [8] раскрывается проблема правовой неграмотности Россиян. Автор говорит о том, что правовая культура содержит в себе правовую культуру общества, группы и индивидуальную правовую культуру и правовую культуру должностных лиц. Культура общества охватывает его духовную жизнь, ценности, накопленный опыт, образ мыслей, групповая формируется на уровне отдельного коллектива, группы, индивидуальная, соответственно отвечает за образ мыслей отдельно взятого человека, его правовую образованность, уровень правосознания, а также умение грамотно пользоваться правом. Правовая культура, как одна из частей общей культуры призвана вести диалог посредством норм права для различных общественных движений, наций.

Основной причиной существующего уровня правосознания российского общества явился тоталитарный строй, заменивший своей идеологией место правовой культуры. Сформированный политический миф защищенности граждан государством уничтожал инстинкт социальной защиты и желание к выработке правовой грамотности. Идея единства наций в СССР не давал возможности разгораться национальным конфликтам. Развал Советского Союза явился катализатором для осознания личностью своей незащищенности перед новым миром, в условиях полного кризиса общества. У постсоветского человека, находившегося в условиях правового вакуума, отсутствовала возможность на самозащиту, приведшая к агрессивности и враждебности.

Русский философ И.А. Ильин считал, что народ, не знающий законов своей страны, и не умеющий ими воспользоваться, ведет внеправовую жизнь [9]. Иными словами наша безграмотность в правовой сфере – преступление. Существует особенность, отделяющая истинно человека правовой культуры от псевдо-культурного, а, именно – внутренняя потребность в правовой грамотности, жизненная необходимость. Главной задачей, позволяющей создать правовую грамотность общества, является воспитание в каждом гражданине понимания о жизненной необходимости соблюдения законов, приобретение доверия к государству, а государство, в свою очередь перестроиться на курс соблюдения международных законов, договоров, соглашений. Все вышеперечисленное необходимо воспитывать и прививать на условиях добровольности и желания строить общество на правовом фундаменте, не порождая агрессию.

Как известно, многие россияне не успели адаптироваться к новой реальности, но сейчас жизненно необходимо менять свое мировоззре-

ние и повышать правовую культуру. Формировать правовое общество, необходимо воспитывая будущее поколение, и воспитать в нем не только веру в закон, но и желание, умение пользоваться им.

Таким образом, осознав необходимость соблюдения законов, а равно, как и соблюдения международных договоров, на уровне личности, государство должно осознать необходимость и неизбежность многоуровневого взаимодействия в международной сфере. Только понимание, что в реализации совместной воли и сотрудничестве можно достигнуть решения международных проблем, которые в настоящий момент стоят перед международным сообществом, принятие возможности взаимодействия для достижения всеобщего интереса, а неудовлетворения текущих экономических потребностей каждой государства, позволит решить многие глобальные проблемы современности и выйти на новый уровень понимания права, как инструмента построения новой реальности в рамках взаимодействия государств. В этой связи новый смысл и содержание принципа pacta sunt servanda приобретает более глобальные масштабы. Руководствуясь им и применяя его к текущим и будущим реалиям, осознавая его значимость и необходимость для регулирования международных отношений можно говорить о построении нового миропорядка исходя из высших моральных и нравственных ценностях права. Только такое направление развития, заданное еще много поколений назад, сможет помочь всему человечеству преодолеть непонимание и выйти на новый уровень построения международных отношений.

Литература

1. Шмонин Д.В. «Саламанка учит…» (Теологические основания морали и права в учениях мыслителей Саламанкской школы XVI в.) // Iberica. К 400-летию романа Сервантеса «Дон Кихот». СПб., 2005. – С. 16–20
2. Мартенс Ф.Ф. Современное международное право цивилизованных народов. В 2 т. / Ф.Ф. Мартенс; под ред. В.А. Томсинова. – М.: Зерцало, 2008. – Т. 1. – С. 200–208.
3. Шуршалов В.М. Основные вопросы теории международного договора / В.М. Шуршалов. – М.: Изд-во АН СССР, 1959. – С. 321–330.
4. Организация североатланического договора [Электронный ресурс] https://www.nato.int/cps/ru/natohq/official_texts_17120.htm (дата обращения 05.04.2019)
5. Русские хотят победить угрожая ядерным оружием [Электронный ресурс] https://www.gazeta.ru/science/2017/12/08_a_11228306.shtml (дата обращения 07.04.2019)
6. Устав Организации Объединенных Наций (Сан-Франциско, 26 июня 1945 г.) [Электронный ресурс] https://www.un.org/ru/charter-united-nations/(дата обращения 07.04.2019)
7. Ф. Фукуяма. Сильное государство и мировой порядок в XXI веке. М: АСТ: АСТ МОСКВА: ХРАНИТЕЛЬ, 2006. – С. 60–65
8. Стрыгина, С. В. Правовая культура современной России / С. В. Стрыгина // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия «Экономика. Управление. Право». – 2007. – Т. 7. – Вып. 1. – С. 69–72.
9. Ильин И.А. О сущности правосознания. М., 1993. – С. 24.

IMPLEMENTATION OF THE PACTA SUNT SERVANDA PRINCIPLE IN MODERN INTERNATIONAL LEGAL RELATIONS

Kichenina V.S., Fesenko E.A.
St. Petersburg branch of the Russian customs Academy

The article deals with the concept of the pacta sunt servanda principle, the history of its formation and development, as well as the possibility of implementation taking into account the current trends in international law and international relations. Examines practical examples of how compliance with this principle, and not the willingness of states to abide by it. The article examines the positions of various states in relation to the understanding of the state and international entities, as well as the role of the individual, its legal consciousness and their influence on the observance of the principle of pacta sunt servanda.

Keyword: pacta sunt servanda, contract, international law, state, legal society.

References

1. Shmonin D.V. “Salamanca teaches …” (Theological foundations of morality and law in the teachings of thinkers of the Salamanca school of the 16th century) // Iberica. On the 400th anniversary of Cervantes’s novel Don Quixote. St. Petersburg, 2005. – P. 16–20
2. Martens F.F. Modern international law of civilized peoples. In 2 t. / F.F. Martens; under the editorship of V.A. Tomsinova. – M.: Mirror, 2008. – T. 1. – P. 200–208.
3. Shurshalov V.M. The main issues of the theory of the international treaty / V.M. Shurshalov. – M.: Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR, 1959. – P. 321–330.
4. Organization of the North Atlantic Treaty [Electronic resource] https://www.nato.int/cps/ru/natohq/official_texts_17120.htm (accessed 04.04.2019)
5. Russians want to win by threatening with nuclear weapons [Electronic resource] https://www.gazeta.ru/science/2017/12/08_a_11228306.shtml (accessed 04/07/2019)
6. Charter of the United Nations (San Francisco, June 26, 1945) [Electronic resource] https://www.un.org/en/charter-united-nations/(addressed April 7, 2019)
7. F. Fukuyama. A strong state and world order in the 21st century. M: ACT: ACT MOSCOW: KEEPER, 2006. – P. 60–65
8. Strygina, S.V. Legal culture of modern Russia / S.V. Strygina // News of Saratov University. New series. Series “Economics. Control. Right”. – 2007. – T. 7. – Issue. 1. – P. 69–72.
9. Ilyin I.A. About the essence of justice. M., 1993. – P. 24.

Полномочия апелляционных судов в судебной системе Российской Федерации

Коршунов Юрий Алексеевич,
адвокат, адвокатская палата г. Москвы
E-mail: yurkorsh@gmail.com

Статья посвящена теоретическим основам полномочий апелляционных судов в судебной системе Российской Федерации. В статье даются определения отдельных направлений полномочий апелляционных судов. Автором выделяются такие направления полномочий данных судов, как процессуальные, контрольно-предупредительные и организационно-методические. Раскрывается содержание каждого из этих направлений. В статье делается вывод о том, что несмотря на множественность направлений полномочий судов, все они в своей совокупности направлены на защиту прав и свобод граждан.

Ключевые слова: апелляция, апелляционный суд, судебная система, Верховный Суд, судебная реформа, процессуальные полномочия, контрольно-предупредительные полномочия, организационно-методические полномочия.

Одним из направлений продолжающейся в Российской Федерации судебной реформы является дальнейшее совершенствование судебной системы, позволяющее создать дополнительные гарантии объективного и справедливого правосудия, защиты прав и свобод граждан.

Созданные в период реформирования судебной системы арбитражные апелляционные суды и апелляционные суды общей юрисдикции дают таковые гарантии, так как данные суды пересматривают ранее рассмотренные по первой инстанции дела, осуществляют проверку законности, обоснованности и справедливости решений нижестоящих судов, не вступивших в законную силу.

Несмотря на многогранность полномочий апелляционных судов, эти полномочия можно разделить на три вида:

– процессуальные;
– контрольно-предупредительные;
– организационно-методические.

К процессуальным полномочиям апелляционных судов следует отнести установленную процессуальным законодательством совокупность его прав и обязанностей по совершению процессуальных действий, а именно по пересмотру дела, проверке в апелляционном порядке не вступивших в законную силу решений судов первой инстанции.

Эти полномочия закреплены в действующем процессуальном законодательстве [2, гл. 34; 3, гл. 39; 4, гл. 34; 5, гл. 45.1] и реализуются в соответствии с теми же положениями, что и в суде первой инстанции с небольшими исключениями. Но, вместе с тем, вне зависимости от сферы правового регулирования процессуальные полномочия апелляционных судов схожи, эти полномочия основываются на общих принципах и направлены на обеспечение беспрепятственного доступа граждан к правосудию, защиту их прав и свобод.

Правом обжаловать в апелляционном порядке решение суда первой инстанции обладают стороны в процессе и иные лица, если это решение затрагивает их права. Одновременно с итоговым решением обжалуются и иные решения, вынесенные в ходе производства по делу.

До окончания производства по делу и вынесения итогового решения могут обжаловаться промежуточные судебные решения, затрагивающие пра-

ва граждан на доступ к правосудию и на рассмотрение дела в разумные сроки и препятствующие дальнейшему движению дела, а также частные определения или постановления. Вместе с тем, обжалование данных решений в процессе судопроизводства в суде первой инстанции не приостанавливает разрешение дела по существу.

Апелляционные жалоба или представление подаются в соответствующий апелляционный суд через суд первой инстанции. Данная жалоба или представление приносятся на решение арбитражного суда субъекта РФ – в соответствующий арбитражный апелляционный суд; на приговор или иное решение суда областного звена – в соответствующую судебную коллегию апелляционного суда общей юрисдикции.

Апелляционные суды пересматривают в апелляционном порядке только дела, рассмотренные по первой инстанции судами общей юрисдикции областного звена и арбитражными судами субъектов РФ.

Предусмотрен определённый срок для подачи апелляционной жалобы или представления со дня вынесения судом первой инстанции итогового решения:

– 10 суток по уголовно-процессуальному законодательству [5, ч. 1 ст. 389.4];
– 1 месяц по административному [4, ч. 1 ст. 298], арбитражному [2, ч. 1 ст. 259] и гражданскому [3, ч. 2 ст. 321] процессуальному законодательству.

В случае пропуска указанного срока, апелляционная жалоба или представление могут остаться без рассмотрения. Вместе с тем, лица, пропустившие срок обжалования, вправе ходатайствовать перед судом первой инстанции о восстановлении пропущенного срока.

Процессуальным законодательством предусмотрены обязательные требования к апелляционной жалобе и представлению, которым необходимо следовать для скорейшего разрешения дела по существу. При этом установлено, что данная жалоба или представление могут быть отозваны до начала заседания апелляционного суда.

Подача апелляционных жалобы или представления приостанавливает вступление в законную силу обжалуемого судебного решения до тех пор, пока апелляционный суд не проверит законность, обоснованность и справедливость этого и иных решений нижестоящего суда.

Кроме того, во избежание волокиты, законодательно предусмотрен срок рассмотрения дела в апелляционном суде, это срок до 2 месяцев со дня поступления дела в суд по административному [4, ч. 1 ст. 305], арбитражному [2, ст. 267] и гражданскому [3, ч. 1 ст. 327.2] процессуальному законодательству. По уголовно-процессуальному законодательству [5, ст. 389.10] рассмотрение дела в апелляционном суде должно начаться в срок до 45 суток со дня поступления этого дела в суд.

После поступления дела вместе с жалобой или представлением в апелляционной суд, судья изучает его, назначает судебное заседание и решает вопросы организационного характера, направленные на своевременное разрешение дела по существу.

В судебном заседании принимают участие процессуальные стороны и иные заинтересованные лица. Неявка отдельных участников процесса, за исключением лиц, участие которых в судебном заседании обязательно, не препятствует рассмотрению дела по существу.

Апелляционный суд при рассмотрении дела в апелляционном порядке отменяет или изменяет решение нижестоящего суда с случае:

– несоответствия выводов суда, изложенным в решении, фактическим обстоятельствам дела, установленным судом первой инстанции;
– существенного нарушения закона судом первой инстанции;
– неправильного применения закона судом первой инстанции;
– несправедливость решения суда первой инстанции;
– иных нарушений, допущенных судом первой инстанции.

При этом, пределы прав апелляционного суда по повторному рассмотрению дела в зависимости от сферы правового регулирования отличаются. По административному процессуальному [4, ч. 1 ст. 308] и уголовно-процессуальному [5, ч. 1 ст. 389.19] законодательству суд не связан доводами жалобы или представления и вправе произвести проверку дела в полном объёме. Вместе с тем, по арбитражному процессуальному законодательству [2, ч. 6 ст. 268] суд вправе вне зависимости от доводов жалобы или представления проверяет только обстоятельства, являющиеся основанием для отмены решения нижестоящего суда, а по гражданскому процессуальному законодательству [3, ч. 1 и ч. 2 ст. 327.1] апелляционный суд проверяет дело только в пределах доводов жалобы или представления, хотя в интересах законности он вправе проверить дело в полном объёме.

Данные отличия в пределах прав апелляционного суда связаны со степенью опасности допущенных судом первой инстанции нарушений для прав и свобод граждан. Более опасные для граждан категории дел обязаны рассматриваться вне зависимости от доводов жалобы или представления в ревизионном порядке в полном объёме.

При рассмотрении дела апелляционный суд вправе исследовать новые доказательства, не рассмотренные ранее судом первой инстанции, вызвать для этих целей в судебное заседание свидетелей, экспертов и других лиц.

По результатам рассмотрения дела апелляционный суд принимает решение:

– об оставлении решения нижестоящего суда без изменения, а жалобы или представления без удовлетворения;
– об отмене обвинительного приговора и о вынесении оправдательного приговора;
– об отмене обвинительного приговора и о вынесении обвинительного приговора;

– об отмене оправдательного приговора и о вынесении оправдательного приговора;
– об отмене решения нижестоящего суда и о вынесении оправдательного приговора либо иного судебного решения;
– об изменении приговора или иного обжалуемого судебного решения;
– принимает иные решения в пределах своей компетенции, установленной процессуальным законодательством.

Приговор, определение, постановление апелляционного суда могут быть обжалованы заинтересованными лицами в кассационном порядке.

Таким образом, процессуальные полномочия апелляционных судов прямо закреплены в действующем процессуальным законодательстве и они направлены на защиту прав и свобод граждан, создание дополнительных гарантий для справедливого правосудия.

Контрольно-предупредительные полномочия суда заключаются в том, что он, реализацией своих полномочий, контролирует принятие законного решения нижестоящим судом, предупреждает нарушение закона судом первой инстанции. Данные полномочия имеют своей целью предостеречь нижестоящий суд от вынесения неправомерных решений, предупредить нарушение закона судом первой инстанции и, в конечном итоге, не допустить возникновения обстоятельств, нарушающих права и свободы граждан.

Процессуальные и контрольно-предупредительные полномочия апелляционного суда тесно связаны с его правозащитной деятельностью. Реализуя свои полномочия, суд осуществляет правосудие и фактически ведёт правозащитную деятельность, целью которой также является защита прав и свобод граждан.

Исходя из правовой позиции Конституционного Суда РФ [6], понятия правосудия и правозащитной деятельности суда тесно связаны друг с другом и правосудие является таковым только при соответствии конституционному [1, ч. 2 ст. 15, ст. ст. 19, 45–55] и международно-правовому положению о необходимости справедливого рассмотрения дела и восстановлению граждан в правах [10, с .110].

Кроме того, ряд исследователей [9] относят к контрольно-предупредительным полномочиям апелляционных судов их право на обращение в Конституционный Суд РФ с запросом о проверке конституционности закона, примененного или подлежащего применению в рассматриваемом деле.

Однако, Конституция РФ не содержит прямого указания на возможность обращения апелляционного суда в Конституционный Суд РФ и данным правомочием наделены и иные суды судебной системы, что также может предупредить нарушение закона при разрешении дела.

Кроме того, реализацией контрольно-предупредительных полномочий апелляционного суда является его право вынести частное определение, что также связывает данные полномочия с правозащитной деятельностью.

В соответствии с требованиями Пленума Верховного Суда РФ, суды апелляционной инстанции вправе вынести частное определение при нарушении судьями судов первой инстанции действующего законодательства и Кодекса судейской этики [7]. Данное полномочие апелляционного суда направлено не только на устранение нарушений закона, установленных при рассмотрении конкретного дела, но и на предупреждение возможности повторонеия подобных нарушений впредь, на устранение причин и условий, способствующих их совершению.

Вместе с тем, вынесение частного определения это право, а не обязанность суда, в связи с чем при апелляционном производстве не в полной мере осуществляется профилактика нарушений законодательства.

К организационно-методическим полномочиям апелляционных судов следует отнести совокупность мероприятий, направленных на надлежащую организацию работы судебной системы и качественное методическое обеспечение судебной деятельности.

К данным полномочиям можно отнести исследование и анализ судебной практики с целью выработки единого подхода применения законодательства при рассмотрении дела по существу. Созданные по результатам исследования и анализа методические рекомендации и обобщения практики позволяют проводить профессиональную подготовку судей, а также создавать единый подход к рассмотрению дел, принятию законного и обоснованного решения с учетом выявленных при исследовании проблем правоприменения. Исследование и анализ судебной практики позволяют установить не только основные направления судебной деятельности по рассмотрению конкретного дела, но и дать рекомендации потенциальным сторонам конфликтов по устранению причин и условий, способствующих нарушению закона.

Анализ данных судебной статистики позволяет установить отдельные недостатки деятельности апелляционных судов и судов первой инстанции, обратить на них особое внимание. К таким данным могут относиться цифровые показатели количества отмененных и измененных судебных решений по конкретным судам, количество отдельных категорий дел, рассмотренных судами различного уровня.

Анализ цифровых статистических показателей о работе апелляционных судов необходим для всесторонней оценки показателей судебной деятельности, определения первостепенных направлений в работе конкретного суда, а также категорий дел, в наибольшем количестве рассмотренных судом. Исследование и анализ судебной статистики по отдельным категориям рассмотренных дел играет роль при распределении нагрузки на судей, установлении возможного изменения структуры суда, например для создания постоянного судебного присутствия в другом регионе или дополнительной судебной коллегии.

Анализ и исследование показателей судебной статистики направлены на установление основных данных судебной деятельности, а также на установление эффективности этой деятельности и качества работы отдельных судебных инстанций.

Кроме того, в рамках контрольно-методических полномочий апелляционным судом осуществляется подготовка предложений по совершенствованию действующего законодательства. Это составляет особый предмет деятельности апелляционных судов [8]. Так как апелляционный суд пересматривает в апелляционном порядке решения судов первой инстанции, исследует новые доказательства, у него появляется возможность размеренного и взвешенного выявления недостатков действующего законодательства, в том числе выявления противоречий нормативно-правовых актов, их несоответствия актам, обладающим более высокой юридической силой. Данное полномочие способствует устранению указанных недостатков правового регулирования посредством разработки проектов изменений и дополнений в действующее законодательство.

Подготовка предложений по совершенствованию апелляционными судами действующего законодательства не урегулировано законодательно, что указывает на необходимость привлечения компетентного субъекта для реализации данных предложений на практике. На основании Конституции РФ таковым субъектом является Верховный Суд РФ, который наделен правом законодательной инициативы.

Необходимо также отметить, что несмотря на единство всех вышеуказанных полномочий апелляционных судов, их непосредственная реализация осуществляется отдельными структурными подразделениями судов, что разделяет установленные законом полномочия между президиумом суда и судебными коллегиями. При этом может возникнуть положение, при котором полномочия структурных подразделений суда законодательно дублируются, ведь каждое из структурных подразделений суда наделяется одинаковыми полномочиями. Например, компетенцией обобщения судебной практики наделены и президиум суда и его судебные коллегии. Вместе с тем, на практике каждая из судебных коллегий проводит обобщение судебной практики каждая в своей сфере деятельности, а за весь апелляционный суд в целом практику обобщает президиум.

Все рассмотренные в настоящей статье полномочия апелляционных судов тесно взаимосвязаны друг с другом, что позволяет суду реализовывать их в совокупности при осуществлении основного своего предназначения – осуществления правосудия. Несмотря на множественность направлений полномочий судов, все они в комплексе направлены на защиту прав и свобод граждан.

Литература

1. Конституция Российской Федерации, ч. 2 ст. 15, ст. ст. 19, 45–55 // Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 8 января 2020 г.).
2. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации. гл. 34, ч. 1 ст. 259, ст. 267, ч. 6 ст. 268 // Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 8 января 2020 г.).
3. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации. гл. 39, ч. 2 ст. 321, ч. 1 ст. 327.2, ч. 1 и ч. 2 ст. 327.1 // Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 8 января 2020 г.).
4. Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации. гл. 34, ч. 1 ст. 298, ч. 1 ст. 305, ч. 1 ст. 308 // Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 8 января 2020 г.).
5. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации. гл. 45.1, ч. 1 ст. 389.4, ст. 389.10, ч. 1 ст. 389.19 // Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 8 января 2020 г.).
6. Постановление Конституционного Суда РФ от 16 мая 2007 г. № 6-П // Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 8 января 2020 г.).
7. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 31 мая 2007 г. № 27 «О практике рассмотрения судами дел об оспаривании решения квалификационной коллегии судей о привлечении судьи суда общей юрисдикции к дисциплинарной ответственности» // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2007. – № 8.
8. Гаджиев Т.М. Арбитражные апелляционные суды: их место и роль в судебной системе Российской Федерации: Автореф. … канд. юрид. наук. – М., 2006.
9. Григорьева Е.А., Черникова О.С. Комментарий к Федеральному конституционному закону от 28 апреля 1995 г. № 1-ФКЗ «Об арбитражных судах в Российской Федерации» // Коллектив авторов, отв. ред. Шкунова Е.В. – Саратов. 2012. // Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 8 января 2020 г.).
10. Коршунов Ю.А. Некоторые вопросы правозащитной деятельности апелляционных судов // Юридическая наука. – 2019. – № 12. – 110 с.

THE POWERS OF THE COURTS OF APPEAL IN THE JUDICIAL SYSTEM OF THE RUSSIAN FEDERATION

Korshunov Y.A.
Moscow City Bar Association

The article is devoted to the theoretical foundations of the powers of the courts of appeal in the judicial system of the Russian Federation. The article provides definitions of certain areas of authority of the courts of appeal. The author identifies such areas of authority of these courts as procedural, control and preventive and organizational and methodological. The content of each of these areas is revealed. The article concludes that despite the multiplicity of areas

of jurisdiction of the courts, all of them in their entirety are aimed at protecting the rights and freedoms of citizens.

Keywords: appeal, court of appeal, judicial system, Supreme Court, judicial reform, procedural powers, control and preventive powers, organizational and methodological powers.

References

1. Constitution of the Russian Federation, part 2 of article 15, article Art. 19, 45–55 // Access from the reference and legal system «Consultant Plus» (date of treatment: January 8, 2020).
2. The Arbitration Procedure Code of the Russian Federation. chap. 34, part 1 of article 259, article 267, part 6 of article 268 // Access from the «ConsultantPlus» legal reference system (accessed date: January 8, 2020).
3. The Code of Civil Procedure of the Russian Federation. chapter 39, part 2, article 321, part 1, article 327.2, part 1, and part 2, article 327.1 // Access from the «ConsultantPlus» reference legal system (accessed date: January 8, 2020).
4. Code of Administrative Procedure of the Russian Federation. chapter 34, part 1, article 298, part 1, article 305, part 1, article 308 // Access from the «ConsultantPlus» reference legal system (accessed date: January 8, 2020).
5. The Code of Criminal Procedure of the Russian Federation. chap. 45.1, part 1 of article 389.4, article 389.10, part 1 of article 389.19 // Access from the «ConsultantPlus» reference legal system (accessed date: January 8, 2020).
6. Decree of the Constitutional Court of the Russian Federation of May 16, 2007 No 6-P // Access from the reference and legal system «Consultant Plus» (appeal date: January 8, 2020).
7. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated May 31, 2007 № 27 «On the practice of court review of cases on contesting the decision of the qualification collegium of judges on bringing a judge of a court of general jurisdiction to disciplinary liability» // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. – 2007. – No 8.
8. Gadzhiev T.M. Arbitration courts of appeal: their place and role in the judicial system of the Russian Federation: Author. … cand. legal sciences. – M., 2006.
9. Grigoryeva E.A., Chernikova O.S. Commentary to the Federal Constitutional Law of April 28, 1995 № 1-FKZ “On Arbitration Courts in the Russian Federation” // Collective of authors, resp. ed. Shkunova E.V. – Saratov. 2012. // Access from the «ConsultantPlus» reference legal system (accessed date: January 8, 2020).
10. Korshunov Yu.A. Some issues of the human rights activities of the appellate courts // Jurisprudence. – 2019. – No 12. – 110 p.

Деятельность правоохранительных органов по устранению угроз экономической безопасности хозяйствующих субъектов в Российской Федерации

Смирнов Артем Иванович,
аспирант, Федеральное государственное научно-исследовательское учреждение «Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации»
E-mail: alma778877@mail.ru

В данной статье рассматривается деятельность правоохранительных органов по устранению угроз экономической безопасности хозяйствующих субъектов в Российской Федерации. В статье рассматриваются различные направления деятельности правоохранительных органов, перечень внешних и внутренних экономических угроз, способ их устранения. Обосновывается необходимость внедрения новой методики оценки деятельности правоохранительных органов. Также рассматриваться вопрос по предотвращению экономических угроз, отечественным предприятиям при использовании ими в своей деятельности различных показателей.

Ключевые слова: запросы правоохранительных органов, виды экономических угроз безопасности хозяйствующих субъектов в Российской Федерации, опрос должностных лиц организаций, фото и видеосъемка.

Правоохранительные органы в Российской Федерации в ходе расследования уголовных дел по экономическим преступлениям, имеют возможность направлять запросы в кредитные учреждения Российской Федерации, в отношении организаций, руководители которых совершили экономические преступления. Кредитные учреждения Российской Федерации по запросам правоохранительных органов предоставляют испрашиваемую информацию, в том числе выписки с расчетных счетов организаций о движении денежных средств, а также перечень наложенных инкассовых поручений Федеральной налоговой службой Российской Федерации в рамках применения мер принудительного взыскания ст. 46 НК РФ[1].

При расследование экономических преступлений, следователь имеет возможность привлечь лицензированного аудитора, специалиста по бухгалтерской и экономический деятельности. Лицензированный аудитор, по результатам своей деятельности предоставляет заключение, которое в свою очередь позволит выявить факт противоправной экономической деятельности. Указанное заключение, будет являться одним их доказательств факта нарушений действующего законодательства, в том числе в сфере налогообложения.

Раскрытию экономических преступлений и угроз безопасности хозяйствующих субъектов способствует предотвращению, выявлению и пресечению противоправной экономической деятельности.

Одним из примеров можно привести дело «ЮКОСА». Руководство вышеуказанной фирмы было привлечено к уголовной ответственности за отмывание денежных средств, неуплаты обязательных платежей (налогов). Указанные противоправные действия нанесли значительный экономический ущерб Российской Федерации (учитывая огромные финансовые обороты компании). В рамках расследования уголовных дел, были привлечены лицензированные аудиторы, заключения которых и подтвердили факты экономических преступлений совершенные руководством «ЮКОСА». В рамках расследования вышеуказанных уголовных дел, правоохранительными органами были направлены запросы в кредитные учреждения Российской Федерации и проведена обширная аналитическая работа по анализу финансовой документации компании. Помимо самого руково-

[1] Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая) от 31.07.1998 N146-ФЗ (ред. от 29.09.2019) // Собрание законодательства РФ, N31, 03.08.1998, ст. 3824

дителя «ЮКОСА» к уголовной ответственности также был привлечен главный бухгалтер.

Информационно – аналитическое обеспечение борьбы с экономической преступностью также применяется правоохранительными органами Российской Федерации.

Следователи правоохранительных органов помимо выписок о движении денежных средств и перечней открытых и закрытых счетов, также запрашивают сведения из Единого государственного реестра юридических лиц (ЕГРЮЛ). Ведение ЕГРЮЛ согласно Приказа Министерства финансов Российской Федерации[1], возложен на Федеральную налоговую службу Российской Федерации. Анализ данных выписок позволяет правоохранительным органам получить необходимую информацию, а именно: перечень учредителей организации и их адреса регистрации, телефоны, виды деятельности юридического лица, даты регистрации организаций, размер уставного капитала. Благодаря полученной информации у следователей правоохранительных органов формируется перечень должностных лиц, непосредственно осуществляющих руководство финансовой деятельности проверяемой организации. По результату оперативных мероприятий данные лица, вызываются для дачи показаний в раках возбужденного уголовного дела.

Существуют также разновидности экономических угроз экономической безопасности хозяйствующих субъектов Российской Федерации.

Можно привести следующие примеры, а именно: манипуляции курсом валют, ставками таможенных тарифов, занижение налогооблагаемой базы, которые в свою очередь могут противоречить интересам предприятий, их стабильному функционированию и развитию.

Одной из угроз для юридического лица является нарушение действующего законодательства в области предпринимательской деятельности со стороны контролирующих государственных органов, превышения ими своих должностных полномочий, необоснованное вмешательство в финансовую и производственную деятельность.

Также экономической угрозой для отечественных юридических лиц является значительная конкуренция со стороны иностранных компаний, ведущих ожесточенную борьбу за доли рынков сбыта, при активной поддержке (лоббизме) своих правительств.

Недобросовестная конкуренция, которая выражается в применении промышленного шпионажа, распространении ложных сведений о конкуренте и его продукции для подрыва его деловой репутации, также является существенной экономической угрозой для российских компаний. Одним из частых способов незаконного устранения экономического конкурента является, «криминальное рейдерство», целю которого являеться захват корпоративного управления хозяйствующего субъекта.

Одним из примеров «рейдерства» можно привести случай, произошедший в г. Саратове: Путем рейдерского захвата, злоумышленники за минимальную стоимость выкупили акции ПАО «ВНИПИГАЗдобыча», для приобретения статуса мажоритарного акционера. Экономическая угроза службой экономической безопасности акционерно общества своевременно обнаружена не была, и добывающие предприятие практически было продано за «копейки», а в последствии обанкрочено. К уголовной ответственности за экономическое преступление повлекшее потерю субъекта экономической деятельности, ни кто привлечён не был.

Кризисные явления в мировой экономике влияют на экономики практически всех стран, связанных между собой внешнеэкономическими связями, и в конечном итоге эта зависимость оказывает влияние на Российские юридические лица. Чем больше национальная экономика Российской Федерации вовлечена в мировой воспроизводственный процесс, тем больше она подвержена внешним угрозам.

Для обеспечения собственной безопасности юридического лица, должна быть учтена политика государства и центрального банка Российской Федерации, деятельность конкурирующих структур, динамику развития научно-технического прогресса, тенденции мировой экономики и политики.

Все из вышеизложенного, представляет собой внешние угрозы экономической безопасности юридических лиц в Российской Федерации.

Помимо них, существуют и внутренние угрозы, исходящие от самих сотрудников и руководства компаний.

Например: нарушения технологии производства и производственные недостатки, подрыв деловой репутации в бизнес – кругах, потери реальных и потенциальных партнеров – контрагентов, а также неэффективная работа службы экономической безопасности и лиц, отвечающих за проверку контрагентов.

Видами внутренних экономических угроз юридического лица являются: наемный персонал, финансы, информация, технология и техника.

Рассмотрим деятельность недобросовестных сотрудников компании, несущих угрозу разглашения коммерческой тайны, наличия передовых технологий производства, технических изобретений и новаций. Используя указанных сотрудников, «рейдеры» получаю доступ к информационным носителям компании и внедряют вредоносное про-

[1] Приказ Минфина России от 30.10.2017 N165н (ред. от 29.10.2018) «Об утверждении Порядка ведения Единого государственного реестра юридических лиц и Единого государственного реестра индивидуальных предпринимателей, внесения исправлений в сведения, включенные в записи Единого государственного реестра юридических лиц и Единого государственного реестра индивидуальных предпринимателей на электронных носителях, не соответствующие сведениям, содержащимся в документах, на основании которых внесены такие записи (исправление технической ошибки), и о признании утратившим силу приказа Министерства финансов Российской Федерации от 18 февраля 2015 г. N25н» (Зарегистрировано в Минюсте России 16.01.2018 N49645)

граммное обеспечение, которое блокирует важную информацию или уничтожает ее. Низкая квалификация персонала также представляет собой угрозу экономической деятельности компании. Неблагоприятные социальные факторы оказывают негативное влияние на мотивацию сотрудников и желание приносить пользу своему предприятию.

Рассмотрим понятие финансовой угрозы – это недостаточный контроль над структурой вложений юридического лица, его рентабельностью, а также обстоятельства непреодолимой силы. Обстоятельства непреодолимой силы могут нанести значительный вред юридическому лицу.

Информационные угрозы – представляют собой ошибки и просчеты в работе службы информационно – аналитического обеспечения юридического лица.

Также видом экономической угрозы является: технико – технологическая угроза юридического лица. Она проявляется в отставании уровня технологических достижений отечественных компаний, по сравнению с мировыми конкурентами.

В свою очередь качественная работа правоохранительных органов по устранению угроз экономической безопасности и ущерба от них, позволит хозяйствующим субъектам эффективно достигать поставленных целей и способствовать развитию различных отраслей отечественной экономики.

Из изучения деятельности правоохранительных органов, можно сделать вывод о том, что они нуждаются в действенном механизме противодействия преступности в сфере экономической деятельности. В рамках своих полномочий правоохранительными органами проводиться мониторинг, моделирование деятельности по борьбе с экономическими и налоговыми преступлениями.

Этапами мониторинга являются:

1. Идентификация объекта мониторинга;
2. Формирование системы показателей оценки экономической безопасности объекта мониторинга;
3. Подготовка и сбор информации, характеризующей состояние объекта мониторинга;
4. Прогноз периода проведение анализа показателей экономической безопасности объекта мониторинга;
5. Стратегия развития объекта мониторинга или моделирование;
6. Реализация мер по предупреждению угроз экономической безопасности объекта мониторинга;
7. Определение факторов, характеризующих перспективные направления развития объекта мониторинга;
8. Прогноз периода расчета технико – экономических показателей объекта мониторинга.

Вышеуказанный алгоритм мониторинга позволяет правоохранительным органам прогнозировать процесс обеспечения экономической безопасности. Принцип непрерывности наблюдения при осуществлении мониторинга за финансовым состоянием юридических лиц, представляет собой вид деятельности правоохранительных органов по устранению угроз экономической безопасности.

Противодействие отечественных правоохранительных органов криминальным проявлениям предполагает разработку и принятие комплексных мер по своевременному выявлению экономических угроз, предупреждению и пресечению их.

Следовательно, необходимая цель, это выработка механизма противодействия правоохранительных органов по устранению угроз экономической безопасности хозяйствующих субъектов в Российской Федерации.

В правоохранительных органах Российской Федерации существует специальное структурное подразделение – Главное управление экономической безопасности и противодействия коррупции Министерства внутренних дел Российской Федерации (ГУЭБ и ПК МВД России). Вышеуказанное, Управление является самостоятельным структурным подразделением центрального аппарата Министерства внутренних дел Российской Федерации, обеспечивающим и осуществляющим в пределах своей компетенции:

– функции Министерства по выработке и реализации государственной политики и нормативно-правовому регулированию;
– правоприменительные полномочия в области обеспечения экономической безопасности государства;
– противодействия преступлениям экономической и коррупционной направленности.

Оперативным подразделением ГУЭБ и ПК МВД России выступает оперативно-розыскное бюро (ОРБ), которое осуществляет борьбу с налоговыми и экономическими преступлениями.

Предшественником вышеуказанного Управления являлся Департамент экономической безопасности Министерства внутренних дел Российской Федерации (ДЭБ МВД России), который указом Президента РФ от 1 марта 2011 г. N248 «Вопросы Министерства внутренних дел Российской Федерации», в структуре центрального аппарата МВД России преобразован в ГУЭБиПК МВД России.

Непосредственно сама хозяйственная деятельность имеет своей целью получение максимальной прибыли при минимальных затратах[1]. Для юридического лица прибыль основополагающая цель, а безопасность является главным условием ее получения.

Невозможность предвидеть и избежать экономических угроз – заведомый проигрыш для хозяйствующего субъекта в Российской Федерации. На практике для уменьшения экономических угроз применяют анализ условий, которые определяют развитие бизнеса, а также с выяснением взаимодействия и взаимоотношений между различными факторами экономической безопасности ведения бизнеса.

[1] Ганенкова Е.К. Классификация угроз экономической безопасности хозяйствующего субъекта.

В бизнесе важную роль имеет экономическая безопасность, которая является сложной системой управления совокупностью опасностей и угроз, функционирующая с ними. В настоящее время нет определения термина экономическая угроза хозяйствующего субъекта в действующем законодательстве Российской Федерации.

Однако на основании вышесказанного можно предложить следующее определение термина экономическая угроза хозяйствующего субъекта – это состояние экономических угроз юридическому лицу, при котором осуществляется его защита от непредвиденных обстоятельств и обеспечивается стабильное развитие в современных не стабильных рыночных условиях отечественной экономики. Указанный термин или его аналог, имело бы место ввести в действующее законодательство Российской Федерации.

Для наиболее эффективной работы по предотвращению экономических угроз, отечественным предприятиям стоит использовать в своей деятельности такие показатели, как:

1. Высокий уровень конкурентоспособности;
2. Финансовая стабильность и независимость;
3. Эффективно функционирующая служба собственная безопасности;
4. Результативный правовой отдел;
5. Грамотная служба управления персоналом.

Руководители юридических лиц также должны понимать, что правоохранительные органы имеют возможность оказание помощи в устранении экономической угрозы, путем применения видео и фото съемки.

Устанавливая в своих офисах системы видеонаблюдения за сотрудниками, руководители компаний обеспечивают контроль ситуаций внутри коллектива. Просмотр указанных видеозаписей в будущем, позволит правоохранительным органам более эффективно раскрывать экономические преступления. Деятельность правоохранительных органов по устранению экономических угроз безопасности юридических лиц, также заключается в трансляции по телевидению, показательных процессов по раскрытию налоговых и экономических преступлений и придание публичности персоналий преступников, совершивших такие преступления.

Вынесение обвинительных приговоров преступникам за экономические преступления, и трансляция показательных уголовных процессов в сфере экономики, внедряет в гражданское правосознание правила о недопустимости совершать экономические и налоговые преступления.

Устраняя экономические угрозы, правоохранительные органы должны более тщательно анализировать различного рода рекламную деятельность потенциальных финансовых пирамид, а также более оперативно принимать меры к выявлению финансовых «махинаций».

В настоящее время серьезную экономическую угрозу создают некоторые псевдопредприниматели в сети «Интернет». Они под видом добросовестных участников рынка потребительских услуг, создают рекламные сайты с перечнем услуг и товаров предоставляемых ими. Физические лица, регистрируясь на указанных сайтах и оплачивая потенциальный заказ, оплаченный товар или услугу не получают. Спустя непродолжительное время на звонки сотрудники компании не отвечают, договора аренды по месту нахождения организации – продавца, расторгают, денежные средства покупателям не возвращают. Вышеуказанных псевдо-предпринимателей правоохранительные органы за экономические преступления, привлекают к ответственности крайне редко.

Из выше изложенного можно сделать вывод о том, что правоохранительные органы в Российской Федерации обязаны отслеживать деятельность юридических лиц в сети «Интернет» и в случае, выявления фактов «мошеннических» действий, принимать меры по блокировке данных ресурсов, а руководителей данных юридических лиц, привлекать к уголовной и административной ответственности.

Кроме того профилактическими мерами по устранению угроз экономической безопасности хозяйствующих субъектов в Российской Федерации, должно являться публичное освещение деятельности правоохранительных органов, по устроению данных угроз. Новостные сводки о такой деятельности правоохранительных органов должны размещаться в сети «Интернет» и выпускаться в тираж в виде информационных брошюр и буклетов.

Указанная информация, предоставляет отечественным хозяйствующим субъектам профилактическую информацию, которая в свою очередь позволяет предотвратить многие экономические угрозы, формирую устойчивое правосознание.

Таким образом, резюмируя все вышесказанное, имеет смысл предложить расширить федеральный закон «О полиции», добавив в него термин – угроза экономической безопасности юридического лица и дополнить его статьей «о мониторинге деятельности правоохранительных органов по устранению угроз экономической безопасности хозяйствующих субъектов в Российской Федерации».

Внедрить новую методику оценки деятельности правоохранительных органов, одним из оценивающих элементов которой будет перечень предпринятых мер по устранению угроз экономической безопасности для конкретного хозяйствующего субъекта.

Литература

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 12.11.2018) / Собрание законодательства РФ, 17.06.1996, №25, ст. 2954 // http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?rnd=D2E7077C275F4709C5 6925F6996041E4&base=LAW&n=330816&dst=4294967295&cacheid=877B632A0F9899D2E1B41426

4238B74D&mode=rubr&req=doc#03149473032-6499787/ (дата обращения 08.10.2019);
2. Федеральный закон от 07.02.2011 № 3-ФЗ (ред. от 18.07.2019) «О полиции» // [Электронный источник] / http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&ts=57463677007979137976874731&cacheid=7EB1477D0C44EA54948D27C1F782B33B&mode=splus&base=LAW&n=329345&rnd=D2E7077C275F4709C56925F699604-1E4#1ig0l5tqnqr/ (дата обращения 08.10.2019);
3. Федеральный закон от 12.08.1995 № 144-ФЗ (ред. от 02.08.2019) «Об оперативно-розыскной деятельности» / «Собрание законодательства РФ», 14.08.1995, № 33, ст. 3349 // http://www.consultant.ru/cons/cgi/online. cgi?req=doc&base=LAW&n=330818&fld=134&dst=1000000001,0&rnd=0.3561491948887172#0909776215867415/ (дата обращения 08.10.2019);
4. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая) от 31.07.1998 № 146-ФЗ (ред. от 29.09.2019) / Собрание законодательства РФ, N31, 03.08.1998, ст. 3824 // [Электронный источник] / http://www.consultant.ru/cons /cgi/online.cgi?rnd=D2E7077C275F4709C56925F6996041E4&base=LAW&n=334395&dst=4294967295&cacheid=5CAC04DB474F724C5DC63FCBD6B58A24&mode=rubr&req=doc#057336811327-53561/ (дата обращения 08.10.2019);
5. Приказ Минфина России от 30.10.2017 № 165н (ред. от 29.10.2018) «Об утверждении Порядка ведения Единого государственного реестра юридических лиц и Единого государственного реестра индивидуальных предпринимателей, внесения исправлений в сведения, включенные в записи Единого государственного реестра юридических лиц и Единого государственного реестра индивидуальных предпринимателей на электронных носителях, не соответствующие сведениям, содержащимся в документах, на основании которых внесены такие записи (исправление технической ошибки), и о признании утратившим силу приказа Министерства финансов Российской Федерации от 18 февраля 2015 г. № 25н» (Зарегистрировано в Минюсте России 16.01.2018 № 49645) // Официальный интернет-портал правовой информации http://www.pravo.gov.ru, 17.01.2018;
6. Ганенкова Е.К. КЛАССИФИКАЦИЯ УГРОЗ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ХОЗЯЙСТВУЮЩЕГО СУБЪЕКТА // Студенческий: электрон. научн. журн. 2019. № 10(54). URL: https://sibac.info/journal/student/54/134482 (дата обращения: 09.10.2019);
7. Маркова С.В. «Деятельность правоохранительных органов по обеспечению экономической безопасности на предприятиях строительного комплекса регионов» // научный журнал Общество и право. Серия: Экономика и менеджмент. – 2011. – № 5. – С. (37).

ACTIVITIES OF LAW ENFORCEMENT AGENCIES TO ELIMINATE THREATS TO THE ECONOMIC SECURITY OF ECONOMIC ENTITIES IN RUSSIAN FEDERATION

Smirnov A.I.
Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation

This article considers the activities of law enforcement agencies to eliminate threats to the economic security of economic entities in the Russian Federation. The article considers various areas of activity of law enforcement agencies, the list of external and internal economic threats, and the way to eliminate them. The need to introduce a new methodology for assessing the activities of law enforcement agencies is justified. The issue of preventing economic threats to domestic enterprises when using various indicators in their activities should also be considered.

Keywords: requests from law enforcement agencies, types of economic threats to the security of business entities in the Russian Federation, a survey of officials of organizations, photos and videos.

References

1. The Criminal Code of the Russian Federation of June 13, 1996 No. 63-FZ (as amended on November 12, 2018) / the collection of legislation of the Russian Federation, June 17, 1996, No. 25, Art. 2954 // http: // www.
2. Federal Law of February 7, 2011 No. 3-FZ (as amended on July 18, 2019) «On the Police» // [Electronic source] / http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req = doc & ts = 57463677007979137976874731 & cacheid = 7EB1477D-0C44EA54948D27C1F782B33B & mode = splus & base = LAW & n = 329345 & rnd = D2E7077C275F4709C56925F6996041E4 # 1ig0r9t5tq1l9r9t5t9q9l5t1tqqlt01
3. Federal Law of 08/12/1995 No. 144-FZ (as amended on 08/02/2019) «On the operational-search activity» / «Collection of the legislation of the Russian Federation», 08/14/1995, No 33, Art. 3349 // http://www.consultant.ru/cons/cgi/online. cgi? req = doc & base = LAW & n = 330818 & fld = 134 & dst = 1000000001.0 & rnd = 0.3561491948887172 # 0909776215867415 / (accessed 08.10.2019);
4. The tax code of the Russian Federation (part one) dated July 31, 1998 No. 146-FZ (as amended on September 29, 2019) / the collection of legislation of the Russian Federation, N31, 08/03/1998, art. 3824 // [Electronic source] / http://www.consultant.ru/cons /cgi/online.cgi?rnd=D2E7077C275F4709C5692 5F6996041E4&base=LAW&n=334395&dst=4294967295&cacheid=5CAC04DB474F724C5DC63FCBD6B58A24&mode=rubr &req=doc#05733681132753561/ (reference date 08/10/2019);
5. Order of the Ministry of Finance of Russia dated October 30, 2017 No. 165н (as amended on October 29, 2018) «On approval of the Procedure for maintaining the Unified State Register of Legal Entities and the Unified State Register of Individual Entrepreneurs, amending the information included in the records of the Unified State Register of Legal Entities and The Unified State Register of Individual Entrepreneurs on electronic media that do not correspond to the information contained in the documents on the basis of which such entries were made (correction of a technical error), and about revocation of the order of the Ministry of Finance of the Russian Federation dated February 18, 2015 No. 25n «(Registered in the Ministry of Justice of Russia on January 16, 2018 No. 49645) // Official Internet portal of legal information http://www.pravo.gov.ru, 17.01. 2018;
6. Ganenkova E.K. CLASSIFICATION OF THREATS TO ECONOMIC SECURITY OF THE ECONOMIC SUBJECT // Student: electron. scientific journal 2019.No 10 (54). URL: https://sibac.info/journal/student/54/134482 (accessed date: 09/10/2019);
7. Markova S.V. “The activity of law enforcement agencies to ensure economic security at the enterprises of the regional construction complex” // Scientific journal Society and Law. Series: Economics and Management. – 2011. – No. 5. – P. (37).

Метод получения потерянной текстовой информации из цифровой формы (изображений), восстановления и ее анализ

Аллаберганов Ахмеджан Атаханович,
аспирант, кафедра криминалистики, судебных экспертиз и юридической психологии, ФГБОУ ВО «Байкальский государственный университет», аспирант кафедры «АСУ. Фотоника, приборостроение, оптические и биотехнические системы и технологии», ФГБОУ ВО «Томский государственный университет систем управления и радиоэлектроники»
E-mail: nsk-kapital@mail.ru

В статье будет рассмотрена «потерянная текстовая информация» в цифровой форме. Документ, который был преобразован в электронный файл, формат «PDF». Целью работы является восстановление и получения потерянной текстовой информации из цифровой формы (изображение) распознание, выявление фальсификации, и ее анализ.

Ключевые слова: изображение, текст, методики анализа, распознание, выявление и обработка, сравнение, наложение, зоны спектра.

Краткое понятие потерянной текстовой информации в цифровой форме (изображений)

Потеря текстовой информации – это частичное исчезновения или абсолютного исчезновения изображения.

Это потеря контрастности или качества изображения вследствие искажения сигнала или плохого копирования (рис. 1).

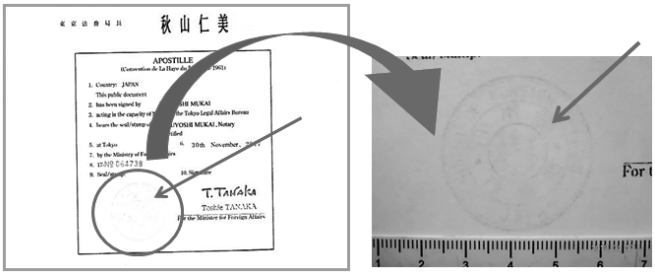

Рис. 1. Потерянная текстовая информация, оттиск печати на «APOSTILLE» от имени Министерства Иностранных Дел Японии

В картинной плоскости, в полном простанстве или в части областей на изображении, на которых отсутствует какая-либо информация о цвете.

Либо это способ сокрытия исходных данных в недрах фотоизображений, например с помошью операционной системой Windows, также, возможно, используя архиватор Winrar.

Введение

В последнее время, в сфере экономики прослеживается увеличение совершения преступлений с фальсификацией документов. С увеличением товарооборота и расширением экономических зон, привело к увеличению документооборота и при регулировании правоотношений – привело к большому росту числа поддельных документов.

Это подтверждается статистическими данными при производстве судебных экспертиз (с открытых источников (интернет ресурсов) МВД и ЭКЦ МВД РФ).

При производстве технико-криминалистических исследований, прослеживается фальсификация (подделка) документов с применением новых технологий и программных обеспечений.

С применением технических средств и приемов, качество подделки документов выросла, наряду с этим увеличился и объем поддельных документов и правонарушений. Применение новых технологий увеличилось разнообразием подделок и способов направления изготовления подделок.

В последнее время прослеживается – практика предоставления электронных копий документов в судебные инстанции «о правоотношениях». При этом, оригиналы документов каким-то образом исчезают, то есть не предоставляются.

Возникает проблема, исследования документа с электронного формата, то есть из цифровой формы – изображение (текстовая информация).

На сегодняшний день – нет достаточно проработанной методики выделения и распознания текстовой информации, представленной в виде изображение (цифровой формат).

В результате – объектом исследование в данной работе является документ «Текстовая информация представленный в электронной форме (изображение)», и предметом исследования является «Способы подделок текстовой информации, представленной в виде цифровых изображений», преобразованный формат «PDF».

Научная проблематика. Исследование, по выявлению и распознания фальсификации (подделки) документов из цифровой формы текстовой информации (изображений).

Текстовая информация, представленная на бумаге (бумажный носитель) часто переносится в цифровой вид, как изображение определенного формата и значит, может быть помещено в электронный файл, например формата «PDF».

Цель исследования. Целью работы является разработка Методики и комплекса приборов для криминалистической экспертизы цифровых изображений текстовой информации документов для выявления способов подделок, обеспечивающей точность и надежность.

Задачи исследования. Задача исследования обнаружение подделки – изменение документа.

1. Исследование изображений и получение характеристик.
2. Подтверждение найденных характеристик с помощью экспериментального комплекса, а также обнаружения новых подтверждающих признаков.

Постановка задачи. Предметом исследования в данной работе является криминалистический анализ документов, представленный в цифровой форме (изображение). Манера исполнения подделок и способ изготовления, применяемые технические средства и приемы при изготовлении подделок в современных условиях.

Цель исследований связана с повышением точности идентификации изучаемых объектов.

Научные результаты исследования и их научная новизна

1. Разработана методика выделения элементов текста и методы исследования по выявлению и распознаванию фальсификации (подделки) документа с электронного формата.
2. Алгоритм определения и распознавания текстовой информации (текста РТ) изображения, обработка и идентификация объектов исследования.
3. Криминалистический измерительный комплекс (КМК), определяющий подделку документов любой сложности.

Объект исследования. В работе рассматривается документ – «APOSTILLE» от имени Министерство Иностранных Дел и «NOTARIAL CERTIFICATE» от имени Нотариуса г. Токио, Япония (рис. 2).

Рис. 2. Объект исследования «APOSTILLE» и «NOTARIAL CERTIFICATE» – формат «PDF», имеющий плохое качество печати

Документ, из цветного изображения (RGB), преобразовывался в чёрно-белое изображение «Black and White» (B/W), и далее в «изображение в градациях серого» (Grayscale), и помещен в электронный файл, формат «PDF».

Данная текстовая информация содержит 5 (пять) типов элементов: фон бумаги; чернила; рукописный текст; машинописный текст (изготовлен при помощи знакосинтезирующего устройства (принтер)) и оттиск печати, а также и оттиск личной подписи (печать) «ХАНКО».

Применяемое оборудование. В работе приводится описание приборного комплекса, позволяющего получать изображения текста, обрабатывать их и анализировать.

Краткое описание установки**.** Криминалистический многофункциональный комплекс (КМК) (рис. 3).

Все упомянутые микроскопы установлены с возможностью изменения своего вертикального и горизонтального положения, поворота на 360° по вертикальной и горизонтальным осям и изменения угла осмотра исследуемого объекта, а световые фильтры, излучатель белого света, инфракрасный излучатель и ультрафиолетовый излучатель установлены с возможностью изменения своего вертикального и горизонтального положения, а также изменения угла освещения исследуемого объекта.

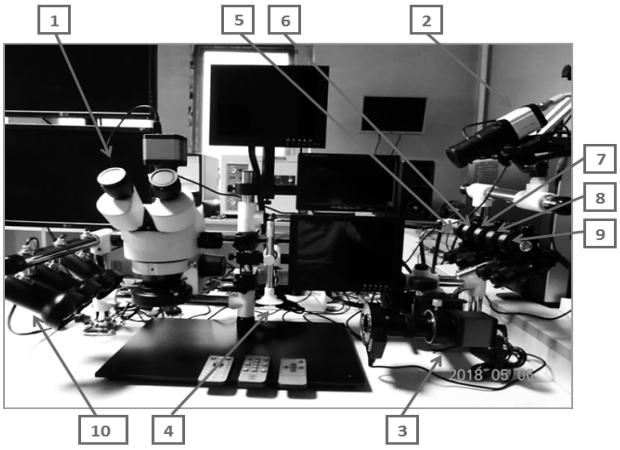

Рис. 3. Многофункциональный биолого-видеомикроскопический спектральный комплекс (данный Комплекс был разработан автором данной статьи. Патент на изобретение № 2674495; Заявка № 2018133545; Приоритет изобретения 24 сентября 2018 года; Государственная регистрация в Гос. реестре изобретений РФ 11 декабря 2018 года; Срок действия исключительного права на изобретение 24 сентября 2038 года)

Исследовательская установка, разборно-сборная с возможностью переносного действия, содержащая силовой каркас с изменениями своего положения порота и установленные на силовом каркасе: 1. Бинокулярный стереоскопический микроскоп камера; 2. Видеоинспекционный промышленный микроскоп камера; 3. Микроскоп камера предварительного просмотра с переменным фокусным расстоянием; 4. Микроскоп-эндоскоп камера; 5. Ультрафиолетовый излучатель «УФ 365 NM»; 6. Ультрафиолетовый излучатель «УФ 395 NM»; 7. Излучатель белого света «Белый А волны (луч)»; 8. Инфракрасный излучатель «ИК в зонах 850 NM»; 9. Инфракрасный излучатель «ИК в зонах 940 NM»; 10. Косопадающие световые фильтры гаммой разных цветов;

Приборы в Комплексе (КМК) работают, как не зависимо друг от друга, так и в комплексе, как единая система. Приборы работают в области видимого спектра, фотографируя и выполняя увеличение, нужный момент можно при видео захвате перенести изображение на любой монитор и сделать наложение на другой объект исследования, при этом настраивать прозрачность объектов сравнения.

Криминалистический многофункциональный Комплекс – разбирается полностью, в течении 3 (трех) минут и собирается в течении 10 (десяти) минут, (Вес до 12 кг.).

Многофункциональный исследовательский комплекс – проводит исследование Одновременно в трех и более ракурсов с изменением своего положения. Микроскопическому исследованию и в зонах спектра, подлежат большие крупногабаритные предметы (включая, труднодоступные зоны), исследование за пределами зоны Комплекса. Криминалистический комплекс может заменить целую Лабораторию, включающего в себя Оборудование разного направления и профиля.

Техническая проблема, на решение которой направлено данное изобретение, заключается в создании мобильного криминалистического многофункционального исследовательского комплекса, позволяющего осуществлять как контактные, так и дистанционные исследования.

Применяемый алгоритм. В данной работе решаются проблемы восстановление потерянной информации и извлечения текстовой информации из изображения документа.

Алгоритм восстановления текстовой информации и распознавания текста (РТ)

Системы и алгоритмы распознавания, предлагаемые Автором можно использовать в анализе документов и текстовой информации, представленной изображением в криминалистике, медицине, биометрии, промышленности и многих других сферах (рис. 4).

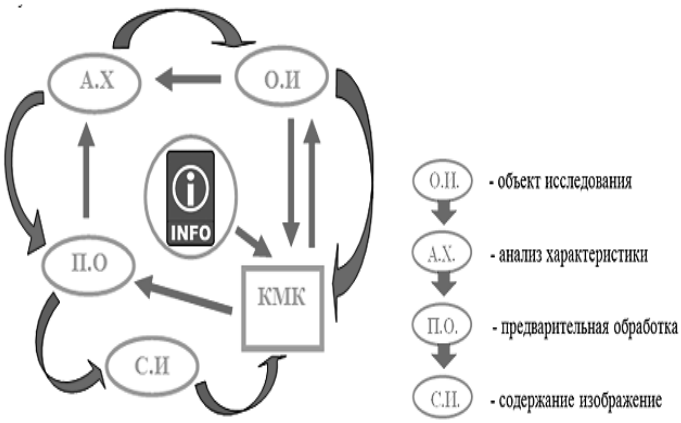

Рис. 4. Схема 1. Алгоритм обработки и разпознания текста (РТ)

Точность, устойчивость и производительность методов распознавания повышаются, за счет расширения области их применения.

Исследование. Исследование проходит «Онлайн» с электронного файла – формата «PDF», при помощи данной исследовательской установки.

Алгоритм обработки, получения изображений и распознавания текста (РТ)

Как известно: цвет – качественный показатель.

В данном исследовании – при изменении очередности, изменяя последовательность алгоритма обработки информации, исследование содержания текстовой информации на цифровом носителе, приходим к желаемому результату (определенным показателям).

Процесс исследования. Документ, из цветного изображения (RGB), преобразовывается в чёрно-белое изображение «Black and White» (B/W), и может в «изображение в градациях серого» (Grayscale), также может остаться и в цветном изображении (RGB) и помещается в электронный файл, например формат «PDF».

Целью работы является попытка автоматизации процессов измерения, анализа и сопоставления текстовой информации для решения задач экспертизы в исследовательской криминалистической деятельности.

Так как, это позволит обеспечить данное направление новым видом решений и качеством идентификации объектов исследования (рис. 5).

Рис. 5. Схема 2. Алгоритм обработки изображений с целью выделения текстовой информации

Математический алгоритм

$$I(\lambda) = I_{\circ}(\lambda) \times \cos\beta \times R(\varrho) \times \text{þ}(\lambda)$$

Где,

$I(\lambda)$ – **внешнее излучение падает в камеру (в линзу);**

$I_{\circ}(\lambda)$ – **источник излучения;**

$\cos\beta$ — **угол падения излучения на поверхность;**

$R(\varrho)$ – **функция направления отражении излучения;**

$\text{þ}(\lambda)$ – **коэффициент отражения поверхности;**

Рис. 6. Формула 1. Математический алгоритм

Создание математических алгоритмов, позволяющих уточнить область применения, также и обобщить новые методы и методики, кроме того построить и применять качественные методы и эффективно быстро обрабатывающие алгоритмы – для решения определенных криминалистических и конкретных задач в цифровой форме обработки изображений (рис. 6).

Следует развивать данное направление, позволяющее определять и изучать такие признаки как – части объектов исследования и их частей в цифровой форме в обработке изображений.

Формирование и исследование спектрального и цветового пространства поверхности документа **(объекта** исследования)

Изображение текстовой информации содержит черно-белое изображение, преобразованное из цветного в черно-белое изображение.

Предлагаемые Автором методы и способы позволяют выделять на изображении текстовую информацию и распознать при помощи соответствующих математических алгоритмов. Выделение шрифта, типа чернил связаны с задачи определения лица, написавшего текст (напечатавшего), нанесения печати, способ, места печати и др (рис.7).

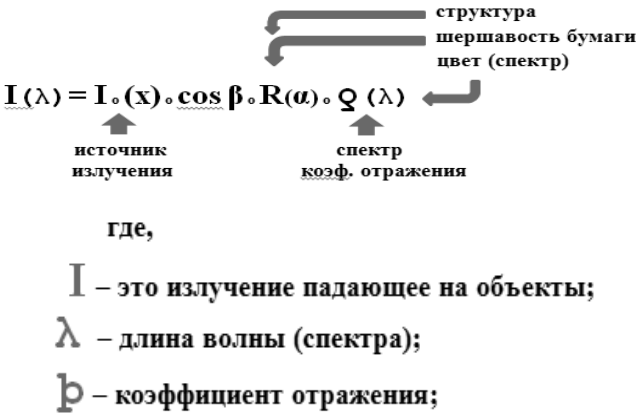

Рис. 7. Формула 2. Выделение и распознания на изображении текстовую информацию

Используя стандартные библиотеки обработки изображений можно оценить качество изображения, даваемого оптической системой (цифровой камерой).

Для очистки изображения от шумовой составляющей применяется, далее, цифровая фильтрация изображений (рис. 8).

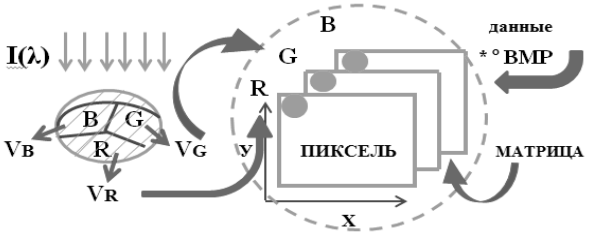

Рис. 8. Схема 3.

Обработка и анализ спектрального пространства позволяет определить признаки объектов, которые присутствуют на исследуемом (исходном) изображении.

При исследовании в видимой зоне спектра, можно выделить наилучший способ (метод) алгоритмической реализации преобразований в зависимости от вида их характеристик объекта и их частей (рис. 9).

Рис. 9. Видимые зоны спектра

При исследовании и обработке выполняется оценка алгоритмов преобразований, и анализируются зависимости правильного вычисления признаков в объекте от уровня помех.

Данное исследование подтверждается – эффективностью, качеством и быстродействующим алгоритмом.

Полученные результаты. В результате примера, Автор приведет исследование и распознавания фальсификации (подделки) документа в электронном формате «изображение» файле «PDF».

Установление:

1) восстановление потерянной текстовой информации в цифровой форме;

2) выявление и распознания фальсификации текстовой информации в электронном формате «изображение» файле «PDF» (рис. 10).

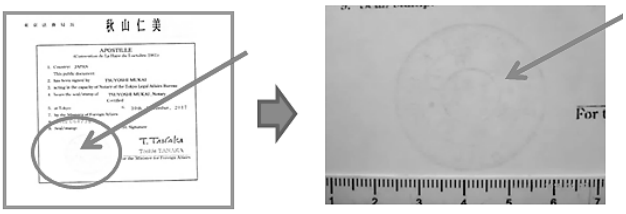

Рис. 10. Оттиск печати от имени МИД Японии преобразованный формат «PDF», с плохим качеством изготовления (для иллюстрации был распечатан)

Обработка и анализ проведена вышеуказанным Автором методом исследования. Это позволяет определить признаки объектов, которые присутствуют на исследуемом (исходном) изображении.

Как известно: Цвет – качественный показатель.

Документы очень плохого качества изготовления, исследование проходило «Онлайн» на Комплексе с электронного файла «PDF», при помощи специализированных видеомикроскопов и специальных ПО, которыми оснащен сам Комплекс (КМК), при исследовании улучшая качество изображения.

Восстановление потерянной текстовой информации (в цифровой форме), определения и распознавания фальсификации

При исследовании и обработки выполняется оценка алгоритмов преобразований, и анализируются зависимости правильного вычисления признаков в объекте от уровня помех.

Данное исследование подтверждается – эффективностью, качеством и быстродействующим алгоритмом.

Получение результата: (выявление подделки документа).

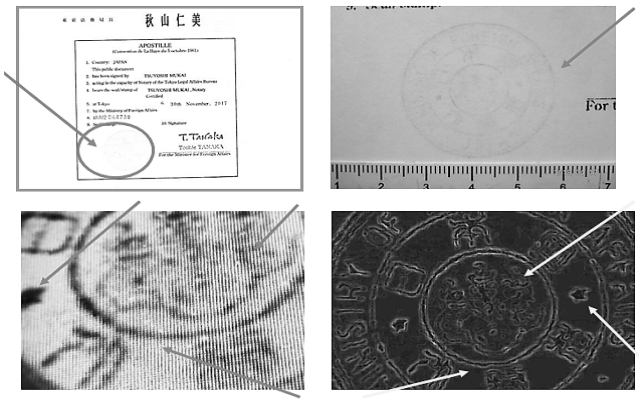

Рис. 11. Исследования в Негативе и в зонах спектра, восстановление и распознание потерянной Текстовой информации

Выводы

1. Изображение оттиска Круглой печати от имени Министерство Иностранных Дел ЯПОНИИ на «APOSTILLE» – не является изготовленным высокой печатью.
2. В средней части Оттиска печати от имени МИД Японии на «APOSTILLE» – отсутствует изображение Хризантемы.

3. Присутствие «Пятиконечной Звезды» на оттиске печати от имени МИД Японии на «APOSTILLE» – вызывает Большое удивление.
4. Оттиска печати от имени МИД Японии на «APOSTILLE» – является грубой подделкой и изготовлен специалистом очень низкой квалификации и не имеющим познание в символике Японии.

Заключение

Применение данного Метода исследования и Алгоритма обработки текстовой информации в цифровой форме, при получении изображений и распознавания текста (РТ) позволяет применять эффективно быстро обрабатывающие алгоритмы и качественные методы – для решения определенных криминалистических и конкретных задач в цифровой форме обработки изображений.

Литература

1. Фомин Я.А. Распознавание образов: теория и практика. Издание третье, дополненное / Я.А. Фомин // М.: ФАЗИС. – 2014. – 460 с.
2. Журавлев Ю.И. Распознавание. Математические методы. Программная система. Практи-

ческие применения / Ю.И. Журавлев, В.В. Рязанов, О.В. Сенько. М.: ФАЗИС, 2006. – 176 с.
3. Местецкий Л.М. Математические методы распознавания образов / Л. М. Местецкий. – М.: МГУ, ВМиК, 2002. – 85 с.

METHOD OF OBTAINING LOST TEXT INFORMATION FROM DIGITAL FORM (IMAGES), RECOVERY AND ITS ANALYSIS

Allaberganov A.A.
FSBEI of HE «Baikal State University», FSBEI of HE «Tomsk State University of Control Systems and Radioelectronics»

The article will consider the “lost text information” in digital form. The document, which was converted into an electronic file, format “PDF”. The aim of the work is to recover and receive lost text information from a digital form (image) recognition, identification of fraud, and its analysis.

Keywords: image, text, methods of analysis, recognition, detection and processing, comparison, overlay, spectrum areas.

References

1. Fomin Ya.A. Pattern recognition: theory and practice. Third Edition, supplemented / Ya.A. Fomin // M .: PHASIS. – 2014. – 460 p.
2. Zhuravlev Yu.I. Recognition. Mathematical methods. Software system. Practical applications / Yu.I. Zhuravlev, V.V. Ryazanov, O.V. Senko. M .: FAZIS, 2006. – 176 p.
3. Mestetsky L.M. Mathematical methods of pattern recognition / L. M. Mestetsky. – M .: MSU, VMiK, 2002. – 85 p.

Использование многомерной модели представления оперативно-розыскной информации при разработке информационных систем, используемых в процессе раскрытия преступления

Волгин Юрий Геннадьевич,
кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой уголовного процесса и криминалистики Юридического института Кемеровского государственного университета
E-mail: volgin384@mail.ru

Черненко Тамара Геннадьевна,
доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой уголовного права и криминологии Юридического института Кемеровского государственного университета
E-mail: chernenkotg@mail.ru

В процессе раскрытия преступлений, важное значение приобретает аналитическая обработка, имеющейся в распоряжении оперативных сотрудников, оперативно-розыскной информации. Для обеспечения аналитической обработки оперативно-розыскной информации должны использоваться специализированные информационные системы. Создание информационных систем, обеспечивающих аналитическую обработку оперативно-розыскной информации, требует разрешения ряда проблем, которые имеют как технический, так и методологический характер. Одной из таких проблем является выбор подхода к формированию массивов оперативно-розыскной информации. В настоящее время для информационного обеспечения оперативно-розыскной деятельности используются информационные системы в основе построения которых лежат две модели систематизации информации – реляционная и сетевая. На основе анализа существующих подходов формирования информационных массивов таких систем, делается вывод о том, что данные модели не позволяют эффективно решать поисковые и аналитические задачи в процессе раскрытия преступлений. Обосновывается целесообразность использования многомерной модели представления оперативно-розыскной информации.

Ключевые слова: оперативно-розыскная деятельность, раскрытие преступлений, информационное обеспечение оперативно-розыскной деятельности, оперативно-розыскная информация

В соответствии со ст. 10 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» № 144-ФЗ от 12 августа 1995 г., «Органы, осуществляющие оперативно-розыскную деятельность, для решения задач, возложенных на них настоящим Федеральным законом, могут создавать и использовать информационные системы» [1]. Одной из задач оперативно-розыскной деятельности является раскрытие преступлений.

Информационное обеспечение оперативно-розыскной деятельности направлено на удовлетворение, возникающих у оперативных подразделений информационных потребностей. Для выделения таких потребностей целесообразно обратиться к характеристике информационных процессов, протекающих при осуществлении оперативно-розыскной деятельности, в целом, и процесса раскрытия преступлений, в частности. Ранее нами было представлено свое видение таких информационных процессов, как последовательности следующих этапов: получение, обработка, представление, хранение, передача и реализация оперативно-розыскной информации [3]. На основе такого представления информационных процессов, можно выделить следующие, возникающие при раскрытии преступлений, информационные потребности: необходимость накопления, систематизации, хранения, предоставления и аналитической обработки оперативно-розыскной информации. Создание информационных систем, удовлетворяющих такого рода потребностям требует рассмотрения ряда проблем, которые имеют как технический, так и методологический характер. В этом отношении мы полостью согласны с позицией Г.Г Саркисяна, по мнению которого, «для эффективного использования массивов информации необходимо, в первую очередь, качественно организовать информационные процессы, а главным методологическим средством такой организации является система информации» [8, с. 166].

Реализованный в настоящее время подход к построению системы оперативных учетов, как основного средства информационного обеспечения оперативно-розыскной деятельности, по нашему глубокому убеждению, не позволяет эффективно решать поисковые и аналитические задачи, определяемые С.С. Овчинским как задачи оперативно-тактического уровня [7, с. 101–102]. Обозначая в качестве ключевой проблему построения информационных массивов, мы полностью соглашаемся с позицией А.А. Барсегяна, М.С. Ку-

приянова, В.В. Степаненко и И.И. Холода, утверждающих, что массивы информации «являются основой создания систем аналитической обработки данных» [2, с. 16].

Важным моментом, характеризующим массивы данных, является подход к систематизации оперативно-розыскной информации, т.е. модель представления данных.

В настоящее время для информационного обеспечения оперативно-розыскной деятельности используются информационные системы в основе построения которых лежат две модели систематизации информации – реляционная и сетевая. Однако, данные модели имеют ряд недостатков, которые создают сложности при аналитической обработке оперативно-розыскной информации.

К недостаткам реляционной модели, которые были выявлены в ходе изучения практики использования оперативными сотрудниками информационных систем, можно отнести следующие.

Во-первых, это ее простота. Информация, подлежащая накоплению, систематизации и хранению, представляется в таблицах. В таких таблицах она структурирована. И здесь следует заметить, что оперативными сотрудниками, в процессе раскрытия преступлений, используется слабоструктурированная, нерегулярная информация. Отношения между такими таблицами, содержащими оперативно-значимые сведения, не всегда адекватно отражает реальные информационные ситуации, с которыми сталкиваются оперативные сотрудники. Так, анализ деятельности оперативных подразделений органов внутренних дел, позволил выявить потребность в следующей информации, которую весьма затруднительно представить с использованием реляционной модели: привязку одного лица к нескольким адресам; характер связи между разрабатываемыми; использование автотранспортных средств различными лицами и т.п.

Следующим недостатком реляционной модели представления данных, является то, что некоторые авторы определяют как достоинство – нормализация данных, их неделимость [4, с. 56], в то время как при анализе оперативно-розыскной информации в процессе раскрытия преступлений требуется представление описания представляющих оперативный интерес лиц, событий или предметов как единого целого (агрегированная информация), либо представление отдельных характеристик указанных объектов оперативного учета (детализированная информация). Так, изучение практики деятельности оперативных подразделений органов внутренних дел, позволило выявить следующий характер обращений при раскрытии преступлений к имеющейся информации: требовалась агрегированная информация – в 32% случаев анализа; требовалась детализированная информация – в 68%.

Существенным недостатком является и тот факт, что реляционная модель не предполагает существование хронологического порядка записей в таблицах, хотя некоторые виды анализа требуют упорядоченного во времени расположения оперативно-значимых данных. 72,5% опрошенных нами сотрудников оперативных подразделений органов внутренних дел указали на тот факт, что они в процессе анализа систематизировали имеющуюся информацию по времени происхождения событий.

Давая оценку возможности использования сетевой модели, отметим следующее. 87,5%, опрошенных нами сотрудников оперативных подразделений органов внутренних дел, указали на то, что они подвергали дополнительной обработке (анализу) имевшуюся в наличии оперативно-значимую информацию, осуществляя в 63,6% случаев установление различных связей между лицами, предметами и фактами. Однако при систематизации оперативно-розыскной информации с использованием сетевой модели такие связи при вводе данных устанавливает сам оперативный сотрудник, а при анализе осуществляется поиск связей. К тому же характер таких связей не всегда может быть определен однозначно. Изучение оперативно значимых данных позволило установить, что в 24,7% случаев они имели предположительный характер. Следовательно, как нам представляется, сетевая модель так же не в полной мере пригодна для формирования информационных массивов систем, позволяющих эффективно решать задачи аналитической обработки данных.

По нашему мнению, следует указать на то, что решение задачи раскрытия преступлений требует анализа информации, образующей в своей совокупности многомерное информационное пространство. Именно пространство, а не информационное поле, как это утверждают некоторые авторы [5, с. 16], под которым С.В. Лекарев и А.П. Судоплатов понимают идеальное бесконечномерное пространство, способное отобразить все состояние предметной области [9, с. 271]. Реляционная модель только фиксирует координаты элементов такого информационного пространства (данные описываются в совокупности признаков). Сетевая модель отражает наличие уже установленных и известных связей между элементами (данными) такого информационного пространства. Описывается такое пространство, по нашему мнению, многомерной моделью. Следует на наш взгляд согласиться с мнением М.П. Малыхиной, утверждающей, что для человека, «занимающегося анализом данных, наиболее характерен многомерный взгляд на данные» [6, с. 421].

Многомерное представление данных в информационных системах, предназначенных для использования в процессе раскрытия преступлений, прежде всего, имеет своей целью повышение эффективности информационного обеспечения оперативно-розыскной деятельности. Повышение эффективности достигается увеличением скорости обработки данных при постановке сложных вопросов, а также возможностью выполнять новые действия и операции с оперативно-розыскной информацией.

Характеризуя многомерную модель, М.П. Малыхина указывает на такое ее достоинство как более высокое, в сравнении с реляционной моделью данных, быстродействие при ответе на сложные аналитические запросы, а также возможность решить задачу сложных нерегламентированных запросов [6]. Вместе с тем, нам представляется возможным, именно с использованием многомерной модели фиксировать оперативно-значимые сведения, которые имеют так называемые «нечеткие» значения, фактически устанавливая неявный и вероятностный характер связей между отдельными данными, имеющимися в распоряжении оперативного сотрудника. Еще одним из достоинств многомерного представления оперативно-розыскной информации является возможность упорядоченного рассмотрения событий во времени.

Многомерная модель представления данных также является основой построения информационных систем, позволяющих осуществлять аналитическую обработку оперативно-розыскной информации при раскрытии преступлений с использованием методов интеллектуального анализа данных.

Отмеченные нами достоинства многомерной модели данных представления оперативно-розыскной информации, по нашему мнению, делают целесообразным ее использование при формировании информационных массивов систем, предназначенных для информационного обеспечения раскрытия преступлений.

В заключении следует отметить, что существующие в настоящее время подходы к построению информационных систем для информационного обеспечения оперативно-розыскной деятельности, в целом, и процесса раскрытия преступлений, в частности, не позволяют эффективно решать поисковые и аналитические задачи. Для обеспечения решения поисковых и аналитических задач в процессе раскрытия преступлений целесообразно использование многомерной модели представления оперативно-розыскной информации.

Литература

1. Об оперативно-розыскной деятельности: федеральный закон от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ (с последующими изменениями и дополнениями) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1995. – № 33. – Ст. 3349.
2. Барсегян А.А. Методы и модели анализа данных: OLAP и Data Mining / А.А. Барсегян, М.С. Куприянов, В.В. Степаненко, И.И. Холод. – СПб.: БХВ-Петербург, 2004. – 336 с.
3. Волгин Ю.Г. Оперативно-розыскная деятельность как информационно-познавательный процесс / Ю.Г. Волгин // Милиция Сибири: история и современность: материалы региональной научно-практической конференции, посвященной 200-летию МВД. Кемерово, 26 марта 2002 г. – Кемерово, 2002. – С. 153–159.
4. Змитрович А.И. Базы данных: учебное пособие / А.И. Змитрович. – Минск: Университетское, 1991. – 270 с.
5. Криворотов А.Н. Теоретические аспекты и практика применения компьютерных технологий в криминалистических учетах: автореф. дис… канд. юрид. наук / А.Н. Криворотов. – Волгоград: Волгоградская академия МВД России, 2003. – 21 с.
6. Малыхина М.П. Базы данных: основы, проектирование, использование / М. П. Малыхина. – СПб.: БХВ-Петербург, 2004. – 528 с.
7. Овчинский С.С. Оперативно-розыскная информация / С.С. Овчинский. – М.: ИНФРА-М, 2000. – 367 с.
8. Саркисян Г.Г. Информационное обеспечение деятельности оперативных подразделений органов внутренних дел / Г.Г. Саркисян // Труды Академии управления МВД России. – 2018. – № 2. – С. 165–170.
9. Судоплатов А.П. Безопасность предпринимательской деятельности: практическое пособие / А. П. Судоплатов, С. В. Лекарев. – М.: Олма-Пресс, 2001. – 384 с.

USING A MULTY-DIMENSIONAL MODEL FOR PRESENTING OPERATIVE SEARCH INFORMATION IN THE DEVELOPMENT OF INFORMATION SYSTEMS USED IN THE PROCESS OF SOLVING CRIMES

Volgin Y.G., Chernenko T.G.
Law Institute of Kemerovo state University

In the process of solving crimes, analytical processing of operative search information available to operatives becomes important. Specialized information systems should be used to provide analytical processing of operative search information. Creating information systems that provide analytical processing of operative search information requires solving a number of problems that are both technical and methodological in nature. One of these problems is the choice of approach to the formation of arrays of operative search information. Currently for informational support of operative search activities of information systems at the basis of which lie the two models of information ordering – the relational and network. Based on the analysis of existing approaches to the formation of information arrays of such systems, it is concluded that these models do not allow to effectively solve search and analytical tasks in the process of solving crimes. The expediency of using a multidimensional model for presenting operational search information is justified.

Keywords: operative search activity, crime detection, information support of operative search activity, operative search information.

References

1. Ob operativno-rozysknoj deyatel'nosti: federal'nyj zakon ot 12 avgusta 1995 g. № 144-FZ (s posleduyushchimi izmeneniyami i dopolneniyami) // Sobranie zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii. – 1995. – № 33. – P. 3349.
2. Barsegyan A.A. Metody i modeli analiza dannyh: OLAP i Data Mining / A.A. Barsegyan, M.S. Kupriyanov, V.V. Stepanenko, I.I. Holod. – SPb.: BHV-Peterburg, 2004. – 336 p.
3. Volgin YU.G. Operativno-rozysknaya deyatel'nost' kak informacionno-poznavatel'nyj process / YU.G. Volgin // Miliciya Sibiri: istoriya i sovremennost': materialy regional'noj nauchno-prakticheskoj konferencii, posvyashchennoj 200-letiyu MVD. Kemerovo, 26 marta 2002 g. – Kemerovo, 2002. – P. 153–159.
4. Zmitrovich A.I. Bazy dannyh: uchebnoe posobie / A.I. Zmitrovich. – Minsk: Universitetskoe, 1991. – 270 p.

5. Krivorotov A.N. Teoreticheskie aspekty i praktika primeneniya komp'yuternyh tekhnologij v kriminalisticheskih uchetah: avtoref. dis… kand. yurid. nauk / A.N. Krivorotov. – Volgograd: Volgogradskaya akademiya MVD Rossii, 2003. – 21 p.
6. Malyhina M.P. Bazy dannyh: osnovy, proektirovanie, ispol'zovanie / M. P. Malyhina. – SPb.: BHV-Peterburg, 2004. – 528 p.
7. Ovchinskij S.S. Operativno-rozysknaya informaciya / S.S. Ovchinskij. – M.: INFRA-M, 2000. – 367 p.
8. Sarkisyan G.G. Informacionnoe obespechenie deyatel'nosti operativnyh podrazdelenij organov vnutrennih del / G.G. Sarkisyan // Trudy Akademii upravleniya MVD Rossii. – 2018. – № 2. – P. 165–170.
9. Sudoplatov A.P. Bezopasnost' predprinimatel'skoj deyatel'nosti: prakticheskoe posobie / A.P. Sudoplatov, S.V. Lekarev. – M.: Olma-Press, 2001. – 384 p.

Классификация тактических операций

Завьялов Владимир Александрович,
старший преподаватель кафедры криминалистики и правовой информатики юридического факультета им. А.А. Хмырова, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Кубанский государственный университет»
E-mail: vladimirzavjalov@lenta.ru

В настоящей статье автором приводятся различные основания для классификации тактических операций, содержащиеся в современной криминалистической литературе. На основе обобщения доктрины, а также судебно-следственной практики автором предложена классификация тактических операций по таким основаниям, как общность решения тактических задач, универсальность применения тактических операций, вид судопроизводства, в рамках которого применяются тактические операции, а также использования следственных действий, базирующихся на применении специальных технических средств снятия информации.

Ключевые слова: криминалистическая тактика, тактические операции, тактические комбинации, тактические комплексы, тактически риск, тактический прием.

Исследуя вопрос о классификации тактических операций, под которыми мы понимаем, упорядоченную совокупность следственных действий, оперативно-розыскных мероприятий и иных, как процессуальных, так и не процессуальных действий, соответствующих процессуальных решений, проводимых по единому плану под единоличным руководством уполномоченного должностного лица, обусловленную сложившейся следственной ситуацией, для решения тактических задач предварительного расследования, когда иными средствами не возможно решить такую задачу, в современной науке сталкиваешься с большим количеством взглядов на данный вопрос, при чем, в основу дифференциации тактических операций могут служить различные критерии. различными критериями группирования тактических операций по классам.

Так, Л.Я. Драпкин выделяет следующие виды тактических операций, базирующиеся на различных основаниях: а) по содержанию: неоднородные тактические операции, которые состоят из оперативно-розыскных мероприятий и следственных действий; однородные, в которые входят исключительно следственные действия; б) по временной структуре тактические операции подразделяются на сквозные и локальные. Первые проводятся на протяжении всего расследования уголовного дела. Вторые проводятся на одном этапе расследования; в) по организационной структуре тактические операции подразделяются на проводимые сотрудниками правоохранительных органов, действующими в постоянном структурном звене (следственные отделы, отделы уголовного розыска и т.д.) или временном (следственная группа); г) по ведомственной принадлежности указанный автор выделяет тактические операции, проводимые сотрудниками одного правоохранительного органа, и тактические операции, проводимые сотрудниками нескольких ведомств. [1, С. 19–20]

Данная классификация была оценены по достоинству рядом выдающихся ученых-криминалистов. «Пользуясь классификациями, предложенными Л.Я. Драпкиным, – пишет Р.С. Белкин, сложные тактические комбинации (Р.С. Белкин для обозначения тактической операции использовал термин «сложная тактическая комбинация) я подразделяю на однородные, или одноименные (состоящие из одноименных следственных действий), и разнородные, или разноименные (состоящие из различных следственных действий), на сквозные и локальные». [2, С. 124–125]

Обращает на себя внимание и классификация операций, предложенная В.А. Образцовым, кото-

рый их делит по следующим основаниям: а) по характеру ситуации на операции, проводимые в простых и сложных ситуациях; б) по использованию в доказывании: на используемые при доказывании обстоятельств, входящих в предмет доказывания, для установления вспомогательных фактов; в) по содержанию: на операции, включающие только следственные действия или оперативно-розыскные мероприятия, и состоящие из различных действий; г) в зависимости от этапа: операции первоначального этапа, промежуточного и заключительного этапов; д) по содержанию задач: поиск людей, обеспечивающих обнаружение предметов; е) в зависимости от организации расследования: осуществляемые сотрудниками, объеденными в постоянно или временно действующие структуры; ж) по уровню общности: специфические и типичные. [3, С. 56]

Между тем, М.А. Чернышев [4, С. 7–8] и А.М. Годовикова [5, С. 14–15] в основу классификации положили задачи и цели, которые достигаются по результату производства тактической операции.

Также вопросы классификации тактических операций освещаются в работах других ученых-криминалистов.

Проанализировав позиции указанных выше авторов, можно согласиться с Э.К. Горячевым, И.В. Тишутиной, которые пишут: ««Приведенные классификации тактических приемов и операций, воспроизведены нами только с одной целью – показать множественность и несогласованность позиций различным авторов по данному вопросу». [6, С. 81] Далее продолжают: «если наука начинается с классификации, то уровень ее развития характеризуется глубиной этого процесса и, что самое важное, выходом на конкретные практические рекомендации, на учебно-методические разработки». [6, С. 81]

Изучив правоприменительную практику, научные воззрения на исследуемый в настоящей статье вопрос, нами предлагается авторская классификация тактических операций, которая, на наш взгляд, отвечает потребностям практиков, должна помогать им ориентироваться в большом разнообразии тактических операций, представленных в науке криминалистике. Тактические операции можно классифицировать по следующим основаниям: по универсальности – на общие и специальные; по адаптации для решения тактических задач конкретного уголовного дела – базовые и частные; в зависимости от стадий уголовного процесса – стадии возбуждения уголовного дела, стадии предварительного расследования, стадии судебного следствия; по виду судопроизводства – проводимые в уголовном и гражданском судопроизводстве; по признаку получения и использования информации, передаваемой по технических каналам связи – на проводимые с таким получением и использованием информации и нет; в зависимости от частных методик – тактические операции при расследовании убийств, налоговых преступлений и др.

Под общими мы понимаем, такие тактические операции, которые применяются при расследовании уголовных дел любой категории и/или решения однородных тактических задач. А специальные – те, которые разработаны специально для конкретной частной методики и направлены на решение тактических задач, свойственных исключительно конкретным частным методикам.

Для обоснования своей позиции проведем семантический анализ указанных категорий. Так, слово общий имеет следующие значения: «1. полн.ф. Свойственный всем, касающийся всех». [7, С. 492]

Специальный понимается в толковых словарях русского языка следующим образом: «1. полн.ф. Особый, исключительно для че-го-н. предназначенный. Специальное оборудование. Специальное задание (особо важное). С. корреспондент. 2. Относящийся к отдельной отрасли чего-н., присущий той или иной специальности. Специальное образование. С. термин». [7, С. 615]

Таким образом, предложенная нами классификация подтверждается семантикой русского языка, исходя из этого, нами верно определено, что общие тактические операции, свойственны всем категориям уголовных дел, а специальные относятся к отдельным категориям уголовных дел.

Подобные идеи содержатся в трудах А.М Годовниковой, которая подразделяет тактические операции по сфере использования соответствующих рекомендаций на: а) тактические операции, используемые при расследовании любых преступлений (например, «Розыск обвиняемого», «Защита доказательств» и т.д.); б) используемые при расследовании преступлений, сходных по механизму следообразования (например, преступлений по должности и службе, убийств и т.п.) [5, С. 14]

С первой групповой характеристикой тактических операций, приведенных выше, мы можем согласиться. Однако, с выделением тактических операций по механизму следообразования мы не совсем согласны, поскольку следообразование носит однотипный характер для преступлений, взводящих в одну категорию, при этом основанием для выделения частных методик расследования являются объект преступления, характеристики способа, места, субъекта преступления, но ни коим образом, не следы преступления. Стоит обратить внимание, что групповые методики сходны по следообразованию, в частности, при расследовании уголовных дел об убийстве и причинении тяжкого вреда здоровью, повлекшего по неосторожности причинение смерти потерпевшему, следовая картина будет, практически идентична.

Ярким примером, общей тактической операции мы можем привести «Использование норм об особом порядке в рамках предварительного расследования», но с небольшой оговоркой, поскольку тактическая операция применяется при расследовании уголовных дел о преступлениях, срок наказания за которые не может превышать 10 лет лишения свободы (ч. 1 ст. 314 УПК РФ).

В науке и практике сформировалось множество специальных тактических операций, к которым, к примеру, можно отнести тактическую операцию по изобличению незаконного выпуска товаров, заключающуюся в установлении сотрудника таможни, незаконно впустившего товар, подлежащий декларированию, без таковой на территорию РФ. [8]

Рассматривая базовые и частные тактические операции стоит обратить внимание на работы М.А. Чернышев, который считает, что тактическая операция «осмотр места происшествия» является базовой, поскольку указанная операция может включать в себя элементы первоначального этапа тактической операции «Атрибуция трупа», и в случае успешного производства базовой операции, необходимость в производстве последней отпадет. Также мотивируя свою позицию, указанный автор пишет, что базовый характер указанной тактической операции заключается в большом ее информационном значении, ее добросовестное и своевременное производство обеспечивает положительные результаты расследования. [9, С. 80] Однако, к такому утверждению автора А.С. Князьков отнесся критически [10, С. 310], мы в свою очередь поддержим последнего. Базовый характер, по нашему мнению заключается в том, что одни операции являются основой для разработки других тактических операций, которые предназначены для конкретной методики или для решения однородных тактических задач.

Следовательно, базовые тактические операции являются типовыми для разработки тактических операций для конкретной частной методики или для решения совокупности однородных тактических задач

Частные тактические операции разрабатываются на основе базовых для определенной частной методики или для решения однородных тактических задач на основе общих тактических операций.

Примеров таких операция можно привести большое количество, они содержатся в научных трудах по частным методикам расследования.

Изучая вопрос о тактических операциях, проводимых на различных стадиях уголовного судопроизводства, изначально необходимо обратить внимание на разделение уголовного процесса на различные стадии, традиционно выделяют следующие: возбуждения уголовного дела; предварительного расследования; подготовки судебного заседания; судебное разбирательство (следствие); пересмотр не вступивших в законную силу приговоров, постановлений и определений суда; исполнение приговора; пересмотр вступивших в законную силу приговоров, постановлений и определений суда (Подробнее о стадиях уголовного судопроизводства: Курс уголовного процесса / Под ред.д.ю.н., проф. Л.В. Головко. – 2-е изд., испр. – М., 2017.; Уголовный процесс: учебник для академического бакалавриата / А. И. Бастрыкин [и др.]; под редакцией А. И. Бастрыкина, А. А. Усачева. – 4-е изд., перераб. и доп. – Москва, 2018. – 425 с)

Однако, на некоторых стадиях уголовного процесса, таких как, подготовка дела к судебного заседанию, пересмотр не вступивших, вступивших приговоров, постановлений и определений судов (за исключение возобновления производства по новым и вновь открывшимся обстоятельствам), исполнение приговора, как правило не осуществляется сбор доказательств, поэтому криминалистическое составляющее данных стадий сведено к минимуму.

Таким образом, по указанному выше основанию тактические операции можно подразделить на: операции стадии возбуждения уголовного дела; операции, проводимые на стадии предварительного расследования; операции, проводимые на стадии судебного следствия.

В настоящий момент, в связи с внесением изменений Федеральным законом от 04.03.2013 N23-ФЗ «О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации», на стадии возбуждения уголовного дела допускается производство следующих следственных и иных процессуальных действий: получение объяснений, получение образцов для сравнительного исследования, истребование документов и предметов, изъятие их в порядке, установленном УПК РФ, назначение судебных экспертиз, принятие участия в ее производстве и получать получение заключения эксперта в разумный срок, производство осмотра места происшествия, документов, предметов, трупов, освидетельствование, требование производства документальных проверок, ревизий, исследований документов, предметов, трупов, привлечение к участию в этих действиях специалистов, дача органу дознания обязательного для исполнения письменное поручение о проведении оперативно-розыскных мероприятий.

А при соблюдении положений статей 75 и 89 УПК РФ произведенные следственные действия на стадии возбуждения уголовного дела могут использоваться в качестве доказательств по уголовным делам.

Исходя из этого, появилась возможность проводить следственные действия, входящие в какую-либо тактическую операцию до вынесения постановления о возбуждении уголовного дела, следовательно, произошло смещение момента начала тактических операций на указанную стадию. В обоснование наших выводов можно привести пример, базирующейся на анализе уголовных дел, что большая часть тактических операций, связанных с задержанием с поличным, атрибуция трупа, как правило, проводится на стадии возбуждения уголовного дела.

Бесспорно, большая часть тактических операций, проводимых по уголовным делам проводится, соответственно, на стадии предварительного расследования.

В своей работе О.А. Сычева указывает, что тактическая комбинация в рамках судебного следствия – это «определенное сочетание тактических приемов одного или нескольких судебных действий, применяемое для решения связанной с исследованием доказательств конкретной тактической задачи в сложившейся судебной ситуации.» [11]

Указанный автор приводит следующий пример: для преодоления конфликтной ситуации возможно применение следующего комплекса мероприятий: первоначальный судебный допрос лиц, дающих согласованные и правдивые показания; выезд состава суда на место происшествия, проведение судебного осмотра, предъявление для обозрения вещественных доказательств, проведение опознания в суде, применение, при необходимости, дисциплинирующих мер к нарушителям порядка в зале судебного заседания и др. [11]

По сути, выше приведен пример тактической операции, направленной на преодоление конфликтной ситуации, поскольку в производимые судебные действия не объедены единым тактическим приемом.

О.А. Сычева под тактической операцией в рамках судебного следствия понимает, «форму организации процесса исследования доказательств, включающую комплекс согласованно проводимых компетентными субъектами судебных действий, а также мер оперативного сопровождения уголовного судопроизводства и соответствующих им тактических приемов и их комбинаций, объединенных решением сложной тактической задачи.» Приводя в качестве примера, тактическую операцию по обеспечению безопасности свидетеля, потерпевшего [11]

О.А. Сычева указывает также, что руководство тактической операцией осуществляет суд, поскольку государственный обвинитель и защитник имеют свои процессуальные интересы, отличные друг от друга [11]

Основанием для разделения данных понятий является указанием автора на то, что тактическая операция является формой организации судебного следствия, а тактическая комбинация – нет. Однако, О.А. Сычева указывает, на тактическую комбинацию, как на составной элемент тактической операции. Более того, указанный ученый формирует свои определения базируясь на одной из задач судебного следствия – исследовании доказательств. Однако, не все тактические операции направлены на сбор, исследование доказательств.

Таким образом, судебному следствию свойственны тактические операции, о чем свидетельствует сложившаяся практика, и включение судебных действий в определение тактической операции абсолютно обосновано. И яркой иллюстрацией данного является, описанная в литературе тактическая операция «Защита доказательств в суда». [12, С. 210–223] Ее суть заключается в недопущении воздействия на свидетелей, потерпевших какой-либо из сторон. В частности, указывается, что в случае если к свидетелю или потерпевшему применена мера безопасности в виде засекречивания данных о его личности, то необходимо принять все меры к недопущению разглашения этих данных, без законного основания, приведенного в ст. 278 УПК РФ.

Применение тактических операций традиционно для производства по уголовным делам. Однако, в связи с расширением сфер применения криминалистики невольно стает вопрос о возможно использования различных тактических средств в иных видах судопроизводства. Одним их первых ученых, рассмотревших возможность применения достижений криминалистики в гражданском судопроизводстве на диссертационном уровне, является В.Г. Тихиня, который в своей работе пишет: «Своим конкретным содержанием она (криминалистика – прим. автора) прежде всего здесь связана с процессуальной деятельностью, направленной на собирание, исследование и оценку доказательств по гражданским делам». [13, С. 47]

В.Г. Тихиня предлагал расширить предмет криминалистики, включив в него закономерности деятельности суда по рассмотрению гражданско-правовых споров, [13, С. 50] заостряя внимание на том, что в современных условиях не возможно развитие теории доказательств в гражданском процессе без учета достижений криминалистической науки [13, С.52] Развивая свою мысль, привязываясь к общим закономерностям сбора, исследования и оценки доказательств в различных видах судопроизводства М.В. Жижина указывает на реальную возможность развития и адаптации криминалистических знаний в цивилистическом процессе. [14, С. 11]

В.Г. Тихиня пишет: «Теория доказательств исследует процесс судебного доказывания как систему определенных правоотношений, регулируемых нормами гражданского процессуального права. Криминалистика в рамках этих правоотношений разрабатывает технические средства, тактические приемы и методы работы с доказательствами». [13, С. 53] Через призму криминалистики гражданское судопроизводство черпает достижения научно-технического прогресса и имплементирует их при рассмотрении дел судом. Наиболее эффективным применение прикладных криминалистических знаний проявляется в исследовании показаний свидетелей, письменных и вещественных доказательств. [13, С. 56] Появлением использования криминалистики в гражданском судопроизводстве является назначение судебных экспертиз. При этом, владея криминалистикой судьи могут формулировать вопросы экспертам, критически оценить заключение экспертов, осмотреть представленные документы, осуществить получение образцов для сравнительного исследования. [13, С. 57–58]. Подводя итого можно с уверенностью сказать, что в гражданском судопроизводстве подлежат применению и адаптации рекомендации, выработанные в общих положениях крими-

налистики, криминалистической технике, тактике, методике.

Но гражданский и арбитражный процесс имеют свои особенности, которые не позволяют автоматически перенести данные криминалистической науки, и главным отличием является отсутствие стадии предварительного расследования, что безусловно влияет на средства реализации криминалистических рекомендаций. Также одной из основных особенностей являются задачи различных видов судопроизводства, если для уголовного процесса задачами является защита прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений, защита личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод (ст. 6 УПК РФ), то для гражданского процесса задачей является правильное и своевременное рассмотрение и разрешение гражданских дел в целях защиты нарушенных или оспариваемых прав, свобод и законных интересов граждан, организаций, лиц, осуществляющих предпринимательскую и иную экономическую деятельность, прав и интересов Российской Федерации, субъектов Российской Федерации, муниципальных образований, других лиц, являющихся субъектами гражданских, трудовых или иных правоотношений. Гражданское судопроизводство должно способствовать укреплению законности и правопорядка, предупреждению правонарушений, формированию уважительного отношения к закону и суду, мирному урегулированию споров (ст. 2 ГПК РФ, ст. 2 АПК РФ), что исключает применение в гражданском судопроизводстве таких тактических операций, как «Атрибуция трупа», «Задержание с поличным», «Проверка алиби» и др. Но в одной из ранее опубликованных работ нами предложены рекомендации по проведению тактической операции при рассмотрении дел в порядке, предусмотренном ГПК РФ, АПК РФ, «Защита доказательств в суде» [15].

В современном уголовно-процессуальном законодательстве имеются следственные действия, которые осуществляется при помощи технических средств: контроль и запись телефонных переговоров (ст. 186 УПК РФ), получение информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами (ст. 186.1 УПК РФ).

Ряд ученых указывают на высокий тактический потенциал вышеприведенных следственных действий, в частности на возможность разработки рекомендаций по проведению тактический операций, которые будут базироваться на контроле и записи телефонных переговоров и получении информации о соединениях абонентов и (или) абонентских устройств между собой. [16, С. 93; 17, С. 145].

В ходе изучения следственной и судебной практики, анкетировании практических работников мы может выделить несколько тактический операций, в ходе которых активно применяются указанные следственные действия. К таковым относятся «Биллинг», которая разрешает тактическую задачу поискового характера об установлении лиц, находящихся в конкретном месте и в конкретное время. С применением следственного действия, предусмотренного ст. 186.1 УПК РФ осуществляется операция «Проверка информации о соединении абонентов и (или) абонентских устройств», которая направлена на установление и проверку связей свидетеля, потерпевшего, подозреваемого (обвиняемого), проверка «технического» алиби. С использованием контроля и записи телефонных переговоров осуществляет тактическая операция «Выявление скрываемой информации по средством контроля и записи телефонных переговоров», которая разрешает такие тактические задачи, как выявление соучастников преступления, выявление мест сокрытия предметов и документов, имеющих значение для расследования, проверка алиби, установление места нахождения орудий, средств преступления и иной скрываемое информации. Последняя операция заключается в производстве следственного действия, которое должно стать катализатором для допрашиваемого сообщения скрываемой информации посредством телефонной связи, при условии, что к началу этого действия телефонные переговоры допрашиваемого контролируются в рамках соответствующего следственного действия

Таким образом, можно выделить в отдельную группу тактические операции, связанных с получением и использованием информации, передаваемой по технических каналам связи.

С развитием криминалистической науки в целом, развиваются и отдельные ее разделы, в том числе и криминалистическая методика, основным направлением в ее развитии является разработка частных криминалистических методик, которые формируются по группам и видам преступлений, установленным УК РФ, с возможностью дифференцировать каждую из них по различным криминалистическим основаниям [18, С. 450], допускается создание детализированных частных методик, с применением дополнительных критериев, основанных на большой методологической криминалистической базе. [18, С. 451] Базой для которой является предмет доказывания [19, С. 221] Соответственно методики расследования подразумевают за собой, в связи с наличием частного предмета доказывания, использование различных программ, определяемых следственной ситуацией, сложившейся по делу, для достижения целей расследования, в которые входят и различные тактические операции.

Таким образом, классовые, групповые, видовые частные методики содержат в себе тактические операции, содержание которых определяется предметом доказывания, тактическими задачи, стоящими перед следователем, следственной ситуацией. В научной литературе содержится большое множество тактических операций, свойственных различным частным методикам.

Литература

1. Криминалистическая тактика: учеб. пособие для академического бакалавриата/ под ред. Л.Я. Драпкина – М., 2015.
2. Белкин Р.С. Очерки криминалистической тактики: Учеб. пособие. – Волгоград, 1993.
3. Образцов В.А. Выявление и изобличение преступника. М., 1997.
4. Чернышев М.А. Осмотр места происшествия как базовая тактическая операция: автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 2008.
5. Годовникова А.М. Основные тактические комбинации при выявлении и расследовании взяточничества и коммерческого подкупа: автореф. дис. … канд. юрид. наук. – Воронеж. 2012.
6. Горячев Э.К., Тишутина И.В. Тактико-криминалистическое обеспечение расследования преступлений. – М., 2006.
7. Ожигов С.И. Толковый словарь русского языка: Ок. 100 000 слов, терминов и фразеологических выражений / С. И. Ожегов; Под ред. проф. Л. И. Скворцова. – 28е изд., перераб. – М., 2012.
8. Гармаев Ю.П. Методика расследования преступлений: правоприменительная практика и комментарии законодательства. (Подготовлена для системы Консультант плюс. 2003)// СПС «Консультант Плюс».
9. Чернышев М.А. Тактическая операция «Осмотр места происшествия»: монография / М.А. Чернышев, Д.В. Алымов, Курск, 2015.
10. Князьков А.С. Тактико-криминалистические средства досудебного производства: дис. … д-ра юрид. наук. Томск, 2014.
11. Сычева О.А. Тактика судебного следствия: Монография. // СПС «Консультант Плюс».
12. Баев О.Я. Посягательства на доказательственную информацию и доказательства в уголовном судопроизводстве (правовые и криминалистические средства предупреждения, пресечения и нейтрализации последствий: проблемы и возможные решения). – М.: Юрлитинформ, 2010.
13. Тихиня В.Г. Теоретические проблемы применения данных криминалистики в гражданском судопроизводстве: дис. … д-ра юрид. наук. Минск, 1984.
14. Жижина М.В. Теория и практика применения современной криминалистики в цивилистическом процессе: автореферат дис. … д-ра юрид. наук. Москва, 2017.
15. Завьялов В.А. О возможности применения тактических операций в гражданском судопроизводстве// Кубанское агентство судебной информации Pro-Sud-123.ru: Юридический сетевой электронный научный журнал. 2019. № 2. [Электронный ресурс: https://pro-sud-123.ru/journals/2019/02/05_Завьялов_ВА.pdf] (дата обращения 15.01.2020).
16. Цыкора А.А. Тактико-криминалистические особенности производства следственных действий, связанных с получением и исследованием информации, передаваемой по техническим каналам связи: дис. … канд. юрид. нау. Ростов-на-Дону, 2013. С. 93.
17. Драпкин Л.Я. Уголовно-процессуальные новеллы и эффективность раскрытия преступлений// Журнал российского права. N6, ноябрь-декабрь 2017 г.
18. Святненко А.И. Некоторые вопросы создания частных методик расследования экономических преступлений// Ученые-криминалисты и их роль в совершенствовании научных основ уголовного судопроизводства: матер. вузов. юбил. науч.-прак. конф. (к 85-летию со дня рождения Р.С. Белкина): в 2-х ч. Ч1. – М., 2007.
19. Косарев С.Ю. Криминалистические методики расследования преступлений: генезис, современное состояния, перспективы развития: Дис. … д-ра юрид. наук. Санкт-Петербург, 2005.

CLASSIFICATION OF TACTICAL OPERATIONS

Zavyalov V.A.
Kuban State University

In this article, the author provides various grounds for classifying tactical operations contained in modern forensic literature. On the basis of generalization of the doctrine as well as judicial and investigative practices the author suggests the classification of tactical operations on the basis of a common tactical tasks, the versatility of tactical operations, the type of proceedings in which apply tactical operations and the use of investigative actions based on the application of special technical devices for recording information.

Keywords: criminalistics tactics, tactical operation, tactical combination, tactical systems, tactical risk, tactical decision.

References

1. Forensic tactics: studies. Handbook for academic baccalaureate/ edited by L. ya. Drapkin-M., 2015.
2. Belkin R.S. Essays on forensic tactics: Studies. benefit. – Volgograd, 1993.
3. Obraztsov V.A. Identification and exposure of the criminal. Moscow, 1997.
4. Chernyshev M.A. Inspection of the scene as a basic tactical operation: autoref. dis. … kand. the faculty of law. sciences'. Moscow, 2008.
5. Sadovnikova A.M. Basic tactical combinations in the detection and investigation of bribery and commercial bribery: author. dis. … kand. the faculty of law. sciences'. – Voronezh. 2012.
6. Goryachev E.K., I.V. Lichutina Tactical and forensic support of investigation of crimes. – Moscow, 2006.
7. Ozhigov S.I. Explanatory dictionary of the Russian language: About 100,000 words, terms and phraseological expressions / S. I. Ozhegov; edited by prof. – 28e ed., pererab. – M., 2012.
8. Garmaev Yu.P. Methods of investigation of crimes: law enforcement practice and comments on legislation. (Prepared for the Consultant plus system. 2003) // SPS "Consultant Plus".
9. Chernyshev M.A. Tactical operation "Inspection of the scene": monograph / M.A. Chernyshev, D.V. Alymov, Kursk, 2015.
10. Knyazkov A.S. Tactical and forensic means of pre-trial production: dis. … d-RA yurid. sciences'. Tomsk, 2014.
11. Sycheva O.A. Tactics of judicial investigation: Monograph. // SPS "Consultant Plus".
12. Baev O.Ya. Encroachments on evidentiary information and evidence in criminal proceedings (legal and forensic means of prevention, suppression and neutralization of consequences: problems and possible solutions). – Moscow: Yurlitinform, 2010.
13. Tikhinya V.G. Theoretical problems of using forensic data in civil proceedings: dis. … d-RA yurid. sciences'. Minsk, 1984.

14. Zhizhina M.V. Theory and practice of applying modern criminalistics in the civil process: abstract of the dis. … d-RA yurid. sciences'. Moscow, 2017.
15. Zavyalov V.A. on the possibility of using tactical operations in civil proceedings/ / Kuban Agency of judicial information Pro-Sud-123.ru: Legal network electronic scientific journal. 2019. No. 2. [Electronic resource: https://pro-sud-123.ru/journals/2019/02/05_Завьялов_ВА.pdf] (accessed 15.01.2020).
16. Tsykora A.A. Tactical and forensic features of the production of investigative actions related to the receipt and research of information transmitted through technical communication channels: dis. … kand. the faculty of law. nau. Rostov-on-don, 2013. – P. 93.
17. Drapkin L.Ya. Criminal procedural novelties and the effectiveness of crime detection / / Journal of Russian law. N6, November-December, 2017
18. Svyatnenko A.I. Some issues of creating private methods for investigating economic crimes/ / forensic Scientists and their role in improving the scientific foundations of criminal justice: mater. higher educational. proceedings of jubilee. science.-practice. Conf. (to the 85th anniversary of the birth of R. S. Belkin): at 2 h. H1. – Moscow, 2007.
19. Kosarev S.Yu. Criminalistic methods of crime investigation: Genesis, current state, development prospects: Dis. … d-RA yurid. sciences'. Saint Petersburg, 2005.

Законодательное регулирование и судебная практика взыскания медицинскими организациями неустойки со страховых медицинских организаций в связи с неоплатой медицинской помощи по обязательному медицинскому страхованию, оказанной с превышением установленных объемов

Андреева Алла Андреевна,
магистр юриспруденции Санкт-Петербургского государственного университета, руководитель юридического управления
E-mail: alla.a.andreeva1981@gmail.com

В данной статье рассмотрена проблематика правового регулирования и судебной практики взыскания медицинскими организациями неустойки (пеней) со страховых медицинских организаций в связи с неоплатой медицинской помощи по обязательному медицинскому страхованию, оказанной с превышением установленных объемов. Выявлены кардинально разные подходы к определению основания возникновения обязательства по оплате и момента его возникновения, а, соответственно, периода для исчисления просрочки. Проанализировано специальное и общее гражданское законодательство, регулирующее соответствующие правоотношения. Приведена судебная практика разных уровней. Детально рассмотрено судебное дело по рассматриваемой проблеме, дошедшее до Верховного суда в конце 2019 года. Сделаны выводы о необходимости кардинального изменения подхода к планированию объемов и функции страховых медицинских организаций.

Ключевые слова: обязательное медицинское страхование, оплата сверхобъемной медицинской помощи, основание и момент возникновения обязательства по оплате сверхобъемной медицинской помощи, взыскание пеней со страховых медицинских организаций, судебная практика по обязательному медицинскому страхованию

13 января 2020 года Верховный Суд Российской Федерации издал определение № 307-ЭС19–24825 по делу № А42–8046/2018 [1], которое является крайне важным для участников системы обязательного медицинского страхования в Российской Федерации, а именно – для медицинских учреждений и страховых медицинских организаций.

Почему же этот судебный акт имеет такое существенное значение?

Действующая система обязательного медицинского страхования в Российской Федерации начала складываться в 1991 году после отказа государства от бюджетной распределительной системы в пользу рыночной.

В настоящее время отношения между участниками системы обязательного медицинского страхования, несмотря на слово «страхование», регулируются не главой 58 Гражданского кодекса РФ, не Законом 4015-I «Об организации страхового дела в Российской Федерации», а специальным Федеральным законом № 326-ФЗ «Об обязательном медицинском страховании в Российской Федерации» (далее – ФЗ-326), вступившим в силу 01.01.2011.

За период применения ФЗ-326 и нормативно-правовых актов, изданных в его развитие, выявилась одна из системных проблем отрасли ОМС – оплата медицинской помощи, оказанной медицинскими организациями с превышением объемов, выделенных для них в рамках территориальной программы обязательного медицинского страхования (далее также – ОМС).

А эта проблема в свою очередь повлекла за собой проблему взыскания со страховых медицинских организаций пеней за просрочку оплаты медицинской помощи, оказанной с превышением установленных объемов, которой и касается свежее Определение Верховного суда.

Кратко существо вопроса можно описать следующим образом: страховая медицинская организация не имеет никакой легальной возможности добровольно, во внесудебном порядке, оплатить на основании заключенного с медицинской организацией договора медицинскую помощь, ока-

занную с превышением выделенных для медицинской организации объемов; обязанность по оплате всегда устанавливается на основании вступившего в законную силу решения суда; страховая компания при этом вынуждена платить неустойку за нарушение сроков оплаты такой помощи, рассчитываемую с момента выполнения законной обязанности страховой организации по отклонению от оплаты счетов, содержащих превышение объемов.

Рассмотрим, что приводит к возникновению такого парадокса.

По изначальному замыслу законодателя, оплата медицинской помощи по ОМС регулируется ФЗ-326, заключенными между участниками системы ОМС типовыми договорами утвержденной на государственном уровне формы, а также Правилами обязательного медицинского страхования (далее также – Правила ОМС).

В соответствии с частью 6 статьи 39 ФЗ-326 оплата медицинской помощи, оказанной застрахованному лицу, осуществляется на основании представленных медицинской организацией в страховую медицинскую организацию счетов и реестров счетов на оплату медицинской помощи в пределах объемов предоставления медицинской помощи, установленных решением Комиссии по разработке территориальной программы ОМС (далее – Комиссия), по тарифам на оплату медицинской помощи и в соответствии с Правилами ОМС [2].

В соответствии с пунктом 4 типового договора на оказание и оплату медицинской помощи по ОМС страховая медицинская организация обязуется «4.1. оплачивать медицинскую помощь, оказанную застрахованным лицам в пределах объемов медицинской помощи по территориальной программе ОМС, установленных решением комиссии по разработке территориальной программы ОМС (приложение № 1 к договору), с учетом результатов контроля объемов, сроков, качества и условий предоставления медицинской помощи, тарифов на оплату медицинской помощи по ОМС (далее – тарифы), в течение трех рабочих дней после получения средств обязательного медицинского страхования от территориального фонда ОМС (далее – территориальный фонд)» [3].

В соответствии с пунктом 139 Правил ОМС: «Оплате за счет средств обязательного медицинского страхования подлежит объем предоставления медицинской помощи, установленный на год с поквартальной разбивкой и обоснованной последующей корректировкой, осуществленной Комиссией» [4].

Счета, направленные медицинской организацией в страховую медицинскую организацию, содержащие превышение установленных Комиссией объемов, подлежат отклонению на стадии медико-экономического контроля счетов, то есть автоматически отклоняются в программном комплексе как не прошедшие проверку на соответствие объемов.

Это также прямо предусмотрено пунктом 11 Приказа Федерального фонда обязательного медицинского страхования от 28 февраля 2019 года № 36 «Об утверждении Порядка организации и проведения контроля объемов, сроков, качества и условий предоставления медицинской помощи по обязательному медицинскому страхованию», устанавливающим, что при медико-экономическом контроле проводится проверка оказанной и поданной на оплату за счет средств обязательного медицинского страхования медицинской помощи по каждому страховому случаю в целях, в том числе, «5) установления отсутствия превышения медицинской организацией объемов медицинской помощи, подлежащих оплате за счет средств обязательного медицинского страхования, установленных решением Комиссии», вступившего в силу 29.06.2019 [5]. Ранее действовавший приказ ФФОМС № 230 от 01.12.2010 содержал аналогичные положения.

В соответствии со своими полномочиями Комиссия, в том числе, «распределяет на отчетный год с поквартальной разбивкой и корректирует в течение года объемы предоставления медицинской помощи между страховыми медицинскими организациями и между медицинскими организациями, имеющими лицензию на осуществление медицинской деятельности на территории Российской Федерации, в пределах и на основе установленных территориальной программой объемов предоставления медицинской помощи, до 1 января года, на который осуществляется распределение» [4].

Казалось бы, законодательная мысль однозначна и проста – оплате за счет средств ОМС подлежат исключительно услуги, оказанные медицинскими организациями в пределах установленных для них объемов.

Поскольку объемы распределяются Комиссией на будущие периоды, основываясь на факторах статистики, прикрепленного населения, территориальной доступности, то очевидно, что запланированные показатели всегда являются ориентировочными и полное попадание в план невозможно.

Для таких случаев опять же в законодательстве об ОМС предусмотрен отдельный механизм действий участников системы ОМС при превышении выделенных для медицинской организации объемов – п. 151 Правил ОМС – обращение медицинской организацией и страховой медицинской организацией в Комиссию за перераспределением объемов, основываясь на данных статистики в течение отчетного квартала [4].

Других механизмов оплаты медицинской помощи, оказанной с превышением установленных объемов, законодательством об ОМС не предусмотрено.

Все вышеприведенные нормы представляются последовательными и логичными – государство планирует бюджет и распределяет плановые объемы медицинской помощи между медицинскими организациями, страховые медицинские орга-

низации (и территориальные фонды ОМС) обязаны проверять соблюдение нормативных объемов и отклонять счета на оплату, содержащие соответствующий дефект, медицинские организации обязаны обращаться в Комиссию за перераспределением установленных для них объемов – но логичными до тех пор, пока медицинская организация не обращается на страховую медицинскую организацию в суд с исковым заявлением о взыскании задолженности по договору на оказание и оплату медицинской помощи по обязательному медицинскому страхованию в части сумм, отклоненных по причине превышения объемов.

И в судебном порядке требования медицинских организаций удовлетворяются в полном объеме – практика единообразна по всей стране в судах всех уровней.

Последнее судебное дело (№ А15–6379/2016), дошедшее до Верховного суда в 2018 году, в трех инстанциях было разрешено в пользу страховщика и глобально в пользу специального законодательства об ОМС, однако, Верховный суд 18.10.2018 отменил решения нижестоящих судов и принял по делу новый акт, удовлетворив требования медицинской организации по оплате услуг, оказанных с превышением установленных объемов.

Судебные инстанции (например, типовые дела №№ А40–113336/2017, А75–11936/2018, А75–14217/2017, А56–50938/2017) руководствуются в своих решениях тем, что медицинские организации не имеют права отказать обратившимся гражданам в оказании услуг, факт оказания услуг медицинской организацией доказан и страховой медицинской организацией не оспаривается, соответственно, услуги должны быть оплачены.

То есть медицинская помощь, оказанная медицинскими организациями с превышением установленных объемов, может быть оплачена только после того, как судебным решением установлен факт обоснованности требования медицинской организации и сумма, подлежащая оплате.

Соответственно, основанием для возникновения обязательства по оплате должен являться не договор между медицинской организацией и страховой медицинской организацией (напротив – договор и вышеописанная система оплаты в ОМС обязывает страховую медицинскую организацию отклонять от оплаты такие услуги, и судебными решениями не устанавливается необоснованность таких отклонений!), а вступившее в законную силу решение суда.

Именно суд своим решением включает медицинские услуги, оказанные с превышением установленных объемов, в общий объем медицинской помощи, подлежащей оплате за счет средств ОМС.

На наш взгляд, это один из примеров процесса, описанного в монографии «Гражданское законодательство и судебная практика: проблемы взаимодействия», а именно: «Совершенствование общегражданского законодательства привело к признанию в теории как гражданского права, так и гражданского, арбитражного и административного процесса самостоятельной роли судебной практики в системе юридических фактов. Судебные решения входят в понятие оснований возникновения гражданских прав и обязанностей (подп. 3 п. 1 ст. 8 ГК). Это юридически значимые действия, которые соответствуют принципам права и непосредственным установлениям законодательства, и реализация такого элемента метода гражданско-правового регулирования, как инициатива (более широко – автономия воли) сторон в установлении, приобретении и осуществлении гражданских прав и обязанностей» [6].

При этом важно, что последующая оплата по судебному решению страховыми медицинскими организациями и «зеркальное» возмещение этих средств страховщикам территориальными фондами ОМС не зависит от периода оказания медицинской помощи, не коррелирует с содержанием Территориальной программы ОМС на конкретный бюджетный год, что является еще одним аргументом в пользу того, что основанием возникновения обязательства по оплате такой помощи является именно решение суда, а не договор в системе ОМС.

Проблема оплаты медицинской помощи, оказанной с превышением установленных объемов, также влечет за собой проблему взыскания со страховой медицинской организации пеней за просрочку оплаты такой помощи.

В типовом договоре на оказание и оплату медицинской помощи по обязательному медицинскому страхованию установлено, что страховая медицинская организация несет ответственность за «неоплату, неполную или несвоевременную оплату медицинской помощи, оказанной по настоящему договору, в виде уплаты медицинской организации за счет собственных средств пени в размере одной трехсотой ставки рефинансирования Центрального банка Российской Федерации, действующей на день возникновения нарушения срока перечисления средств, от неперечисленных сумм за каждый день просрочки» (п. 7.1 типового договора) [3].

При этом суммы неустойки, взыскиваемые со страховых медицинских организаций по такому основанию, исчисляются миллионами рублей (дела №№ А70–4526/2018, А42–23/2018, А42–8213/2019, А42–921/2019).

И тогда ключевыми становятся следующие вопросы:

1) Что же все-таки является основанием возникновения обязательства страховой медицинской организации по оплате медицинской помощи, оказанной с превышением выделенных объемов, – заключенный между медицинской организацией и страховой медицинской организацией типовой договор на оказание и оплату медицинской помощи по ОМС (то есть – пп. 1 п. 1 ст. 8 Гражданского кодекса РФ [7]), либо вступившее в законную силу решение суда, устанавливающее обязанность страховой медицин-

ской организации оплатить такую медицинскую помощь (то есть – пп. 3 п. 1 ст. 8 Гражданского кодекса РФ [7])?

2) И – в зависимости от ответа на первый вопрос – с какой даты у страховой медицинской организации возникает обязанность по оплате медицинской помощи, оказанной с превышением объемов – с момента осуществления окончательного расчета с медицинской организацией за период, в котором соответствующие счета были отклонены (не приняты к оплате на основании результатов автоматизированного медико-экономического контроля счетов по формальному признаку превышения установленных объемов) в соответствии с условиями заключенного между сторонами типового договора, или с момента вступления в законную силу решения суда, устанавливающего обязанность страховой медицинской организации оплатить медицинскую помощь, оказанную с превышением установленных объемов? От ответа на этот вопрос зависит не только период для расчета суммы неустойки, но и применение действующей на момент возникновения обязательства ставки рефинансирования Центрального Банка РФ.

Судебные инстанции, к сожалению, не вникают в специфику приема и проведения экспертизы счетов медицинских организаций в системе ОМС, не исследуют вопрос основания и момента возникновения обязательства по оплате медицинской помощи, оказанной с превышением установленных объемов (например, дела №№ А44–4146/2016, А42–8046/18, А62–3364/2018, А67–2669/2016, А40–78723/17–56–643, А82–5828/2018), и взыскивают заявленную медицинской организацией неустойку, ориентируясь на дату отклонения счетов от оплаты на стадии медико-экономического контроля, хотя на территории многих субъектов Российской Федерации этот контроль осуществляет территориальный фонд ОМС, а страховщик узнает о наличии отклоненных счетов только из искового заявления медицинской организации.

Однако, исходя из принципов законности и справедливости, а также из фактической «посреднической» роли страховых медицинских организаций, не имеющих реальной функции в корректном распределении плановых объемов между медицинскими организациями, но поставленных в строгие рамки императивных норм, предписывающих отклонять счета с дефектом превышения объемов под угрозой разнообразных санкций, более обоснованной представляется позиция, в соответствии с которой медицинские услуги, оказанные с превышением объемов, оказаны за пределами обязательств страховой медицинской организации по договору с медицинской организацией, но при этом могут быть оплачены на основании решения суда при условии доказывания медицинской организацией факта оказания медицинских услуг.

Таким образом, соразмерной нарушению и основанной на законе мерой ответственности страховой компании должна быть оплата пеней, рассчитанных с даты вступления в силу судебного решения, устанавливающего факт и сумму основного долга перед медицинской организацией.

В подтверждение вышеизложенной позиции можно провести аналогию с другим видом обязательного государственного страхования – страхования жизни и здоровья военнослужащих, граждан, призванных на военные сборы, лиц рядового и начальствующего состава органов внутренних дел Российской Федерации, Государственной противопожарной службы, сотрудников учреждений и органов уголовно-исполнительной системы, сотрудников войск национальной гвардии Российской Федерации. Рассматривая жалобу гражданина И.В. Матросова, Конституционный суд в Постановлении от 26 апреля 2018 г. № 18-П сделал вывод о том, что «если спор о праве на получение страховых выплат (либо об их размере) отсутствует, суд своим решением лишь подтверждает обязанность страховщика выплатить соответствующие суммы. Если же такой спор имеет место, то права и обязанности сторон страхового правоотношения будут определяться именно судебным решением» [8].

На приведенных выводах Постановления Конституционного суда № 18-П от 26.04.2018 основывается позиция Судебной коллегии по гражданским делам Верховного суда РФ, изложенная в определении от 13.08.2018 г. № 26-КГ18–20 – Верховный суд указанным актом отменил решения нижестоящих судов и при направлении дела на новое рассмотрение указал, что моментом начала течения срока для расчета неустойки, взыскиваемой со страховщика, является вступившее в силу решение суда, устанавливающее факт и размер основного долга [9].

Нельзя не отметить, что этот подход также подвергся критике, в частности, в статье «Является ли решение суда основанием для возникновения страхового обязательства? Комментарий к Определению Судебной коллегии по гражданским делам ВС РФ от 13.08.2018 № 26-КГ18–20» высказывается мнение о противоречии таких решений судов действующему страховому законодательству. Отмечается, что вывод Верховного суда о том, что судебный акт, принятый при наличии спора о выплате страхового возмещения, может непосредственно порождать права и обязанности сторон страховых отношений, «является неверным. Обязательство страховщика выплатить возмещение возникает в момент наступления страхового случая. Срок его исполнения может зависеть от ряда обстоятельств, в частности от того, были ли страховщику предоставлены необходимые в силу Закона о страховании военнослужащих документы. Однако судебное решение по страховому спору в любом случае может лишь признать наличие или отсутствие фактических обстоятельств и соответствующих правовых

последствий. Оно не является правоустанавливающим» [10, с. 19].

Проанализируем свежее дело, касающееся непосредственно обязательного медицинского страхования – дело по взысканию неустойки, переданное в Верховный суд в конце 2019 года и на исход которого страховые медицинские организации возлагали большие надежды.

Итак, фабула: медицинская организация (далее также – истец) обратилась в арбитражный суд с исковым заявлением к страховой медицинской организации (далее также – ответчик) о взыскании 108 328, 61 рублей пеней, начисленных в связи с несвоевременной оплатой по договору на оказание и оплату медицинской помощи по обязательному медицинскому страхованию.

Предметом основного спора, ранее рассмотренного судом (дело № А42–365/2018), являлась оплата медицинской помощи, оказанной медицинской организацией (истцом) сверх утвержденных для нее объемов, при этом отклонение такой медицинской помощи от оплаты в рассматриваемом случае производилось как раз не страховой медицинской организацией (ответчиком), а территориальным фондом ОМС.

Решением арбитражного суда первой инстанции исковые требования медицинской организации были удовлетворены в полном объеме (дело № А42–8046/2018). Постановлением арбитражного апелляционного суда, а также постановлением суда кассационной инстанции решение оставлено без изменения.

Обращаясь с жалобой в Верховный суд, ответчик обращал внимание Верховного суда, что судами нижестоящих инстанций не дана правовая оценка доказательствам стороны дела и не указаны мотивы, по которым были отвергнуты доводы Ответчика.

Были использованы следующие аргументы:

1. Судом апелляционной инстанции сделан вывод: «В материалах дела отсутствуют доказательства невозможности исполнения ответчиком своего обязательства вследствие непреодолимой силы, в связи с чем требование истца о взыскании неустойки соответствует условиям Договора, пункту 7 статьи 39 Закона № 326-ФЗ, статьям 330, 331 ГК РФ».

То есть, следуя логике суда апелляции, у страховых медицинских организаций была правовая возможность для добровольной внесудебной оплаты медицинской помощи, оказанной медицинской организацией сверх выделенного для данной медицинской организации объема целевых средств, что позволило бы страховой медицинской организации избежать санкций по договору.

Однако, действующее законодательство, как уже было указано в настоящей статье, устанавливает императивных запрет для страховых медицинских организаций на добровольную оплату медицинской помощи, оказанной застрахованным лицам по программе ОМС медицинской организацией, сверх выделенного для нее объема средств.

Напротив, осуществление такой оплаты повлечет за собой финансовые санкции для страховой медицинской организации, начиная от санкций за не выявление дефектов счетов, поданных с превышением объемов, заканчивая нецелевым использованием средств системы ОМС и риском уголовной ответственности для должностных лиц страховщика.

2. Основанием для возникновения обязательства по оплате медицинской помощи, оказанной медицинской организацией сверх распределенного объема, для страховой медицинской организации, в соответствии с подпунктом 3 пункта 1 статьи 8 Гражданского кодекса РФ, является вступившее в законную силу решение суда.

В соответствии с правовой позицией, изложенной в определении Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 18.10.2018 № 308-ЭС18–8218 по делу № А15–6379/2016:

«Предъявляя иск о взыскании задолженности к страховым медицинским организациям и территориальному фонду обязательного медицинского страхования, медицинская организация должна доказать факт оказания медицинских услуг в соответствии с программой обязательного медицинского страхования, но сверх установленного объема» [11].

При этом на основании п. 7 ст. 39 Закона № 326-ФЗ Ответчик оплачивает пени только за неисполнение своих обязательств по договору, то есть за те нарушения, которые имел возможность допустить в рамках договора, а именно – принять счета от медицинской организации, но допустить просрочку их оплаты [2]. Такая конфигурация взаимоотношений сторон в системе ОМС также зачастую возникает на практике – счета поданы с соблюдением всех требований, страховая компания принимает их, но вследствие дефицита бюджета субъекта федерации выделяемых территориальным фондом ОМС средств не хватает для полной оплаты счетов. В такой ситуации начисление пеней представляется как раз логично возникающим из неисполнения стороной обязательств по договору и с даты не поступления средств в момент установленной договором даты окончательного расчета за отчетный период.

Но, в рассматриваемой ситуации факт обязательства по оплате медицинских услуг, оказанных сверх распределенного объема, и сумма могут быть установлены только судом, и соответственно обязательство по их оплате у Ответчика должно было бы возникать не аналогично другим обязательствам из заключенного между сторонами договора, а с момента вступления в законную силу решения суда, устанавливающего обязанность оплаты и сумму основного долга страховой медицинской организации перед медицинской организацией.

Следовательно, и пеня за неисполнение обязательства должна начисляться именно с этого момента, а именно – в деле № А42–8046/2018 – просрочка с даты вступления в силу решения суда,

устанавливающего сумму основного долга, до даты оплаты основного долга составила 20 дней, что по ставке 7,25% за рассматриваемый период в денежном выражении составляет 10 250 руб. вместо 108 329 руб.

3. Пеня – это, прежде всего, защита контрагента от недобросовестного исполнения обязательств стороной по договору.

В соответствии со статьей 330 Гражданского кодекса Российской Федерации неустойкой (штрафом, пеней) признается определенная законом или договором денежная сумма, которую должник обязан уплатить кредитору в случае неисполнения или ненадлежащего исполнения обязательства, в частности в случае просрочки исполнения [7].

В соответствии с частью 1 статьи 401 Гражданского кодекса РФ лицо признается невиновным, если при той степени заботливости и осмотрительности, какая от него требовалась по характеру обязательства и условиям оборота, оно приняло все меры для надлежащего исполнения обязательства [7].

Исходя из действующего законодательства в системе ОМС, страховая медицинская организация не имеет правового основания добровольно оплачивать медицинскую помощь, оказанную медицинской организацией сверх распределенного объема. Законодательством об ОМС вообще не предусмотрена оплата медицинской помощи, оказанной с превышением объемов; единственный путь для медицинской организации, как указывалось выше, – обращение в Комиссию за перераспределением объемов. Пренебрежение медицинской организацией к заложенному в законодательстве об ОМС механизму перераспределения объемов и прямое обращение к страховой медицинской организации в судебном порядке несет в себе признаки злоупотребления правом.

Медицинская помощь, оказанная за пределами выделенных медицинской организации объемов, выходит за рамки договорных обязательств СМО. Поскольку счет на оплату в силу нормы закона не может быть принят, у Ответчика никогда не возникнет возможность исполнить обязательство по его оплате легально и добровольно.

4. В соответствии с правовой позицией, изложенной в Определении Верховного суда от 13.05.2011 № 23-В11–3: «В случае возникновения спора о праве на назначение страховых выплат (о размере страховых выплат), то есть по существу обязательства, штраф может взыскиваться с момента вступления решения суда в законную силу (обращения к немедленному исполнению).

Таким образом, в случае разрешения спора о страховых выплатах в судебном порядке штраф (неустойка, пеня) может быть начислен только с момента неисполнения ответчиком вступившего в законную силу решения суда о назначении страхового возмещения, в связи с чем вывод суда о взыскании штрафных сумм за период до разрешения данного спора о праве по существу не может быть признан соответствующим положениям подлежащего применению закона» [12].

Аналогичные выводы содержат Определение Верховного Суда РФ от 14.05.2009 № 5-В09–26, Определение Верховного Суда РФ от 07.05.2009 № 78-В09–10, Определение Верховного Суда РФ от 31.10.2008 № 48-В08–8.

Таким образом (п.п. 1–4 выше) ответчик мотивировал свою позицию о том, что пени должны начисляться с даты вступления в силу решения суда по основному долгу и до момента исполнения решения суда по основному долгу.

Однако, данная аргументация нашла поддержки в Верховном суде, и ожидания страховщиков не оправдались – определением № 307-ЭС19–24825 от 13.01.2020 было отказано в передаче кассационной жалобы по данному делу для рассмотрения в заседании Судебной коллегии Верховного суда.

Суд указал, что «в кассационной жалобе ответчик просит об отмене судебных актов вследствие взыскания неустойки в связи с обязательством, добровольное исполнение которого запрещено в силу закона.

Согласно части 1 статьи 291.11 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации основаниями для отмены или изменения Судебной коллегией Верховного Суда Российской Федерации судебных актов в порядке кассационного производства являются существенные нарушения норм материального права и (или) норм процессуального права, которые повлияли на

– исход дела и без устранения которых невозможны восстановление и защита нарушенных прав, свобод, законных интересов в сфере предпринимательской и
– иной экономической деятельности, а также защита охраняемых законом публичных интересов.

Таких оснований в связи с доводами жалобы не усматривается.

Ранее состоявшееся судебное решение о взыскании задолженности за оказанные услуги, в связи неоплатой которых взыскивается заявленная неустойка, подтверждает правомерность требования об оплате услуг, поэтому применение договорной неустойки за несвоевременное исполнение обязанности по оплате соответствует закону и договору» [1].

Как мы видим, специфика основания и момента возникновения обязательства по оплате «сверхобъемной» медицинской помощи на текущий момент не нашла отражения в позиции Верховного суда.

Логику такого решения можно только предполагать (например, более социально ориентированным подходом, на взгляд суда, может является финансовая защита медицинских организаций, оказывающих медицинскую помощь гражданам), но так или иначе страховая медицинская организация поставлена в условия необходимости несения финансовых рисков несовершенства системы

государственного планирования и распределения объемов, будучи абсолютно добросовестным участником системы ОМС.

Фактически страховая медицинская организация платит неустойку за добросовестное исполнение заключенного договора с медицинской организацией. При этом медицинские организации зачастую злоупотребляют сложившейся судебной практикой по взысканию пеней с целью извлечь для себя дополнительную финансовую выгоду, а именно – подают иск о взыскании суммы основного долга и пеней в конце истечения срока исковой давности, на каждом судебном заседании подают уточнение к исковому заявлению в части суммы пеней, затягивают рассмотрение дела (например, дела № А42–6541/2018, № А42–4682/2018).

Нельзя также не отметить, что в отличие от сумм основного долга по оплате медицинской помощи, оказанной с превышением установленных объемов, которые страховые медицинские организации в судебном порядке так или иначе, в срок от полугода до двух лет, взыскивают с территориальных фондов ОМС, «зеркальное» взыскание сумм неустойки с территориальных фондов ОМС не является очевидным. Во-первых, между страховой медицинской организацией и территориальным фондом ОМС заключен отдельный типовой договор о финансовом обеспечении ОМС, в котором установлены свои основания и размер ответственности, не совпадающие с ответственностью страховой медицинской организацией перед медицинской организацией: «территориальный фонд несет ответственность перед страховой медицинской организацией за нарушение сроков перечисления страховой медицинской организации средств на обязательное медицинское страхование или неполное выделение средств на обязательное медицинское страхование, установленных настоящим договором, поступивших в бюджет территориального фонда за соответствующий период, в виде уплаты штрафа в размере пяти десятых процента от неперечисленных сумм» (пункт 8 указанного договора [13]), то есть страховая компания несет ответственность за каждый день просрочки, а территориальные фонды – вне зависимости от срока платят фиксированный процент от суммы долга. Во-вторых, если взыскивать пени через убытки, необходимо доказывать противоправные действия территориальных фондов ОМС, что является в ситуации с оплатой услуг по ОМС крайне затруднительным – у территориального фонда изначально не возникает обязанность по финансированию медицинской помощи, оказанной с превышением установленных объемов, поскольку такие услуги отклоняются от оплаты на стадии первичной подачи счетов в страховую медицинскую организацию.

Сложившаяся ситуация не была бы столь болезненной для страховых компаний на рынке ОМС, если бы законодатель наделил их правом формирования страховых резервов на непредвиденные ситуации, такие как повышенная заболеваемость, увеличение тарифов на оплату медицинской помощи, количества застрахованных лиц и (или) изменение их структуры по полу и возрасту, а также оказание медицинскими организациями медицинской помощи с превышением установленных для них объемов, а также – в первую очередь – правом распределять и корректировать объемы между медицинскими организациями в режиме реального времени, с полноценной маршрутизацией пациентов и рейтингованием медицинских организаций в зависимости от качества оказываемой ими медицинской помощи.

Но в настоящий момент страховым медицинским организациям остается только – на локальном уровне – пробовать донести свою позицию до Верховного суда по другими аналогичным делам, а также формировать практику по взысканию возложенной на них неустойки с территориальных фондов ОМС, а глобально – активно двигаться в сторону полноценного внедрения принципов страховой медицины в систему обязательного медицинского страхования в России.

Литература

1. Определение Верховного Суда РФ № 307-ЭС19–24825 от 13.01.2020.
2. Федеральный закон № 326-ФЗ «Об обязательном медицинском страховании в Российской Федерации» от 29 февраля 2010.
3. Приказ Министерства здравоохранения РФ от 24 декабря 2012 г. № 1355н «Об утверждении формы типового договора на оказание и оплату медицинской помощи по обязательному медицинскому страхованию».
4. Приказ Министерства здравоохранения РФ от 28 февраля 2019 г. № 108н «Об утверждении Правил обязательного медицинского страхования».
5. Приказ Федерального фонда обязательного медицинского страхования от 28 февраля 2019 года № 36 «Об утверждении Порядка организации и проведения контроля объемов, сроков, качества и условий предоставления медицинской помощи по обязательному медицинскому страхованию».
6. Аюшеева И.З., Белов В.Е., Белова Д.А., Булаевский Б.А., Василевская Л.Ю., Гринь О.С., Данилина И.В., Долинская В.В., Моргунова Е.А., Острикова Л.К., Подузова Е.Б., Рябов А.А., Слесарев В.Л., Солдатова В.И., Соменков С.А., Фролова Н.М. Гражданское законодательство и судебная практика: проблемы взаимодействия / монография – «Проспект», 2017.
7. Гражданский кодекс Российской Федерации, часть 1, от 30.11.1994 № 51-ФЗ.
8. Постановление Конституционного Суда РФ от 26 апреля 2018 г. № 18-П «По делу о проверке конституционности пункта 4 статьи 11 Федерального закона «Об обязательном го-

сударственном страховании жизни и здоровья военнослужащих, граждан, призванных на военные сборы, лиц рядового и начальствующего состава органов внутренних дел Российской Федерации, Государственной противопожарной службы, сотрудников учреждений и органов уголовно-исполнительной системы, сотрудников войск национальной гвардии Российской Федерации».
9. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 13 августа 2018 г. № 26-КГ18–20
10. Архипова А.Г. «Является ли решение суда основанием для возникновения страхового обязательства? Комментарий к Определению Судебной коллегии по гражданским делам ВС РФ от 13.08.2018 № 26-КГ18–20» // Вестник экономического правосудия РФ. 2019. № 04, с. 10–19
11. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 18.10.2018 № 308-ЭС18–8218.
12. Определении Судебной коллегии по гражданским делам Верховного суда от 13.05.2011 № 23-В11–3.
13. Приказ Министерства здравоохранения и социального развития РФ № 1030н «Об утверждении формы типового договора о финансовом обеспечении обязательного медицинского страхования» от 09.09.2011.

LEGISLATIVE REGULATION AND ARBITRAGE PRACTICE OF RECOVERING DAMAGES FROM MEDICAL INSURANCE ORGANIZATIONS TO MEDICAL ORGANIZATIONS DUE TO NON-PAYMENT OF MEDICAL ASSISTANCE FOR COMPULSORY MEDICAL INSURANCE PROVIDED IN EXCESS OF ESTABLISHED VOLUMES

Andreeva A.A.
St. Petersburg State University

In this article issued the matters of legal regulation and arbitrage practice of recovering penalties (penalties) from medical insurance organizations to medical organizations due to non-payment of medical assistance for compulsory medical insurance rendered in excess of established volumes.
It's shown damage various approaches to determining the basis for the occurrence of the obligation to pay and the moment of its occurrence, and, respectively, to determinate a delay period calculating.
In article was presented analysis of special and general civil legislation that regulation the relevant legal relations.
It's analyzed an arbitrage practice of various levels court under consideration, which reached the Supreme Court at the end of 2019, was examined in detail. In conclusions are determinates a demand of an essential changes in the applied approach to planning the volumes and functions of insurance medical organizations.

Keywords: compulsory medical insurance, payment of over-volume medical care, basis and moment of occurrence of the obligation to pay extra-volume medical care, collection of fines from insurance medical organizations, arbitrage practice in the field of compulsory medical insurance.

References

1. The determination of the Supreme Court of the Russian Federation No. 307-ES19–24825 of 13.01.2020.
2. Federal Law No. 326-FZ "On Compulsory Health Insurance in the Russian Federation" dated February 29, 2010.
3. Order of the Ministry of Health of the Russian Federation dated December 24, 2012 No. 1355н "On approval of the form of a standard contract for the provision and payment of medical assistance for compulsory medical insurance".
4. Order of the Ministry of Health of the Russian Federation dated February 28, 2019 No. 108n "On the Approval of the Rules of Mandatory Medical Insurance".
5. Order of the Federal Compulsory Medical Insurance Fund dated February 28, 2019 No. 36 "On approval of the Procedure for organizing and monitoring the scope, terms, quality and conditions of providing medical assistance for compulsory medical insurance".
6. Ayusheeva I.Z., Belov V.E., Belova D.A., Bulaevsky B.A., Vasilevskaya L.Yu., Grin OS, Danilina I.V., Dolinskaya V.V., Morgunova E.A., Ostrikova L.K., Poduzova E.B., Ryabov A.A., Slesarev V.L., Soldatova V.I., Somenkov S.A., Frolova N.M. Civil law and judicial practice: problems of interaction / monograph – "Prospect", 2017.
7. Civil Code of the Russian Federation, part 1, dated November 30, 1994 No. 51-FZ.
8. Decree of the Constitutional Court of the Russian Federation of April 26, 2018 No. 18-P «On the case of the verification of the constitutionality of paragraph 4 of Article 11 of the Federal Law" On compulsory state insurance of life and health of military personnel, citizens called up for military training, ordinary and senior personnel "internal affairs bodies of the Russian Federation, the State Fire Service, employees of institutions and bodies of the penal system, officers of the national guard of the Russian Federation».
9. The determination of the Judicial colleague in civil cases of the Supreme Court of the Russian Federation of August 13, 2018 No. 26-KG18–20.
10. Arkhipova A.G. "Is a court decision the basis for the occurrence of an insurance obligation? Commentary on the Definition of the Judicial Collegium for Civil Cases of the Armed Forces of the Russian Federation dated 08.13.2018 No. 26-KG18–20 "// Herald of the Economic Justice of the Russian Federation. 2019. No 04, pp. 10–19.
11. The determination of the Judicial Collegium for Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation of October 18, 2018 No. 308-ES18–8218.
12. The determination of the Judicial Colleague in Civil Cases of the Supreme Court of May 13, 2011 No. 23-B11–3.
13. Order of the Ministry of Health and Social Development of the Russian Federation No. 1030n "On approval of the form of a model agreement on financial support for compulsory medical insurance" dated 09.09.2011.